СТАЛЬНАЯ МЕЧТА
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
ДЖОРДЖ АЛЕК ЭФФИНДЖЕР
ОГОНЬ НА СОЛНЦЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ночные улицы Будайена, Арабский Восток в XXV веке; серия загадочных убийств, сотрясающих город; герой-одиночка Марид Одран, полный жажды справедливости и мести, который противостоит двум могущественным гангстерским империям; психологическая драма с элементами психоанализа наряду с остросюжетным триллером — все это читатель найдет в новом романе Дж. Эффинджера «Огонь на солнце».

- Джордж Эффнинджер
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
- notes
  - 1

Джордж Эффнджер
Огонь на солнце

Поначалу дети любят своих родителей, через некоторое время — они принимаются судить их и только иногда, если это вообще происходят, прощают их.

Оскар Уайльд Портрет Дориана Грзя

Мой дед, Джордж Конрад Эффинджер, которого я никогда не видел, в годы Великой Депрессии служил полицейским в Кливленде. Ом был убит при исполнении служебных обязанностей. Эта книга посвящается его памяти, которая все больше тускнеет в сознании тех людей, которые знали его, — в отличие от полицейского значка № 374, который гордо сияет в здании вокзала Кливленда.

Глава 1

Много-много долгих дней тащились мы по шоссе вдоль побережья в сторону Мавритании — той самой части Алжира, где я родился. И в этот раз на очередном разваливающемся от ветхости автобусе, что, казалось, был погружен в летаргический сон, доползли мы до какого-то городишки, позабытого Аллахом еще прежде, чем он успел подобрать ему имя. Века приходят — века уходят: в арабском мире они будто бы оседают неподъемной тяжестью на облученных крышах тряских, скрипучих автобусов, поддерживать которые в рабочем состоянии гораздо труднее, чем в прежние времена — караваны верблюдов. В пору моего детства эти поездки на автобусах были точно такими же: тогда я сидел или стоял в проходе между креслами в числе других мальчуганов и взрослых мужчин, не считая прицепившейся на крыше дюжины-другой таких же, как я, пассажиров. Тогда, в прежние времена, автобусы проезжали возле самого моего дома. В окнах виднелись головы в тюрбанах и фесках, в вязаных шапчонках, в белых или клетчатых кеффиях. И почему-то всегда одни мужчины. Я обязательно спрошу об этом своего отца, если мне когда-нибудь еще доведется встретить его.

— Отец, — спрошу я, — скажи мне, почему все люди в автобусах — мужчины? Где же женщины?

И всякий раз я представлял себе, как отец воображение рисовало мне его высоким и жилистым, со свирепой черной бородой, с орлиным или ястребиным профилем; в моих фантазиях он был арабом, несмотря на то, что мать уверяла, будто он чистокровный француз, — итак, я представлял себе, как он задумчиво щурится от ослепительного солнца, старательно обдумывая, что ответить своему юному сыну.

— О, Марид, дорогой мой, — скажет отец, и голос его будет гортанным и хриплым, словно идущим из глубины горла, ибо губы его при этом почти не шевелились, хотя мать говорила, что у него вовсе не было такой привычки, — Марид, женщины приедут позже. Мужчины пришлют за ними потом.

— А-а… — только и смог я выдавить в ответ на такие слова.

Все, что для меня было темно и загадочно, для него было ясно и понятно. Не было вопроса, на который он не мог бы дать верный ответ. Он был

истинно мудр — куда мудрее нашего деревенского шейха и более сведущ в разных вещах, чем человек, чье лицо заполняло плакаты, расклеенные на стене, где мы остановились помочиться. — Отец, — спросил бы я его, — отчего мы мочимся

на лицо этого человека?

— Потому что это идолопоклонство — изображать лицо на плакате. Оттого и место этим наклейкам среди нечистот и смрада. Поэтому и сам Пророк — да будет с ним мир и благословение Аллаха — говорит нам: то, что мы делаем с этими изображениями, — совершенно законно и справедливо.

— А Отец Небесный? — У меня всегда имелся в запасе новый вопрос, но отец был необычайно терпелив. Он улыбнулся мне и покровительственно положил ладонь на затылок.

— Отец Небесный? А что ты делаешь, мой дорогой, когда твой мочевой пузырь, кажется, вот-вот лопнет, прежде чем ты успеешь облегчиться, и именно в этот момент муэдзин…

Саид огрел меня затрещиной слева.

— Ты что, спишь?

Я тупо посмотрел на него. В глазах моих стояло ослепительное сияние. Никак я не мог вспомнить, где, черт возьми, мы находились.

— Где, черт побери, мы находимся? — спросил я у него.

Сайд хмыкнул:

— Ты человек из Магриба, — с великого, дикого Запада, Ты веда» оттуда — ты сам говорил.

— Мы еще не добрались до Алжира? — Мне казалось, что еще нет.

— Нет, чудачина. Вот уже три часа я сижу в этой чертовой тесной кофейне, заговаривая бородавки жирному дураку. Его зовут Хишам.

— Где же мы?

— Только что миновали Карфаген. Сейчас мы на окраине старого Туниса. Теперь слушай меня; Как зовут старикана?

— А? Не помню. Он тут же отвесил мне оплеуху справа.

Я не спал две ночи. Я был слегка не в себе. Конечно, Сайду досталась самая легкая часть работы: посиживать в чайханах во время автобусных остановок, распивая мятный чай с местными шейхами, и сплетничать о мародерствующих христианах, мародерствующих евреях и о язычниках-неграх, тоже, кстати, мародерствующих. В общем, что и говорить, он не надрывался. Мне же достались пропахшие мочой улочки, наполненные тучами мух. Я не мог вспомнить, почему мы поделили работу таким образом. Помимо, прочего, это. ведь я должен был стать главой нашей экспедиции. У меня появилась идея найти эту женщину, путешествие устроил я, и, наконец, на все это тратились мои деньги. Но Сайд взял на себя мятный чай и болтовню, а мне оставил… Впрочем, молчу, не буду заводиться. Мы ждали подходящего момента. Солнце исчезло за западной стеной,

близилось время вечернего призыва к молитве. Я уставился на Саида, который уже клевал носом, и подумал: врежу-ка и я ему по башке. Но не успел я вскочить с места, как Саид поднял глаза.

— Думаю, нам пора, — произнес он, зевая.

Я кивнул, добавить было нечего. Я снова сел, и Саид Халф-Хадж приступил к делу.

Саид — прирожденный лжец. Наблюдать его в деле — одно удовольствие. Его любимым модификатором был модди Крутого Парня. Когда он его включал, никому не хотелось иметь с ним дело.

Там, в родном городе, Саид считал ниже своего достоинства зарабатывать на жизнь собственным хребтом. Весь день напролет он просиживал в кафе со мной, Махмудом и Жаком. Все делал за Саида мальчишка на побегушках, американец по имени Абдул-Хасан, которому были нужны деньги для оплаты жилья. Саид же только посмеивался, разгуливая в галлебейе, подпоясанной широким черным поясом с хромированными финтифлюшками. Халф-Хадж уделял много внимания внешнему виду. И то$_г$ чем приходилось заниматься в этих кишащих паразитами придорожных трущобах, он искренне считал забавой. Я подождал несколько минут и последовал за ним, обогнув угол, в кофейню. Я ввалился туда, весь в грязи и лохмотьях, и занял место в самом темном углу.

Хозяин едва взглянул на меня, нахмурился и Вновь обернулся к Саиду. На меня никогда не обращали внимания. Саид закачивал анекдот; со времени нашего отправления из города я слышал этот анекдот уже десятки раз в его исполнении. Когда Саид перешел к развязке, хозяин магазина и четверо мужчин у дальнего прилавка захохотали. Саид умел вызывать симпатию окружающих. Эта способность была запрограммирована. При правильно выбранном модификаторе поведение и дэдди не имело значения, где ты родился и в какой среде вырос. Ты мог общаться с любыми людьми, говорить на любом языке; в любой ситуации ты мог держать себя в руках. Информация поступала в кратковременную память. При этом можно было стать любой личностью: Рамзесом II или Баком Роджерсом в XXV столетии, стоило лишь вовремя отыскать нужные модди и дэдди.

Саид был грубым и коварным, но вместе с тем и обаятельным человеком, если вы можете вообразить себе подобную комбинацию. Я наблюдал, как хозяин заведения, все еще сотрясаясь от смеха, потянулся за чайником. Он наполнил пиалу Халф-Хаджа, пролив часть на деревянную стойку. Никто не двинулся, чтобы вытереть лужу. Саид поднес пиалу к губам, но вдруг ударил ею о стойку.

— Яа салаас! — взревел он, вскакивая. Мой перстень! — возопил Саид. Массивный золотой перстень, которым он махал перед носом старика добрых два часа, исчез. Перстень был с крупным бриллиантом. — Что с ним?

— Погляди сам! Камень — мой бриллиант — он пропал!

Хишам поймал руку Сайда и обнаружил, что бриллиант действительно исчез.

— Наверное, выпал, — изрек старик с той народной прозорливостью, какую вы найдете только в этих окаменевших от времени деревушках.

— Ясное дело, что выпал! — закричал Саид, ничуть этим не успокоенный. — Но где он?

— А что, не видать?

Саид пошарил вокруг своего места.

— Нет, я уверен, его здесь нет, — простонал он.

— Тогда, должно быть, выпал на улице. Ты, верно, потерял его, когда последний раз ходил отливать.

Саид стукнул по стойке тяжелым кулаком.

— Уже темнеет, а я должен успеть на автобус.

— У тебя еще есть время поискать, — сказал Хишам не слишком уверенно.

Халф-Хадж горестно рассмеялся:

— Камень ценой в четыре тысячи тунисских динаров, а видом — крошечная галька среди миллиона других. В сумерках мне никогда не найти его. Что же мне делать?

Старик пожевал губу и на мгновение задумался.

— Ты и правда решил успеть на автобус? — спросил он.

— Я должен, о брат мой. У меня неотложное дело.

— Я помогу тебе, если получится. Я попробую найти твой камень. Оставь мне свою фамилию и адрес; если что, я пришлю его тебе.

— Да благословит Аллах тебя и твою семью! — воскликнул Саид. — У меня мало надежды, что камень удастся найти, но приятно знать, что ты оказываешь мне услугу. Я твой должник. Давай определим подходящее для тебя вознаграждение.

Хишам посмотрел на Сайда, и глаза его сузились,

— Я не прошу награды, — медленно произнес он.

— Нет, конечно нет, но я настаиваю на ней.

— Мне не нужно награды. Я считаю своим долгом помочь тебе, как брату мусульманину.

— Хорошо, — продолжал Саид, — если ты найдешь потерянный камень, я дам тебе тысячу тунисских динаров, для пропитания твоих детей и ухода за твоими престарелыми родителями.

— Будь по-твоему, — сказал Хишам, слегка склонив голову.

— В таком случае, — торжественно изрек мой друг, — я запишу тебе мой адрес.

В то время как Саид выводил свое имя на клочке бумаги, я услышал громыхание автобуса, подъехавшего к остановке перед кофейней.

— Пусть Аллах дарует тебе хорошее путешествие, — сказал старик.

— А тебе пусть он дарует процветание и мир, — ответствовал Саид, вставая, будто бы торопясь на автобус.

Я выждал минуты три. Теперь была моя очередь. Я встал и, пошатываясь, сделал пару шагов, делая вид, что мне трудно идти по прямой. Хозяин посмотрел на меня с отвращением:

— Какого шайтана тебе надо, грязный бродяга?

— Воды, — выдавил я.

— Воды ему! Плати или проваливай!

— Однажды мусульманин спросил у Пророка — да будет на нем благословение Аллаха, — какое благороднейшее дело может сделать человек. Ответ был: «Дать воды тому, кто жаждет». Вот я и прошу этого у тебя.

— Попроси у Пророка. Я занят.

Я кивнул. Я и не ожидал от этого хама ничего хорошего. Опершись о стену, я налег локтем на прилавок. Со стороны казалось, мне никак не найти места, чтобы стоять прямо.

— Ну, что тебе еще? Я же сказал — убирайся.

— Вот дырявая голова, — проворчал я, будто бы вспоминая. — Ведь у меня есть для тебя кое-что. — Я полез в карман джинсов и вытащил блестящий круглый камень. — Это то, что искал тот человек? Я нашел его неподалеку. Это он?

Старик попытался выхватить камень из моей руки:

— Где ты взял? Верно, на улице? На *моей* улице. Значит, это — мое.

— Нет. Я нашел его. Он…

— Он просил меня найти этот камень. — Хозяин уже смотрел вдаль, высчитывая прибыль от награды.

— Тот человек сказал, что заплатит за камень.

— Это так. Слушай, у меня есть его адрес. Что толку тебе в камне без адреса?

Секунду-две я подумал.

— Ты прав, о шейх.

— А зачем мне адрес без камня? Итак, вот мое предложение: даю тебе за камень двести динаров.

— Две сотни? Но он сказал…

— Он сказал, он даст мне тысячу. Мне, а не тебе, пьяный

дурак. Понимаешь? Бери две сотни. Когда в последний раз у тебя было двести динаров?

— Давно.

— Да уж верно, давно.

— Дай мне сначала деньги.

— Дай мне сперва камень.

— Деньги.

Старик что-то проворчал и отошел. Достал из-под прилавка ржавую кофейницу. В ней была тонкая пачка денег; он отсчитал двести динаров старыми, потертыми купюрами.

— Вот, держи и убирайся к чертовой матери! Я взял деньги и сунул в карман. Затем отдал камень Хишаму.

— Если ты поторопишься, — сказал я, заплетающимся языком, несмотря на то, что сегодня не был пьян и наркотиками не баловался, — ты его догонишь. Автобус еще не ушел. Старик ухмыльнулся:

— Позволь мне преподать тебе урок дальновидного бизнеса. Уважаемый человек предложил мне тысячу динаров за камень ценой в четыре тысячи динаров. Что мне лучше — взять награду или продать камень за полную стоимость?

— Продажа камня вызовет осложнения, — сказал я.

— Об этом я сам позабочусь. А теперь проваливай. Чтоб духу твоего здесь не было.

Ему не пришлось повторять свои слова дважды. Уходя из старой кофейни, я отключил свой модификатор. Не знаю, где Халф-Хадж достал его: на нем был малаккский ярлык, но я не думаю, что подобная электроника редкость. Это был модуль-дебилизатор: когда я связался с ним, он съел половину моего интеллекта и сделал меня нескладным полудурком, едва способным даже на эту роль. Когда он отключался, мир внезапно возвращался в мое сознание, и это походило на пробуждение от смутного наркотического бреда. Я всякий раз досадовал на себя еще с полчаса после выключения модификатора. Я презирал себя за то, что согласился носить его, я ненавидел Сайда за то, что он уговорил меня это сделать. Сам-то он со своим драгоценным самомнением в жизни не стал бы носить его. Поэтому роль балбеса досталась мне, несмотря на то, что у меня было вдвое больше внутричерепных модификаций окружающих нас личностей и с избытком всяких задатков, делающих меня зверски талантливым сукиным сыном; меж тем как с этим модди мне приходилось опускаться до уровня овоща.

В автобусе я сел по соседству с Саидом, но не горя желанием разговаривать с ним: не хватало мне еще выслушивать его издевки.

— Что мы получили за этот кусок стекла? — спросил он. Он уже вставил настоящий бриллиант на место в свой перстень.

Я молча отдал ему деньги. Эта была его игра и его деньги. Впрочем, сейчас это меня занимало меньше всего. Я даже не знаю, почему я пошел с ним на это дело. Естественно, не из-за того, что он заявил о своем отказе ехать со мной в Алжир, если я не сделаю этого.

Саид пересчитал деньги:

— Две сотни? Всего-то? Последние два раза мы срывали больше. Ну, да и черт с ними, в Алжире мы сможем спустить на две сотни динаров больше. Слушай, поедем в Касбу? Местные мальчики с глазами газелей и не догадываются, что приближается к ним этой ночью, пахнущей лимоном.

— Старый вонючий автобус к ним приближается, Саид.

Саид посмотрел на меня своими большими глазами, потом засмеялся.

— Ты не романтик, Марид, — сказал он. — С тех пор как твои мозги опутаны проводами, ты стал скучен.

— Как насчет того, чтобы вздремнуть? — Мне не хотелось больше разговаривать, и я притворился, что собираюсь заснуть. Я закрыл глаза и слушал, как подскакивает и грохочет по разбитой мостовой автобус, как без конца спорят и смеются пассажиры вокруг меня. В провонявшем бензином салоне было тесно и душно, но старый автобус час за часом приближал меня к разгадке тайны. В моей жизни наступал момент, когда мне предстояло понять, кто же я такой на самом деле.

Автобус остановился в городе Барбара, Аннаба, и в салон залез старик с седой бородой, продающий абрикосовый нектар. Я взял нектар для себя и Халф-Хаджа. Абрикосы — гордость Мавритании, и этот сок был первым знаменованием моего приближения к дому. Я закрыл глаза, вдыхая нежный абрикосовый аромат, затем глотнул густой сладости. Саид залпом опрокинул свою порцию и ограничился кратким «спасибо». Похоже, он даже и не почувствовал вкуса.

Дорога извивалась к югу от темного невидимого побережья в сторону города Константины. Хотя было уже поздно — приближалась полночь, Я сказал Саиду, что хочу сойти с автобуса и поужинать. У меня с полудня во рту не побывало ни крошки.

Константина построена на высоком и крутом известковом уступе, это единственный древний город в Восточном Алжире, переживший столетия иностранных нашествий. Правда, меня сейчас занимало одно — еда. В Константине есть местное блюдо под названием «хорба бейда бел кефта» — суп с фрикадельками, который готовят с луком, перцем, куриными потрохами,

миндалем и корицей. Я не пробовал его лет, наверное, пятнадцать, и меня ничуть не заботило, что мы можем опоздать на автобус, после чего придется сутки ждать следующего; я был твердо намерен отведать этого супа. Саид решил, что я рехнулся.

Я съел свою порцию, и, должен признаться, это было объедение. Саид молча наблюдал за мной, потягивая чай. Мы успели на автобус. Я ощущал себя восхитительно, согретый чувством сытости, приправленным ностальгическим жаром. Я занял место у окна, надеясь, что увижу знакомый ландшафт, когда мы будем проезжать через Джиель и Мансурию. Конечно, за окном, как и в моем кармане, не было видно ни зги, кроме луны и пылко сверкающих звезд. Все же я притворялся, что могу отметить вехи, означавшие мое приближение к Алжиру, городу, где провел большую часть детства.

Когда вскоре после восхода солнца мы наконец доехали до Алжира, Халф-Хадж энергично затряс мое плечо и вывел из полудремы. Я и не заметил, как уснул, отчего чувствовал себя омерзительно.

В голове трещало битое стекло, а в шее был ущемлен какой-то нерв. Я вытащил аптечку и заглянул внутрь. В каком состоянии лучше въезжать в Алжир: галлюцинирующим, обдолбанным и в припадке сомнамбулизма или трезвым субъектом, но с тяжелой головой и ноющей шеей? Принятие решения было делом непростым. Я выбрал свободу от боли, но в ясном сознании, поэтому проглотил восемь таблеток соннеина. Таблетки стерли головную боль и все прочие неприятные ощущения, и я с грехом пополам перекантовался из автобуса в такси на остановке в Мустафе.

— Смотрю, ты уже под балдой, — заметил Саид, когда мы уселись на заднее сиденье. — Я велел шоферу подбросить нас к общественному инфоблоку.

— Я под балдой? Ты видел меня когда-нибудь под балдой в такую рань?

— Вчера. Позавчера. Позапозавчера.

— Я имею в виду любые «когда-нибудь», кроме трех последних. Да я с тонной опиатов в крови действую лучше, чем большая часть людей без них.

— Оно и видно.

Я уставился в окошко такси.

— Зато, — сказал я, — у меня еще осталась целая куча дэдди.

Такой электроники, как у меня в башке, не было ни у кого из арабов. Взять, к примеру, дэдди, контролирующие функции гипоталамуса, — с ними мне не были страшны ни усталость, ни голод, ни жажда, ни боль. Или дэдди, повышающие

восприимчивость пяти чувств.

Марид Одран, Силиконовый Супермен.

— Знаешь, — сказал я, задетый язвительностью Саида, — я долго боялся электроники, но теперь не могу себе представить, как я раньше обходился без нее.

— Тогда какого черта ты по-прежнему отравляешь свой мозг наркотиками? — спросил Халф-Хадж.

— Я от природы несколько консервативен. Кроме того, когда я убираю дэдди, я чувствую себя ужасно. На меня сразу обрушиваются боль и усталость.

— А от твоих соннеинок и «красоток» у тебя не бывает побочных синдромов?

— Заткнись, Саид. С чего это ты вдруг стал таким заботливым?

Он искоса посмотрел на меня и улыбнулся:

— Ты не хуже меня знаешь: религия запрещает алкоголь и сильнодействующие наркотики.

И это мне говорил Халф-Хадж, который если когда и заходил в мечеть, то лишь для того, чтобы прогулять школу!

Минут через десять — пятнадцать шофер такси высадил нас у библиотеки. Я чувствовал странное возбуждение, хотя и не понимал его причины. Я поднялся по гранитным ступеням лестницы к дверям библиотеки. Откуда такая нервозность?

В зале было несколько свободных терминалов. Я сел за серый экран старенького Бат-эль-Марифи. Он спросил меня, какого рода поиск я собираюсь вести. Синтезатор голоса этой машины был создан в одной из североамериканских республик, поэтому у нее были затруднения с арабским произношением.

— Человек, — сказал я, затем нажал кнопку ввода информации.

Когда появился курсор, я произнес в микрофон:

— Монро, запятая, Эйнджел.

Машина подумала над этим с минуту, затем по яркому экрану побежали белые буквы:

Эйнджел Монро
16, улица Сахары (Верхняя) Касба Алжир Мавритания 04-Б-28

Затем я заставил машину распечатать адрес. Халф-Хадж состроил вопросительную гримасу, и я кивнул:

— Кажется, у меня найдутся кое-какие ответы на вопросы.

— Иншаллах, — пробормотал Саид, — если это угодно Богу.

Мы снова вышли в жаркое влажное утро и поймали другое такси. От инфоблока библиотеки до Касбы оставалось рукой

подать. Движение было не таким оживленным, как во времена моего детства, — во всяком случае, в том, что касается автомобильного транспорта; однако длинные вереницы тяжело нагруженных осликов, ведомых по узким улицам, сохранились до сих пор.

Название «улица Сахары» — чистая ошибка. Помнится, кто-то давным-давно говорил мне, что настоящее название улицы — «Улица Н'сара», или «Улица христиан». Не знаю, каким образом это название исказилось. Очень немного в Алжире связано с Сахарой. От Средиземноморского побережья до Сахары в общем-то путь не близкий. Но сейчас все употребляют именно это название улицы, оно даже проникло в географические карты.

Дом номер 16 оказался старым обветшалым зданием из кирпича, два верхних этажа которого выступали из стены, нависая над булыжной мостовой. Жилой дом напротив был устроен точно так же, и оба здания почти сходились над моей головой, словно две чопорные старые матроны, разговаривающие через забор. В почтовом ящике я увидел открытку с именем Эйнджел Монро, чернила на ней уже выцвели. Я нажал кнопку звонка. На двери парадного не было замка, и я поднялся на второй этаж. Саид шел следом.

Ее квартира оказалась на третьем этаже, в конце коридора. Коридор был застелен ковровой дорожкой, если ее вообще можно было так назвать, эту насквозь пропесоченную ткань неопределенно-бурого цвета. Ноги бесчисленных посетителей протерли ее в некоторых местах насквозь, в дырах просвечивали сухие серые доски. На стенах лепились грязные коричневые обои, оборванные местами длинными лоскутьями. Воздух был пропитан странным кислым запахом, словно здесь доживали последние дни умирающие или смертельно больные, упрямо продолжавшие влачить свое жалкое существование. Из-за одной двери доносилась семейная склока с громкими угрозами и звоном разбитой посуды; из-за другой — истерический смех и звуки ударов по телу. Все это меня ничуть не интересовало.

Остановившись перед обшарпанной дверью Эйнджел Монро, я глубоко вздохнул и посмотрел на Халф-Хаджа, но он пожал плечами и намеренно отвернулся. Тоже мне, друг называется. Я был абсолютно одинок. Я попытался уверить себя, что ничего плохого не случится — ложь, необходимая для следующего шага, — и затем постучал в дверь. Ответа не было. Я подождал несколько секунд и постучал, снова, погромче. На этот раз послышался скрип пружин и медленное шарканье. Дверь отворилась. Выглянула Эйнджел Монро, всматриваясь в наши лица.

Она была на целую голову ниже меня, с обесцвеченными белыми волосами, туго стянутыми в прическу, которую я бы назвал «крысиные хвостики». Черные корни волос не испытывали заботы хозяина со дня рождения Пророка. Глаза были обведены темно-синим и черным, что наводило на мысль о ярких средиземноморских рыбках. Губная помада была нанесена не столь эффектно и к тому же неверной рукой, отчего вид у Эйнджел Монро был не столько сексапильным, сколько болезненным. Ее губная помада, по причинам, известным лишь Аллаху и ей самой, была пурпурного цвета; губы выглядели так, словно она приобрела их в первую очередь и забыла положить в холодильник, отправляясь за остальными покупками.

Ее фигура намекала на то, что ее обладательница давно уже не молода, чтобы носить какие-либо иные наряды, кроме длинного белого алжирского хайка с традиционно наброшенным покрывалом. Проблема заключалась в том, что ее тело никогда не знало хайка. Сейчас она была одета в узкие шорты, сквозь пояс которых свешивался кругленький животик. Полупрозрачная блузка не скрывала отвисшей груди. Если бы ей пришлось сесть, в углублении ее пупка можно было надежно спрятать самую большую жемчужину в мире. Ее ноги были посечены разбухшими венами, отчего походили на высохшие долины Мзаба. Широкие плоские ступни были прикрыты рваными шлепанцами с выщипанными помпонами.

По правде говоря, я испытал некоторое отвращение.

— Эйнджел Монро? — спросил я. Конечно, это было не настоящее ее имя. Она, как и я, была как минимум наполовину берберка. Ее кожа была темнее моей, а глаза черны, как горячий асфальт.

— Угу, — сказала она. — Не рановато ли? — Голос был резок и пронзителен. Она уже была очень пьяна. — Ты от кого? Тебя послал Халид? Я сказала этому ублюдку, что больна. Я сегодня не работаю, я еще вчера вечером предупреждала. Он был не против. И вот вы — да еще вдвоем. Черт возьми, за кого он меня принимает? У него же полно других девчонок. Он мог послать вас к Эфре, у нее врожденный талант проститутки. Я не против, если она меня заменит на время болезни. Между прочим, сколько вы ему заплатили?

Я стоял, безмолвно глядя на нее. Саид толкнул меня в бок.

— Мисс Монро, — начал я, но она продолжила свою болтовню:

— Ну и черт с ним. Заходите. Мне нужны деньги. Но скажите этому сукиному сыну Халиду, что… — Она глотнула виски из бутылки, которую держала в руке. — Скажите ему, что если ему

наплевать на мое здоровье, если он станет заставлять меня работать больной, то у меня найдется на кого работать и тогда, когда мне заблагорассудится, уж вы поверьте.

Дважды я пытался вставить слово, но безуспешно. Я подождал, пока она не замолчала сама. И в тот момент, когда глоток дешевого пойла приостановил этот поток словоизвержения, я сказал:

— Мама…

Она с минуту остолбенело смотрела на меня, широко раскрыв затуманенные глаза.

— Нет, — наконец тихо проговорила она. Потом вгляделась пристальнее и уронила стакан на пол.

Глава 2

Позднее, после возвращения из Алжира и Мавритании в места знакомые и родные, я сразу направился в Будайен. Когда-то я проживал в центре этого обнесенного стеной квартала, и течение событий, рок и Фридлендер Бей сделали мое пребывание там невозможным. У меня в Будайене было множество друзей, мне были рады всюду. Но теперь оставались только два человека, привечавшие меня: Саид Халф-Хадж и Чирига, владелица открытого клуба на улице между большой каменной аркой и кладбищем. Дом Чири всегда был моим вторым домом; там я мог спокойно посидеть и выпить, выслушать последние сплетни и не подвергаться нападкам девушек-работниц.

Однажды мне пришлось убить несколько человек, в основном в целях самозащиты. Некоторые владельцы клубов запретили мне появляться в их заведениях: многие из прежних друзей решили, что могут обойтись без моей компании, но Чири оказалась умнее их.

Она настоящая труженица, высокая черная негритянка, с ритуальными шрамами на лице и остро заточенными каннибальскими зубками. Если честно, я не знаю, являются ли ее юшки простым украшением, таким же, как узоры на лбу и на щеках, или же ненавязчиво намекают на то, что обед в ее доме был приготовлен из деликатесов, явно и неявно запрещенных Священным Кораном. Чири — личность с модди, но она считает себя умницей. На работе она всегда бывает самой собой. Свои фантазии она включает дома, где они никому не помешают. Я уважаю ее и за это.

Когда я вошел в дверь клуба, меня приветственно обдала волна прохладного воздуха. Видимо, ее кондиционер для разнообразия решил поработать, несмотря на свой независимый нрав, какой только может и быть у старой, произведенной в России электроники. Мне сразу же стало лучше. Чири была увлечена разговором с посетителем — лысым парнем, голым до пояса. На нем были черные виниловые брюки, искусная имитация настоящей кожи, а левая рука была прикована к поясу наручником. На макушке у него находился имплантат, похожий на цветок щитовидника, и бледно-зеленый пластиковый модуль делал его какой-то другой личностью. Если Чири посвящала ему свое дневное время, то он, возможно, не был таким опасным и противным типом, каким казался с виду.

Чири редко проявляет терпение при обслуживании посетителей. По ее мнению, если кто-то и должен продавать и

отпускать клиентам выпивку и наркотики, то это вовсе не обязывает его общаться с ними.

Я был ее старым другом и знал многих девочек, работавших на нее. Конечно, часто встречались и новые лица (я имею в виду действительно новые, изваянные из обычных некрасивых лиц умелой рукой хирурга, превращающего простую внешность в полную очарования искусственную красоту). Прежних служанок уволили или они уволились сами, рассерженные; однако, проработав некоторое время на Френчи Бенуа или Ио-Мама, они вернулись на прежнее место работы. Меня они оставили в покое, потому что я редко угощал их коктейлями и устойчиво сопротивлялся их профессиональным чарам. Новые девочки поначалу цеплялись ко мне, но Чири их быстро отваживала.

В их непрощающих глазах я стал Бездушной Тварью. Такие, как Бланка, Фаня и Ясмин, отводили взгляд, если я смотрел в их сторону. Другие девочки не знали, в чем я провинился, или же их это не отпугивало, и они спасали меня от ощущения полной изоляции. Однако в Будайене мне было гораздо спокойнее, чем прежде. Я старался не обращать на это внимания.

— Иамбо, бвана Марид! — крикнула Чирига, когда заметила меня поблизости. Она оставила парня с модди и наручником и медленно проплыла к своей стойке, брякнув передо мной спасительный поднос. — Ты пришел поделиться богатством с бедной дикаркой. На моей родине люди голодают и бредут много миль в поисках воды. Здесь я обрела мир и изобилие. Я узнала, что такое дружба. Я познала ужасных мужчин, которые трогали мое тело, скрытое под одеждой. Ты покупал мне выпивку и оставлял огромные чаевые. Ты рассказывал своим новым друзьям о моем заведении, и они приходили, чтобы потрогать мое тело. У меня есть много разных дешевых блестящих штучек. Все это угодно Богу.

Я смотрел на нее пару минут. Иногда бывает сложно понять, в каком настроении находится Чири.

— Большая черная девочка говорит глупости, — произнес я наконец.

Она усмехнулась и прекратила паясничать.

— Да, ты прав, — сказала она. — Что будешь пить?

— Джин, — ответил я. Я всегда наливаю сначала немного джина, затем — чуть бингары со льдом и лимонным соком. Этот напиток мое собственное изобретение, но я так и не удосужился дать ему название. Иногда я пропускаю стаканчик водки, потому что это налиток Филиппа Марлоу в «Долгих проводах». Когда же я хочу быстро окосеть, я пью из тайных запасов Чири, называемых «тенде», чудовищно отвратительный африканский ликер из

Судана или Конго или еще откуда-нибудь, где его делают, по-моему, из забродившего ямса или жаб. Если вам когда-нибудь предложат попробовать тенде, ни за что не соглашайтесь. Вы пожалеете об этом. Аллах свидетель — я говорю правду.

Египетская танцовщица по имени Индихар заканчивала свой последний номер. Я знал ее уже много лет, раньше она работала на Френчи Бенуа, а сейчас вертела задницей в клубе Чири. Спустившись со сцены, она подошла ко мне, завёрнутая в шаль бледно-персикового цвета, которая с трудом скрывала ее пышные формы.

— Не хочешь ли подкинуть мне на булавки? — спросила она.

— С огромным удовольствием, — ответил я. Вынув из сдачи бумажку достоинством в один киам, я сунул ее в вырез блузки. Если она обращается со мной как с фраером, мне придется его изображать. — Теперь, — сказал я, — мне не совестно будет пойти домой и всю ночь представлять в мыслях тебя.

— За это — дополнительная плата, — бросила она, направляясь от стойки к полуголому парню в пластиковых мотоциклетных штанах.

Я смотрел ей вслед.

— Мне нравится эта девочка, — сказал я Чириге,

— Это Индихар, наша смуглая радость, — отозвалась Чири.

Индихар была настоящим человеком с настоящей личностью, что было редкостью в клубе. Чири, казалось, предпочитала в своих служащих броскую привлекательность транссексуалов. Однажды Чири сказала мне, что транссексуалы лучше следят за своей внешностью. Искусственная красота — самое дорогое в их жизни. Аллах не потерпит, чтобы хотя бы один волосок из их бровей оказался не на месте.

По стандартам Чири, Индихар была к тому же примерной мусульманкой. В ее голове не было проводов, как у большинства танцовщиц. Наиболее консервативные имамы считали, что имплантаты подпадали под тот же запрет, что и наркотики, потому что некоторые люди подключали электроды к центрам удовольствия и проводили остаток своей короткой жизни в состоянии наркотического транса. Даже в моем случае, когда центр удовольствия не был затронут, использование модуля расценивалось как одурманенность. Надо ли говорить о том, что, испытывая в целом горячую любовь к Аллаху и Его Посланнику, в данном вопросе я крайний либерал. Тут я на стороне короля Сауда из XX столетия, который потребовал от исламских лидеров своей страны поспешить вслед за технологическим прогрессом. Я не вижу никаких существенных противоречий между современной наукой и разумным подходом к религии.

Чири бросила взгляд через стойку.

— Ну, — громко сказала она, — чья очередь сейчас? Жанель? Мадам, у меня нет никакого желания напоминать вам, что вы должны танцевать. А если мне придется напоминать еще раз, я оштрафую вас на пятьдесят киамов. Поднимите-ка вашу толстую задницу.

Она поглядела на меня и вздохнула.

— Такова жизнь, — сказал я.

Индихар подошла к бару после того, как собрала все, что смогла выцыганить у нескольких угрюмых посетителей, и села рядом со мной. Ей, как и Чири, после разговоров со мной по ночам кошмары не снились.

— Ну и как, — спросила она, — работа у Фридлендер Бея?

— Ничего, жить можно.

Все в Будайене так или иначе работают на Папочку.

Она пожала плечами:

— Я бы не взяла у него деньги, даже если бы умирала с голоду, сидела в тюрьме или была больна раком.

Здесь, кажется, таился намек, не слишком завуалированный, на то, что я совершил предательство, чтобы купить имплантаты. Я отхлебнул еще джина и бингары.

Может быть, одной из причин того, что я шел к Чири искать утешения, являлось то, что я сам вырос в подобном заведении. Когда я был совсем младенцем, моя мать вот так же танцевала на сцене. Потом мой отец сбежал от нее. Когда дела пошли хуже, матери пришлось подрабатывать. Одни девочки из ночных клубов поступают таким же образом, другие воздерживаются. Моя мать не воздержалась. В общем, когда дела пошли совсем из рук вон, она продала моего маленького брата. О чем она вспоминать не любит. Я об этом тоже не вспоминаю.

Сейчас дела у моей матери шли наилучшим образом. Арабский мир никогда не придавал значения женскому образованию. Все знают, как преданные традициям, то есть наиболее отсталые и непросвещенные, арабы обращаются со своими женами и дочерьми. Даже своих верблюдов они уважают больше. Впрочем, в больших городах, таких, как Дамаск и Каир, можно увидеть современных женщин в западной одежде, работающих вне дома, и даже тех, которые курят на улице.

В Мавритании я наблюдал примеры еще более консервативного отношения к женщинам. Там женщины носят длинные белые платья и накидки, а их волосы скрыты под капюшоном или платками. Двадцать пять лет назад у моей матери не было ни малейшего шанса на официальной бирже труда. Но рядом всегда есть заблудшие души — я имею в виду

людей, смеющихся над Священным Кораном, мужчин и женщин, которые поют, играют в азартные игры и предаются чувственным удовольствиям. Там всегда найдется место для молодой женщины, чьи моральные устои подточены голодом и отчаянием.

Когда я снова увидел ее в Алжире, внешность моей матери неприятно поразила меня. В своем воображении я рисовал ее респектабельной матроной, живущей в уютном окружении поклонников; Я не видел ее и не разговаривал с ней много лет, но предполагал, что ей удалось выбраться из бедности и унижений. Теперь же мне казалось, что она счастлива в своем нынешнем образе изможденной, крикливой старой шлюхи. Я провел битый час, пытаясь узнать от нее то, ради чего приехал, решая, как вести себя по отношению к ней, и стесняясь перед Халф-Хаджем. Она не желала, чтобы дети беспокоили ее. Мне казалось, она жалела, что не продала меня вместе с моим братом, Хусейном Абдул-Кахаром, так как не хотела, чтобы я после стольких лет еще раз возник на ее пути.

— Поверь мне, я не хотел тебя выслеживать. Я поступил так, потому что мне это было необходимо.

— Почему необходимо? — спросила она, откинувшись на спинку старого рваного дивана, в складках которого осела плесень и кошачья шерсть. Она налила себе еще стакан, забыв предложить вылить мне и Саиду.

— Для меня чрезвычайно важно, — сказал я и стал рассказывать ей о своей жизни в далеком городе, где я жил в бестолковой суете, пока Фридлендер Бей не избрал меня орудием своей воли.

— Ты сейчас живешь в городе? — спросила мать, и в голосе ее послышалась ностальгическая грусть, удивившая меня.

— Я снимал угол в Будайене, — ответил я, — но Фридлендер Бей поселил меня в своем дворце.

— Ты работаешь на него?

— У меня не было выбора. — Я пожал плечами. Мать понимающе кивнула. Меня удивило, что она знала Папочку.

— Для чего же ты приехал?

Объяснить это было непросто.

— Я хотел бы выяснить все об отце.

Она бросила угрюмый взгляд поверх стакана с виски.

— Ты же все знаешь о нем, — сказала она.

— Сомневаюсь, что все. Ты уверена, что этот французский матрос был моим отцом? Она тяжело вздохнула:

— Его звали Бернар Одран. Мы встретились в кофейне. Тогда я жила в Сиди-бель-Аббис. Он пригласил меня пообедать, и мы сразу понравились друг другу. Я переехала к нему. Потом мы

полтора года жили вместе в Алжире. Но однажды, вскоре после твоего рождения, он исчез. С тех пор я никогда больше не слышала о нем и понятия не имею, куда он смылся.

— Я навел о нем справки. Он умер. Мне потребовалась масса времени, чтобы проверить память алжирских компьютеров. В военно-морских силах Прованса числился некий Бернар Одран, появлялся он и в Мавритании, в те дни, когда Французский конфедеративный союз пытался возобновить над нами контроль. Проблема в том, что за год с лишним до того, как я родился, ему вышибли мозги каким-то неопознанным предметом. Может быть, ты вспомнишь и расскажешь мне подробнее о том времени?

Это разозлило ее не на шутку. Мать вскочила, швырнув в меня стаканом с остатками виски. Я услышал, как Саид рядом что-то бормочет себе под нос, вероятно молитву. Мать угрожающе надвинулась на меня. Ее лицо было искажено гневом.

— Ты назвал меня лгуньей? — возопила она. Правду сказать, у меня были для этого основания.

— Я только сказал, что архивные документы говорят другое.

— К черту документы!

— Они также говорят, что ты выходила замуж семь раз за два года, не говоря уже о разводах.

Гнев моей матери несколько поостыл.

— Как это попало в компьютеры? Я никогда не выходила замуж — официально. С регистрацией и прочей волокитой.

— Думаю, ты недооцениваешь способности государственной слежки. Все это там, в компьютерах, выставлено на всеобщее обозрение.

Сейчас стало видно, что она испугалась.

— А что еще ты выяснил?

Я отпустил ее с крючка, на который она попалась сама.

— Больше ничего там не было. Если ты что-то скрываешь, то можешь не беспокоиться. Это была ложь. Я узнал еще много интересного про. свою мамочку.

— Хорошо, — вздохнула она с облегчением. — Мне не нравится, что ты суешь нос в мои дела. Сын, уважающий своих родителей, так не поступает.

У меня было что ответить ей, но я решил пока об этом не говорить.

— Что легло в основу этого ностальгического расследования, — тихо сказал я, — одно дело, которым я занимаюсь для Папочки. Население Будайена с благоговейным страхом называет Фридлендер Бея Папочкой. Лейтенант полиции, управляющий Будайеном, умер, и Папочка решил, что нам нужен своего рода специалист по общественным связям, чтобы

обеспечивать контакт между ним и полицией. Он попросил меня заняться этой работой.

Ее рот скривился.

— Вот как? Значит, ты носишь оружие? И у тебя есть значок?

Отвращение и брезгливость к полицейским, видимо, была у меня наследственной.

— Да, — как можно небрежнее бросил я, — у меня есть оружие и значок.

— Твой значок недействителен в Алжире, свинья.

— Здесь мне всюду оказывают должное почтение. — Я не был уверен в том, что сказал. — Кстати, работая с полицейским компьютером, я не упустил случая ознакомиться со своим досье, так же как и с досье некоторых моих коллег. Занятно, мое имя и имя Фридлендер Бея появились вместе. И не только в записях последних лет. Я насчитал по крайней мере восемь записей — конечно, это лишь догадка, ничего определенного, но это предполагало некоторую степень кровного родства между нами.

Мое сообщение вызвало бурную реакцию Халф-Хаджа; мне бы следовало рассказать ему об этом раньше.

— Ну и что? — спросила мать.

— Как это «ну и что»? Что все это значит? Ты можешь сказать по-человечески: обнималась ты с Фридлендер Беем в дни твоей золотой юности или не обнималась?

Она взбесилась снова:

— Черт побери, я обнималась со многими парнями. Думаешь, я каждого запоминала? Я забывала, как они выглядят, еще не покинув их объятий.

— Ах, значит, ты не хотела влюбляться? «Останемся друзьями», не так ли? Друзьями, доверенными настолько, что им всегда можно открыть кредит. Или ты всегда просила плату вперед?

— Магреби! — закричал Саид. — Это же твоя мать!

Вот уж не думал, что Халф-Хаджа можно хоть чем-нибудь шокировать.

— Да, это моя мать. Посмотри на нее.

Она в три шага пересекла комнату и наотмашь влепила мне пощечину. Я чуть не упал.

— Убирайся к чертовой матери! — завопила она. Я приложил руку к щеке, не сводя с нее глаз.

— Сперва ответь мне: мог Фридлендер Бей стать моим отцом?

Она с трудом сдержалась, чтобы не влепить мне вторую пощечину.

— Да, мог, как и любой другой мужчина. Вернись в город и

вскарабкайся на папочкины колени, сыночек. Глаза б мои тебя не видели.

Я как раз собирался осуществить мамочкино желание. Тем более что можно было считать игру оконченной.

Повернувшись к ней спиной, я немедленно покинул эту отвратительную дыру, даже не побеспокоившись захлопнуть дверь. Это сделал Халф-Хадж, в то время как я что было духу мчался вниз по лестнице.

— Слушай, Марид, — закричал он мне вслед. Подобная реакция Саида на происшедшее удивила меня. — Кажется, случившееся сегодня большой сюрприз для тебя…

— Ты так считаешь? Поразительная догадливость, Саид, ты сегодня просто в ударе.

— Но ты не можешь так обращаться со своей матерью. Вспомни, что сказано…

— В Коране? Знаю. А что в Пути Истины сказано о проституции? Что там сказано об опустившейся женщине, в которую превратилась моя мать?

— Ты можешь говорить что угодно. Я никогда еще не встречал в Будайене карманника, который бы оказался такой дешевкой.

Я холодно улыбнулся:

— Большое спасибо, Саид, но я больше не живу в Будайене. Ты забыл? И с кражами я завязал. У меня постоянная работа.

Он плюнул мне под ноги.

— А еще недавно ты был готов на все ради заработка в несколько киамов.

— Во всяком случае, если я побывал на дне общества, то это не значит, что и моя мать должна быть там же.

— Прекрати осуждать свою мать.

— Почему ты не можешь помолчать о ней? Слышать об этом больше не хочу. Твоя жалость растет прямо на глазах, Саид, — сказал я. — Но ты всего еще не знаешь. Моя мать-кормилица пошла по рукам задолго до того, как стала в одиночку растить нас с братом. Она вовсе не была такой гордой матерью-одиночкой, какой себя выставляет. Слишком много в ее истории белил и румян.

Халф-Хадж пару секунд не сводил с меня безмолвного взора.

— Ну и что? — сказал он наконец. — Половина женщин, опытных и дилетанток, занимаются тем же, однако ты обращаешься с ними по-человечески.

У меня было что ответить ему: «Ты прав, Саид, но ни одна из них не была моей матерью», — однако я промолчал.

Он мог бы возразить на это, да и вообще наша перепалка мне

стала казаться глупой и бессмысленной. Злость моя уже порядком повыветрилась, несмотря на то что после стольких лет разлуки эти семейные новости меня здорово расстроили. Трудно было принять их спокойно. Я понимал, что теперь должен забыть свое фальшивое прошлое, а ведь я всегда гордился своим наполовину берберским — наполовину французским происхождением. Одевался я, как правило, в европейском стиле: ботинки, джинсы, клетчатые рубашки. Вероятно, я всегда чувствовал свое превосходство над арабами, среди которых мне выпало жить. Теперь мне предстояло свыкнуться с мыслью, что я всего лишь мог оказаться сосудом, в котором слилась кровь берберов и арабов.

В мои мысли ворвалась хриплая ритмичная музыка в стиле «рок» середины двадцать первого века. Какая-то забытая группа с жуткими подвываниями исполняла отвратную песню непонятно о чем. Я никогда не изучал испанских диалектов и не запасся испаноязычным дадди. Если же мне придется когда-нибудь общаться с колумбийскими промышленниками, то они вполне могут поговорить со мной и по-арабски. Я питаю к ним особо нежные чувства по той простой причине, что на сегодняшний день они являются самыми бойкими производителями наркотиков. А для чего еще нужна Южная Америка? Эта перенаселенная, голодающая, испаноязычная Индия в Западном полушарии. С тех пор как Испания, их страна-прародительница, примерила на себя ислам и вежливо отказалась от него, их национальный характер измельчал. Так их наказал Аллах.

— Терпеть не могу этой песни, — сказала Индихар.

Чири поставила перед ней стакан шараба, легкого напитка; его пьют девушки вроде Индихар, которые алкоголя не употребляют. По цвету он напоминает шампанское. Чири кладет в стакан лед и несколько унций соды, после чего стакан наполняется до краев, хотя — кто кладет лед в шампанское… Зато при этом экономится дорогостоящий напиток. Лед обходится в восемь киамов, идущих на чаевые для Чири. Клуб возвращает три киама девушке, заказавшей налиток. Поэтому они выпивают свои коктейли с космической скоростью. Причиной такой быстроты является работа, вызывающая жажду: попробуй-ка покрутись на эстраде, точно дервиш, забавляя публику.

Чири повернулась бросить взгляд на Жанель, исполняющую последнюю песню. Жанель по-настоящему не танцует, она только дергается, пройдя пять-шесть шагов в один конец сцены, она ждет, когда загрохочет большой барабан. Услышав его бас, Жанель встряхивает грудью, что, вероятно, считает очень эротичным. Насчет этого она, конечно, заблуждается. Затем

Жанель бросается в другой конец сцены и проделывает тот же номер еще раз. Все это время она шевелит губами, без слов подпевая мелодии. Жанель — человек-синтезатор. Жанель — синтезированный человек, что ближе к истине. Модди она носит ежедневно, но только поговорив с ней несколько минут, узнаешь, какой именно. Сегодня она может быть ласковой и сексуальной (Хани Пилар), завтра — холодной и вульгарной (Брижитт Сталхелм). Но какую бы личность она ни включила, она пребывает всегда в том же теле нигерийской беженки, считая его чрезвычайно сексуальным. И тут она также горько заблуждается. С ней почти не общаются другие девочки. Они уверены, что, когда они танцуют, она в раздевалке вытаскивает деньги из их сумочек. Когда-нибудь полицейские найдут Жанель в темном коридоре с кровавым пятном вместо лица и разрубленными костями. Тем временем она продолжает дергаться в такт нервным ритмам пианолы и электрогитары.

Я устал как черт. Я отодвинул недопитый стакан. Чири посмотрела на меня удивленно.

— Спасибо, Чири, но мне пора.

Индихар нагнулась и поцеловала меня в щеку.

— Не забывай, что мы остались твоими друзьями, хотя ты и стал грязным копом.

— Хорошо, — сказал я и встал.

— Передай привет Папочке, — попросила Чири.

— С чего это ты решила, что я иду к нему? Она улыбнулась, показав свои отточенные зубки:

— Ну как же — примерным мальчикам и девочкам давно пора по домам.

Утвердительно хмыкнув, я вышел через черный ход, оставив ей сдачу.

Я пошел по улице к восточной арке. За пределами Будайена на широком бульваре Иль-Жамель поджидали пассажиров несколько такси. Я увидел своего старого друга Билла и сел на заднее сиденье его машины.

— Отвези меня к Папочке, Билли.

— Что? Ты знаешь меня? Где же мы с тобой познакомились?

Билл не узнавал меня, потому что уже несколько лет не слезал с иглы. Вместо проводов внутри черепа и всяких косметических штучек одно легкое у него заменял большой мешок, постоянно выпускавший в кровь равномерные дозы быстродействующего галлюциногена. Иногда у Билла случались просветы, но он умело их игнорировал и продолжал работать до тех пор, пока не начинал видеть каких-нибудь красных ящериц или другую дрянь. Я попробовал препарат, что струился по его

сосудам день и ночь. Эта штука называется РПМ; больше в рот не возьму этого РПМ, хотя сам я в жизни перепробовал немало. Билл же, напротив, клялся, что именно эта дрянь открыла ему глаза на скрытую сущность реального мира. Билл прав: он видел огненных демонов, а я нет. У РПМ был лишь один недостаток (и Билл это признавал): он начисто отшибал память.

Поэтому неудивительно, что он не узнал меня. У меня с ним подобный разговор происходил, наверно, сотню раз.

— Это я, Билл, Марид. Я хочу, чтобы ты отвез меня к Фридлендер Бею.

Билл покосился на меня:

Странно, парень, не помню, встречались ли мы раньше.

— Встречались. Сто раз.

— Ишь ты — сто раз, — пробормотал он. Включив зажигание, он отъехал от обочины. Мы двинулись не в том направлении.

— Куда, ты сказал, тебе надо? — переспросил он.

— К Папочке!

— Да, верно. Этот африт достал меня: сидит весь день рядом и кидает мне на колени каленые угли. Ничего не могу с ним поделать. Африта невозможно выгнать. Они вечно крутятся в твоей голове. Я уже думаю добыть немного святой воды из Лурда. Может, он ее испугается. А где, кстати, находится этот чертов Лурд?

— В Гасконском халифате, — ответил я.

— Чертовски долго туда добираться! Интересно, высылают ли они заказы почтой?

Я сказал, что не имею ни малейшего представления об этом, и развалился на сиденье. Наблюдая проносящийся мимо ландшафт — езда Билла также безумна, как и он сам, — я обдумывал, что скажу Фридлендер Бею. Я размышлял, как приступить к разговору о своем открытии, о том, что мне рассказала мать, и о своих подозрениях. И все-таки я решил подождать. Вполне вероятно, что информация была внедрена самим Папочкой, дабы заинтересовать меня в сотрудничестве. В прошлом я старательно избегал всяких контактов с Папочкой, ведь принять от него помощь значило навсегда стать его слугой. Но заплатив за мои внутричерепные имплантаты, Папочка сделал взнос, который мне предстоит выплачивать всю оставшуюся жизнь.

Я не хотел на него работать, но выхода у меня не было. По крайней мере, пока. Я надеялся найти способ откупиться или вынудить его дать мне свободу. Между тем ему явно было по душе взваливать ответственность на мои слабые плечи, осыпая меня при этом щедрыми наградами.

Билл проехал через ворота в высокой белой стене, окружающей поместье Фридлендер Бея, и по длинной изогнутой дорожке подкатил к подножию широкой мраморной лестницы. Дворецкий Папочки открыл полированную входную дверь и замер на пороге, ожидая меня. Заплатив за проезд, я оставил Биллу десять киамов на чай. Его лунатические глаза сузились, и он перевел взгляд с денег на меня.

— Что это? — подозрительно спросил он.

— Чаевые. Держи, ты их заработал. — За что?

— За твою отличную езду.

— Это не взятка? Я вздохнул:

— Нет. Я восхищен, как ты ведешь машину с раскаленными углями в кальсонах. Думаю, я бы так не мог.

Он поерзал.

— Значит, это подарок, — озадаченно произнес Билл.

— Вот десять киамов.

Его глаза опять расширились.

— Ох, — сказал он, улыбаясь, — опять они!

— Ну конечно, куда же они денутся. До скорого, Билл!

— Пока, дружище! — Он рванул автомобиль с места так, что из-под колес выстрелил гравий. Я отвернулся и стал подниматься по лестнице.

— Добрый день, яа Сиди, — сказал дворецкий.

— Привет, Юсеф. Я хотел бы видеть Фридлендер Бея.

— Да, конечно. Хорошо, что вы дома, сэр.

— Да, спасибо.

К Папочкиным офисам мы пошли по коридору с тонким ковровым покрытием. Воздух был прохладен и сух, и я почувствовал нежное дуновение многочисленных вентиляторов. Вокруг тонко и маняще благоухало ладаном. Свет струился через жалюзи, сложенные из тонких деревянных реек. Мелодично звенели струйки воды; в одном из двориков бил фонтан. У самого входа в зал ожидания я увидел высокую, хорошо одетую женщину: она пересекла холл и поднялась на несколько ступенек. Женщина скромно улыбнулась мне И тут же отвернулась. Ее черные и блестящие, как обсидиан, волосы туго стянуты в узел. Руки были бледными, а пальцы длинными, тонкими, необычайно изящными. С первого взгляда было видно, что у этой женщины есть стиль и манеры. Но вместе с тем чувствовалось, что при необходимости она может стать коварной й жестокой.

— Кто это был, Юсеф? — спросил я. Он обернулся ко мне, нахмурившись:

— Это Умм Саад.

Я понял, что он ее недолюбливает, а мнению Юсефа я

доверял, мое первое впечатление от нее, по всей видимости, было верным.

Рассевшись в комнате секретаря, я стал убивать время, выискивая среди трещинок на потолке очертания лиц. Спустя некоторое время один из громадных телохранителей Папочки открыл дверь к нему. Всех огромных мужчин я называю Говорящими Камнями. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Заходи, — сказал один Камень. Эти парни не тратят лишних слов.

Я вошел в кабинет Фридлендер Бея. Ему уже было около двухсот лет, он перенес бессчетное множество модификаций тела, имел трансплантаты. Откинувшись на подушку, Бей пил черный кофе из золоченой чашки. Он улыбнулся мне.

— Мои глаза снова оживают — так рад я тебе, о мой племянник, — сказал Папочка. Я знал, что он не кривит душой.

— Мои дни в разлуке с тобой были полны печали, о шейх, — произнес я.

Он подвинулся, и я сел рядом. Он наклонился, наливая в мою чашку кофе из золоченого кофейника. Отпив глоток, я сказал:

— Да будет твой стол всегда полон яств.

— Пусть Аллах дарует тебе здоровье, — ответил он.

— Молюсь о твоем здоровье, о шейх. Он сжал мою руку.

— Я здоров и силен, как шестидесятилетний, но меня гнетет какая-то непонятная неодолимая усталость, о мой племянник…

— А твой врач…

— Это усталость души, — сказал он. Мой аппетит и мои желания умирают. Я живу только потому, что мысль о самоубийстве ужасает меня.

— Может быть, в будущем наука поможет тебе.

— Как, сынок? Вдохнет новый жар в мою утомленную душу?

— Технология разработана уже сейчас, сказал я. — Можно использовать модди и дэдди — имплантат, как у меня.

Он печально понурился:

— Аллах отправит меня в ад, если я сделаю это. — Интересно: значит, Папочка не возражал, если в ад отправлюсь я. — Расскажи мне о своем путешествии, — сменил он тему разговора.

Он был рядом, но я никак не решался задать ему главный вопрос: о нашем родстве.

— Вначале я должен услышать обо всем, что произошло за время моего отсутствия, о шейх. Я видел в коридоре женщину. Женщин никогда прежде не было в твоем доме. Можно узнать, кто она?

Лицо Папочки омрачилось. Он минуту помедлил с ответом:

— Самозванка и обманщица.

— Так прогони ее, — сказал я.

— Да, конечно, — согласился он.

Лицо его окаменело. Сейчас передо мной был не правитель огромной империи нелегального бизнеса, прибравший к рукам всю преступную деятельность в городе, а нечто похуже. Фридлендер бей вполне мог оказаться потомком королевской династии. Нечто властное и величественное было в его взгляде, в чертах лица.

— Я должен задать тебе вопрос, о мой племянник: чтишь ли ты меня настолько, чтобы вновь наполнить свои легкие огнем?

Я моргнул. Я понял, о чем говорит Фридлендер Бей.

— Разве я не доказал тебе свою преданность несколько месяцев назад, о шейх?

Он махнул рукой, видимо, начисто стерев из памяти ту боль, угрозу и тот ужас, которые мне довелось пережить. — Тогда ты защищал себя от опасности, — сказал он. Бей повернулся ко мне и положил высохшую от старости, похожую на птичью лапку руку мне на колено. — Сейчас ты должен защитить меня. Я хочу, чтобы ты узнал об этой женщине все, что сможешь, а потом уничтожил ее. И ее ребенка. Я должен быть уверен в твоей преданности.

Глаза Фридлендер Бея горели. Я и раньше видел его в таком состоянии. Я сидел рядом с человеком, который медленно, но верно терял рассудок. Дрожащей рукой я взял свою чашечку кофе и сделал большой глоток. Пока не допит кофе, можно не отвечать.

Глава 3

Перед имплантацией у меня был будильник. По утрам он звонил, но я вставал не сразу, я любил полежать в постели, позевывая и посматривая на мир туманными глазами — то ли подниматься, то ли еще чуть-чуть полежать. Впрочем, сейчас у меня выбора не было. Вчера вечером я включил в имплантат приставку. Теперь мои глаза открываются сами — и я просыпаюсь по решению дэдди. Этот быстрый переход из одного состояния в другое, нечто вроде холодного душа, заставляет меня невольно вздрагивать. Треклятая приставка разбудит и мертвого и ни за что не даст заснуть снова. Я ненавижу ее.

В воскресенье я проснулся в восемь утра. У моей постели стоял чернокожий человек, которого я прежде никогда не видел. Минуту я раздумывал над возможной причиной его появления. Он был высок, гораздо выше меня, и прекрасно сложен. Большинство чернокожих в городе похожи на Жанель — это беженцы из голодающих засушливых областей африканской пустыни. А этот парень выглядел так, словно ни разу в жизни не пропустил плотного и хорошо сбалансированного обеда. Его лицо было вытянутым и серьезным и как будто светилось изнутри. Суровые глаза и бритый череп дополняли мрачный облик.

— Кто ты? — спросил я, еще не выбравшись из-под одеяла.

— Доброе утро, яа Сиди, — сказал он. Голос у него был низкий и слегка хрипловатый. — Меня зовут Кмузу.

— Неплохое начало, — откликнулся я. — Скажи мне, во имя Аллаха, что ты тут делаешь?

— Я ваш раб. — Вот так дела…

Я всегда считал себя защитником униженных и порабощенных, так что отношение к рабству у меня резко отрицательное. Такую позицию не разделял весьма широкий крут моих друзей и знакомых.

— Хозяин дома приказал мне заботиться о вас. Он решил, что я смогу стать для вас лучшим слугой, яа Сиди, потому что на языке нгони мое имя означает «лекарство».

Мое собственное имя по-арабски означало «болезнь». Конечно, Фридлендер Бей знал, что мать назвала меня Маридом в суеверной надежде на крепкое здоровье ребенка в будущем.

— Я ничего не имею против камердинера, — сказал я, — но раб мне ни к чему.

Кмузу пожал плечами. Хотел я его называть рабом или нет, он все равно останется рабом: моим или Папочки.

— Хозяин дома подробно рассказал мне о ваших нуждах, —

сказал негр. Его глаза сузились. — Он обещал освободить меня, если я приму ислам, но я не могу предать веру своих отцов.

Должен сообщить вам, что я правоверный христианин.

Это означало, что мой новый слуга всей душой не был согласен с тем, что я буду говорить и делать.

— Все же надеюсь, что мы станем друзьями, — сказал я. И спустил ноги с кровати. Затем вынул контроллер сна и положил на тумбочку в коробку с дэдди. В былые времена по утрам я мог лежать долго, зевая и почесываясь, сейчас же, просыпаясь, я не мог позволить себе даже такое невинное удовольствие.

— Вам действительно нужно это устройство? — спросил Кмузу.

— Мой организм разучился засыпать и просыпаться сам по себе.

Он покачал головой:

— Эту проблему можно решить, яа Сиди. Если достаточно долго воздерживаться от сна, то со временем непременно заснешь.

Я понял, что если я хочу хоть немного покоя, то лучше избавиться как можно скорее от этого человека.

— Ты не понимаешь. Дело в том, что после трех бессонных ночей я наконец заснул и вместо отдыха просмотрел несколько серий отвратительных кошмаров. Зачем же мне мучиться, если достаточно протянуть руку к аптечке или несессеру с программным обеспечением?

— Хозяин велел мне ограничить вас в потреблении наркотических препаратов.

Я начинал выходить из себя,

— Прекрасно, — сказал я. — Попробуй, сукин сын, постарайся.

Вероятно, Фридлендер Бей подарил мне этого раба в надежде избавить своего слугу от наркотиков. В первое утро у Палочки я совершил непростительную ошибку: вышел к завтраку с тяжелой годовой после приема бутакалида, и к тому же опоздал. На два часа я был совершенно выбит из колеи, заслужив Папочки но неодобрение. Поэтому, как только я оказался рядом с магазином модификаторов, принадлежащим Лайле, на Четвертой улице Будайена, то немедленно приобрел контроллер сна.

Хотя вместо него я предпочел бы полдюжины таблеток, но в эти дни я все время поглядывал через плечо, опасаясь Папочкиных осведомителей. У него их тысячи. Скажу вам честно, я не хочу вызвать недовольство Папочки. Он никогда не забывал промахов. Если понадобится, он наймет людей, чтобы отомстить за них.

Правда, в моем нынешнем положении была масса преимуществ. Например, кровать. Раньше у меня никогда не было кровати, только матрас, брошенный на пол в углу комнаты. Теперь я могу запихнуть куда-нибудь грязное белье и носки, и если что-то упадет на пол и потеряется, я знаю, где его искать, хоть и не могу дотянуться.

Пару раз в неделю я продолжал падать с этой проклятой постели, но, благодаря контроллеру сна, не просыпался. До самого утра лежал на поду, свернувшись калачиком.

Как-то воскресным утром я выбрался из постели, принял горячий душ, помыл голову, подстриг бороду и почистил зубы. В девять утра мне надлежало быть на своем рабочем месте в полицейском участке, но, чтобы показать свою независимость, я всегда опаздывал. Оделся я не спеша; выбрал брюки цвета хаки, бледно-голубую рубашку, темно-синий галстук и белый льняной пиджак. Все штатские, служащие в полиции, так одеваются, и меня это радует. Арабская национальная одежда слишком напоминает о жизни, которую я вел до приезда в город.

— Значит, тебя приставили шпионить за мной? — спросил я Кмузу, пытаясь завязать галстук так, чтобы концы его были ровнее.

— Я здесь, чтобы стать вашим другом, яа Сиди, — ответил Кмузу.

Я улыбнулся. Перед переездом во дворец Фридлендер Бея я был очень одинок. Я жил в однокомнатной квартире с голыми стенами, и все мое имущество ограничивалось одной наволочкой. Конечно, оставались несколько товарищей, но они редко скучали по моему обществу. Была Ясмин, в которую я был немного влюблен. Иногда она проводила со мной ночь, но сейчас, когда мы так неожиданно встретились у Чири, она повела себя по-другому. Думаю, ей пришлось не по душе, что я убил несколько человек.

— А если я стану тебя бить, — спросил я Кмузу, — ты и тогда останешься моим другом?

Я хотел, чтобы мои слова прозвучали саркастически, но тут же понял, насколько неуместен подобный тон.

— Я отучу вас от такой привычки, — ответил Кмузу, и голос его прозвучал неожиданно сухо.

У меня отвисла челюсть.

— Это шутка, — поспешил я загладить сказанное. Кмузу ответил едва заметным кивком, и замешательство рассеялось, — Помоги мне, пожалуйста: кажется, сегодня этот галстук меня победил.

Выражение лица Кмузу смягчилось. Казалось, он был рад

оказать мне эту маленькую услугу.

Вот так лучше, — сказал он, закончив работу. — Я принесу ваш завтрак.

— Я не хочу завтракать.

— Яа Сиди, хозяин дома поручил мне с сегодняшнего дня прислуживать вам за завтраком. Завтрак — первое дело, так считает Фридлендер Бей.

Да хранит меня Аллах от таких сатрапов! — После плотного завтрака я весь день буду чувствовать себя мешком со свинцовой дробью. На Кмузу мои слова не подействовали.

— Сейчас принесу ваш завтрак, — сказал он.

— А ты не хочешь сходить в церковь или куда-нибудь еще?

Он спокойно посмотрел на меня.

— Я уже отстоял службу, — ответил Кмузу. — А сейчас завтрак.

Ну вот, теперь этот негр будет подсчитывать каждую съеденную мною калорию и составлять отчет для Фридлендер Бея. Очередной пример гибельного влияния Папочки на людей.

Отчасти я ощущал себя пленником, но в моем положении были несомненные преимущества. Мне принадлежала большая квартира на втором этаже в левом крыле огромного дома Фридлендер Бея, рядом с личными апартаментами Папочки. Мой шкаф был забит одеждой различного покроя и стиля — западного, арабского, одежды для дома и на выход. Папочка надарил мне сложнейшей электроники: от чиндварского информационного компьютера — AI до голографической системы с экраном фирмы «Либертал» и аргоновыми солипсайзерами Рея Челленджера. С деньгами у меня тоже не было проблем. Раз в неделю один из Говорящих Камней оставлял на моем столе толстый конверт с банкнотами.

Моя жизнь изменилась настолько, что дни бедности и неустроенности стали казаться ночным кошмаром тридцатилетнего, человека. Сейчас я полноценно питался, красиво одевался и был уважаем нужными людьми, но все это стоило мне потери самоуважения и большинства дружеских связей.

Кмузу оповестил меня, что завтрак готов.

— Бисмиллах («Во имя Аллаха»), — пробормотал я и сел. Я съел несколько яиц, жареные тосты и выпил чашку крепкого кофе.

— Чего-нибудь еще, яа Сиди? — спросил Кмузу.

— Нет, благодарю.

Я уставился взглядом в стену напротив, размышляя о свободе. Интересно, как отвертеться от этой службы в полиции? Деньги, конечно, здесь не помогут, уж в этом-то я уверен. Не

думаю, что у меня наберется денег на подкуп Папочки. Надо будет еще поразмыслить над этим на досуге. Иншаллах.

— Пойду вниз подгоню машину? — спросил Кмузу.

Я поежился, поняв, что пора идти. Ждал меня не черный лимузин Фридлендер Бея, а комфортабельный электромобиль последней модели, предоставленный Беем в мое распоряжение. В конце концов, я был его официальным представителем среди стражей порядка.

Кмузу, конечно, теперь будет моим шофером. Придется проявить чрезвычайную изобретательность, если понадобится отлучиться куда-нибудь без него.

— Да, сейчас спущусь, — сказал я.

Я провел рукой по голове: волосы уже отросли. Перед тем как выйти из дому, я сунул коробку с модди и дэдди в дипломат. Невозможно сказать заранее, какой личностью предстоит стать сегодня на службе, какие таланты и способности понадобятся. Проще было взять все модди, чтобы чувствовать себя во всеоружии.

На мраморных ступенях я ждал Кмузу. Стоял месяц раби-аль-Авваль, и серое небо сеяло теплый дождик. Хотя поместье Папочки находилось в самом центре города в районе густонаселенных кварталов, у меня было такое впечатление, будто я очутился в тихом цветущем оазисе, вдали от городской копоти и шума. Меня окружала буйная растительность, вся роскошь которой предназначалась исключительно для умиротворения одно-го-единственного дряхлого старика. Я слышал тихое ровное журчание прохладных фонтанов, оживленно чирикали птицы в листве ухоженных фруктовых деревьев. Тяжелый сладкий аромат экзотических цветов плыл в неподвижном воздухе. Однако притворившись равнодушным ко всей этой красоте, я забрался в кремовый вестфальский седан и выехал через ворота с охранниками. За стеной я сразу окунулся в городской шум, сутолоку, внезапно с досадой осознал, как мне не хотелось покидать Папочкин дом. Мне пришло в голову, что со временем я мог бы занять там его место.

Кмузу высадил меня на улице Валид-аль-Акбар у здания полицейского участка, курирующего Будайен. Он сказал, что вернется в половине пятого, чтобы отвезти меня домой. У меня появилось предчувствие, что Кмузу из породы людей, которые никогда не опаздывают. Я стоял на тротуаре и смотрел, как он разворачивается и уезжает.

У порога полицейского участка постоянно толпились люди. Они то ли надеялись увидеть, как ведут в наручниках какого-нибудь преступника, то ли ждали своих близких, освобождаемых

из-под ареста, то ли просто слонялись в надежде выпросить мелкую монетку. Не так давно в Алжире я сам был одним из них, и теперь без всякого стеснения подбросил в воздух несколько киамов и посмотрел, как ребятишки дерутся из-за них. Я полез в карман и вытащил пригоршню монет. Старшие рассовывали по лохмотьям дармовые деньги, а младшие прилипли к моим ногам с воплем:

— Бакшиш!

Каждый день я стряхивал с себя этих юных наездников и входил через вертушку в здание участка.

У меня был столик на третьем этаже, в небольшой кабинке, отделенной от соседей бледно-зелеными пластиковыми стенами чуть выше моего роста. Воздух здесь, видимо, насквозь пропах ароматом пота, сигарет и дезинфицирующих средств. Над моим столом висела полка с пластиковыми коробками, в которых содержалась информация на кобальтовых дискетах. На полу стояла большая картонная коробка, набитая свернутыми в рулоны распечатками. На столе пылился аннамезский компьютер, позволявший одновременно просматривать два-три текущих дела. Конечно, моя работа была не столь важной, как считал лейтенант Хайяр. Он знал, что я личный уполномоченный Фридлендер Бея. Только Папочка мог позволить себе собственный полицейский участок, защищавший его интересы в Будайене.

Хайяр влетел в мой бокс и грохнул на стол еще одну тяжелую коробку. Он был иорданцем и в прошлом имел достаточно длинный список арестов, которые случились еще до приезда в наш город. Десять лет назад он был спортсменом-профессионалом, но сейчас явно потерял форму. У Хайяра были редеющие темные волосы и недельная щетина, походившая на кожуру киви. Этот человек был подобен кошмарному сну своей мамочки, где он фигурировал как продавец наркотиков (кем, собственно, и был до того, как стал полицейским в соседнем квартале).

— Как дела, Одран? — спросил он.

— О'кей, — ответил я. — Что там?

— Нашел для тебя кое-что интересное.

Хайяр был года на два моложе, отчего ему нравилось понукать меня. Я заглянул в коробку, там было сотни две синих дискет из кобальтово-

го сплава. Кажется, предстояла утомительная и нудная работа.

— Ты хочешь, чтобы я их рассортировал?

— Я хочу, чтобы ты занес их в вахтенный журнал.

Я выругался про себя. Каждый полицейский носит с собой

вахтенный журнал для ежедневных записей: где он был, что видел, что сказал, что сделал. В конце дня он предъявляет дискету с этими записями своему сержанту. Сейчас Хайяр хотел, чтобы я сверил все дискеты по списку.

— Папочка назначал меня сюда не для такой работы, — сказал я.

— Еще чего! Если ты чем-то недоволен, все вопросы к Фридлендер Бею. А сейчас делай, что сказано.

— Хорошо, — сказал я, поглядев в спину уходящего Хайяра.

— Между прочим, — он снова обернулся ко мне, — у меня для тебя приятный сюрприз, но это потом. Кое-кто не прочь с тобой встретиться!

— Хм… — недоверчиво отреагировал я.

— Ну ладно, разбирайся скорее с дискетами. Они нужны мне к полудню.

Кивнув, я снова повернулся к столу. Поведение Хайяра выводило меня, и хуже всего, что он знал об этом. Однако я не хотел, чтобы он видел мое раздражение.

Забавно, ведь Хайяр работал на того же хозяина, что и я, но притворялся, что существует сам по себе. С тех пор как он получил повышение и стал начальником, с ним произошли разительные перемены. Он начал относиться к своей работе серьезно и прекратил интриги и незаконные поборы. Не надо думать, что в нем неожиданно проснулось чувство собственного достоинства; просто Хайяр решил подальше держаться от грязи, чтобы не вылететь с такого ответственного поста за обман и невежество.

Я выбрал в коробке модификатор продуктивности и вставил его в гнездо на затылке. Этот функционирующий имплантат позволял мне подключать один модди и шесть дэдди. Но переднее гнездо было предметом моей гордости. Оно соединялось с гипоталамусом и позволяло подключать к нему свои специальные дэдди. Насколько мне известно, никогда никому еще не вживлялся второй имплантат. Хорошо, что я ничего не знал о распоряжении Фридлендер Бея насчет этого рискованного эксперимента. Думаю, Папочка не хотел меня нервировать. Сейчас же, когда опасность миновала, я ощутил пользу от такого эксперимента. Он сделал меня более активным членом общества.

Вынужденно занимаясь утомительной ежедневной работой в участке, я подключал оранжевый модди, который дал мне Хайяр. На нем был ярлык с указанием страны-экспортера — Швейцария. Швейцарцы, вероятно, большие поборники эффективности. Их модификатором может воспользоваться самый энергичный и

одаренный человек в мире. В мгновение ока модификатор сделает его занудой. Не глупым занудой, в какого превратила меня оглупляющая программа Халф-Хаджа, но в упрямого работника, который не будет отвлекаться ничем посторонним, кроме того, что находится перед его глазами. Это один из самых бесценных подарков, о которых можно только мечтать, находясь на службе в полицейском участке. Я со вздохом достал модди и подключил его.

И в тот же миг возникло чувство, что весь мир накренился и тут же встал на место. Во рту Одрана появился странный металлический привкус и в ушах пронзительно зазвенело. Он почувствовал тошноту, но постарался не обращать на нее внимания — она не исчезнет до отключения модификатора. Модди моментально изменял его личность, причем настолько, что от его истинного «я» оставалась лишь слабая тень.

Сознание Одрана не прояснилось еще настолько, чтобы испытывать негодование. Он помнил лишь о работе, которую надо было выполнить, и поэтому извлек из коробки полные пригоршни кобальтовых дискет. Шесть штук он сунул в обойму дисковода под экран старенького компьютера. Нажав клавишу ввода, Одран произнес:

— Скопировать номера один, два, три, четыре, пять, шесть.

Затем ждал, пока машина переписывала содержание дискет, уставившись на экран пустыми глазами. Когда компьютер закончил работу, он вытащил дискеты, положил их на край стола, взял еще шесть штук и снова зарядил дисковод. За этим занятием он и не заметил, как пролетело утро.

— Одран, — позвал кто-то.

Он приостановил работу и бросил взгляд через плечо. У входа в его кабинку стояли лейтенант Хайяр и патрульный в униформе. Одран вновь медленно обернулся к экрану, шаря рукой в коробке, но она была пуста.

— Выдерни эту проклятую штуку.

Одран опять обернулся к Хайяру и кивнул. Пора было отключать модификатор.

Чувство дезориентации появилось вновь, и вот я снова сидел за своим столом, тупо уставясь на зажатый в руке швейцарский модди.

— Уф, — пробормотал я, испытывая несказанное облегчение.

— Сказать тебе, в чем секрет Одрана? — обратился Хайяр к полицейскому. — Не в его способностях, у него их на самом деле нет. Мы взяли его на работу, потому что он здорово шарит в компьютерной технике. К тому же у него есть модди.

Коп улыбнулся.

— Эй, это же ты всучил мне этот чертов модди, как я только пришел сюда, — подал я голос.

Хайяр пожал плечами.

— Одран, перед тобой офицер Шакнахай.

— Как поживаете? — спросил я. — О'кей, — ответил коп.

— Остерегайтесь Одрана, — предупредил копа Хайяр, — он увлекающаяся натура. Раньше он устраивал скандалы из-за того, что у него в мозгах не хватало проводов. А теперь его не увидишь без какого-нибудь модди, торчащего из башки.

Такая характеристика сразила меня просто наповал. Я и не думал, что использую модди так часто, и удивился, узнав, что это настолько заметно.

— Постарайся отнестись с пониманием к его слабостям, Иржи, вам предстоит работать вместе.

Шакнахай пристально посмотрел на него. Я тоже.

— Как это понимать — работать вместе? — спросил коп.

— Понимай, как сказано. У меня есть одно небольшое дельце для вас двоих. Некоторое время вам предстоит очень тесно сотрудничать.

— Ты снимаешь меня с работы на улице? — спросил Шакнахай.

Хайяр покачал головой:

— Я не это имел в виду. Вы вдвоем с Одран ом будете патрулировать улицы.

Шакнахай был взбешен. Казалось, он готов был разнести все вокруг.

— Пусть шайтан заберет моих детей, если я соглашусь на это! — закричал он. — Видно, ты рехнулся, что ставишь меня в пару с новичком.

Мне была не по душе идея работы на улице. Не хотелось становиться мишенью для каждого будайенского психа с дешевым иглометом.

— Я останусь здесь, в здании, — сказал я. — Фридлендер Бей никогда не говорил, что мне придется выполнять работу настоящего полицейского.

— Это пойдет тебе на пользу, Одран, — заговорил Хайяр. — Ты снова сможешь разъезжать и встречаться со старыми друзьями. На них твой значок произведет потрясающее впечатление.

— Они возненавидят меня всей душой, — возразил я.

— Вы оба упустили одну небольшую деталь, — встрял Шакнахай. — В качестве моего напарника он должен прикрывать меня в любой опасной ситуации. Честно говоря, я ему не доверяю. Нельзя работать с человеком, на которого трудно положиться.

— Ты тут ни при чем, — успокоил меня Хайяр.

Такое мнение слегка позабавило его. Мое первое впечатление от Шакнахая тоже было не ахти каким. В его мозгу отсутствовали провода, и это означало, что он либо из правоверных мусульман, либо один из парней, считающих, что их неприспособленный мозг в состоянии сам сладить со злоумышленником. Когда-то и я был таким, но со временем поумнел. В любом случае нам с ним не сработаться.

— А мне не улыбается отвечать за спину этого парня, — заметил я. — Зачем мне такая нервотрепка?

Хайяр сделал примиряющий жест:

— Забудьте о несогласии. Вам не придется ловить уличных правонарушителей. Вы будете вести частное расследование.

— Какое еще частное расследование? — спросил Шакнахай подозрительно.

Хайяр помахал темно-зеленой кобальтовой дискетой:

— У меня здесь большое дело на Реда Абу Адиля. Я хочу, чтобы вы вдвоем изучили его вдоль и поперек. Потом вы найдете этого человека и будете следовать за ним по пятам как тени.

— Его имя пару раз прозвучало в доме Папочки, — заметил я. — Кто он?

— Давнишний конкурент Фридлендер Бея. — Хайяр прислонился к бледно-зеленой стене. — Их соперничество длится сотню лет.

— Я знаю о нем, — хрипло выдавил коп.

— Одрану известны лишь молодые головорезы Будайена. Абу Адиль на пушечный выстрел не подходит к Будайену, и сфера его деятельности не касается Папочки. Его маленькое королевство врезается в северные и западные кварталы города. Но, несмотря на это, Фридлендер Бей попросил взять Абу Адиля под наблюдение.

— И ты сделаешь это только потому, что тебя попросил Фридлендер Бей? — спросил Шакнахай.

— Держу пари со своим ослом. Он подозревает, что Абу Адиль замышляет нарушить перемирие. Папочка хочет быть во всеоружии.

До тех пор, пока я не нашел средство давления на Фридлендер Бея, я оставался марионеткой в его руках. Приходилось делать то, что прикажут мне он и Хайяр.

Шакнахай, однако, не хотел принимать участия в этом деле.

— Я стал полицейским, чтобы помогать людям, — заявил он. — Зарабатываю гроши, недосыпаю и каждый день вмешиваюсь в какую-нибудь заваруху. Никогда не знаю, с какой стороны ждать выстрела. Но служу я для того, чтобы всем стало лучше. И не

собираюсь наниматься личным шпионом к какому-нибудь богатому ублюдку. Долго вы искали кандидата на эту должность? — Он остановил взгляд на Хайяре, и лейтенант был вынужден отвернуться.

— Послушай, — спросил я Шакнахая, — чем я тебя не устраиваю?

— Во-первых, ты не полицейский, — сказал? он. — Ты хуже новичка. Ты струсишь, а какой-нибудь негодяй пришьет меня, или же сорвешься с гаек и пристрелишь безобидную старушенцию. Я не хочу быть в команде с человеком, которому не доверяю. Я кивнул:

— Тут ты прав, но ведь у меня модди. Многие новички в полиции носят служебные модди, помогающие им в работе.

Шакнахай замахал руками:

— Чушь!

— Не стоит так волноваться, опасных поручений для вас не предвидится, — вступил в разговор Хайяр. — Обычное расследование. Работа в основном сидячая. Не понимаю, с чего ты так сдрейфил, Иржи?

Шакнахай потер лоб и вздохнул: — Ладно, ладно! Только пусть мои возражения внесут в протокол.

— О'кей, — кивнул Хайяр, — они учтены. Мне потребуются регулярные рапорта от вас, Фридлендер Бей должен быть в курсе. Хочу порадовать старика. А это не так просто, как кажется. — Он подвинул ко мне дискету с записью.

— Нам приступать к делу сейчас же? — спросил я. Хайяр искоса взглянул на меня:

— Если останется время от напряженной общественной деятельности.

— Сделай для меня копию, — попросил Шакнахай, — я сегодня изучу, а завтра съездим к Абу Адилю.

— Договорились. — Я вставил «дело» в дисковод и сделал распечатку.

— Чудесно, — сказал Шакнахай и вышел с распечаткой за дверь.

— Не очень-то вы поладили, — заметил Хайяр.

— Первый день совместной работы, — ответил я. — Не танцевать же мне с ним?

— Пожалуй, ты прав. Почему бы тебе не отправиться домой сейчас, чтобы заняться просмотром материалов? Если появятся вопросы, я уверен, Папочка даст на них ответ.

Он тоже ушел. Я связался с домом Фридлендер Бея по компьютеру. И услышал голос одного из Говорящих Камней.

— Да, — произнес он тупо и невыразительно.

— Говорит Одран. Передай Кмузу, чтобы в ближайшие двадцать минут заехал за мной в участок.

— Да, — откликнулся Камень. Затем послышались гудки. Отсутствие красноречия эти Камни восполняют лаконичностью.

Спустя двадцать минут Кмузу притормозил электрический седан на обочине. Я забрался на заднее сиденье, и мы поехали домой.

— Кмузу, — спросил я, — знаешь ли ты что-нибудь о бизнесмене по имени Реда Абу Адиль?

— Немного, яа Сиди, — сказал он, не отрывая взгляда от дороги. — А что бы вы хотели узнать о нем?

— Все, но не сейчас. — Закрыв глаза, я откинул голову на спинку сиденья. Если бы Фридлендер Бей рассказал мне столько же, сколько он поведал Кмузу и лейтенанту Хайяру… Мне не хотелось думать, что Папочка все еще не вполне доверяет мне.

— Вы, верно, захотите поговорить с Фридлендер Беем, когда приедем домой? — спросил Кмузу.

— Конечно.

— Должен предупредить: эта женщина только что испортила ему настроение.

Невероятно, подумал я. Ведь я совершенно забыл о ней. Папочка скорее всего спросит, почему она еще не убита. Весь оставшийся путь я придумывал правдоподобный предлог, извиняющий мою непредусмотрительность.

Знай я, в какую переделку попаду, велел бы Кмузу отвезти меня подальше за город и оставить там в каком-нибудь тихом и отдаленном уголке. Домой я попал — а я уже считал дворец Фридлендер Бея своим домом — около четырех часов дня. Я решил, что неплохо бы вздремнуть. После чего я собирался встретиться с Папочкой, а затем отправиться на часок в клуб Чириги. Но, к сожалению, у Кмузу были совсем другие планы.

— Мне там будет удобно, в маленькой комнатке, — объявил он.

— Извини, не понял? — переспросил я.

— В маленькой комнатке, где кладовая. Мне вполне хватит места. Я принесу кровать.

Я с минуту глядел на него в полном недоумении:

— Я думал, ты будешь спать в том крыле, где все слуги.

— Да, у меня там тоже есть комната, яа Сиди, но здесь мне будет удобнее заботиться о вас.

— На мой взгляд, вовсе нет необходимости присматривать за мной каждую секунду дня, Кмузу. Я ценю свою независимость.

Кмузу кивнул:

— Понимаю, но хозяин дома велел мне… Я слышал об этом

достаточно.

— Меня не интересует, что велел тебе хозяин дома! — закричал я. — Чей ты раб: мой или его?

Кмузу не ответил. Он только посмотрел на меня большими серьезными глазами.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Иди и устраивайся в кладовой. Сложи мои вещи в угол и принеси матрас, если хочешь. — Я отвернулся, глубоко раздосадованный.

— Фридлендер Бей пригласил тебя пообедать с ним после беседы, — сказал Кмузу.

— Видимо, мои планы ничего не значат, — заметил я. В ответ я получил все тот же молчаливый взгляд. У Кмузу это получалось жутко убедительно.

Я пошел в спальню, разделся. Затем влез под душ и задумался над разговором с Фридлендер Беем. Во-первых, я собирался ему сказать, что затея со шпионом-рабом Кмузу нелепая и недостойная. Во-вторых, я дам ему понять, что мне не улыбается работать с офицером Шакнахаем. В-третьих, я понял, что у меня не хватит духа изложить два первых пункта.

Я выбрался из ванной и насухо вытерся. Теплая вода улучшила мое самочувствие, и я подумал, что спать мне ни к чему. Вместо этого я заглянул в платяной шкаф. Папочке нравилось, когда я носил арабскую одежду. Не долго думая, я выбрал простую галлебейю каштанового цвета. Решил, что вязаная шапочка, какую носят у меня на родине, в данном случае не подойдет, а тюрбан мне не к лицу. Я остановился на простой белой кеффии и обвязал ее обычной черной верёвкой — акалем. Вокруг пояса я завязал веревку, на которой расположил церемониальный кинжал, подаренный мне Палочкой. Кроме того, у меня на поясе, за спиной, висел в кобуре мой рабочий револьвер. Я укрыл его под дорогим, золотистого цвета плащом, наброшенным на галлебейю. Я был готов ко всему: к пиру, спору или к вооруженному нападению.

— Почему ты не останешься здесь и не займешься обустройством? — спросил я Кмузу, но он не послушался меня и следовал за мной вниз. Чего я и ожидал.

Кабинет Папочки был на первом этаже центральной части дома, соединяющей два крыла. Когда мы пришли туда, один из Говорящих Камней стоял в коридоре возле двери. Увидев меня, он кивнул, но при взгляде на Кмузу выражение лица его изменилось. Его губы слегка покривились. Это было самым сильным проявлением эмоций, какое я когда-либо встречал у Говорящих Камней.

— Подождешь здесь, — сказал он.

— Я пойду с моим хозяином, — возразил Кмузу. Камень ударил его в грудь, отбросив на шаг назад.

— Подождешь, — повторил он.

— Успокойся, Кмузу, — сказал я.

Не хотелось, чтобы они подрались здесь, около кабинета Фридлендер Бея. Пусть выясняют отношения в другое время и в другом месте!

Кмузу холодно посмотрел в мою сторону, но ничего не ответил. Камень слегка кивнул и, когда я прошел в кабинет Папочки, закрыл за мной дверь. Если они с Кмузу подерутся в коридоре, я попаду в неловкое положение. Что говорит этикет о поведении человека, раб которого избит рабом его босса? Хотя, возможно, я недооценивал способностей Кмузу. Вдруг у него была припасена пара приемчиков, которыми он смог бы одолеть Говорящих Камней?

Фридлендер Бей находился в своем кабинете. Он сидел за огромным столом, и вид у него был неважнецкий. Уперев локти в стол, он потирал лоб, но поднялся при моем появлении.

— Я рад, — сказал он. Голос его при этом радости не выражал и был предельно усталым.

— Добрый вечер, о шейх! — сказал я.

На нем были белая рубашка с расстегнутым воротом и закатанными рукавами и мешковатые серые брюки. Он, вероятно, даже не заметил моих усилий, потраченных на переодевание в традиционную одежду. Не знаешь, когда попадешь в цель, а когда нет.

— Сейчас мы пообедаем, сын мой, а пока посиди со мной. Мне нужно посоветоваться с тобой.

Я расположился в удобном кресле рядом. Папочка снова сел и, нахмурившись, стал рыться в бумагах. Собирался ли он спросить меня о той женщине или сказать на худой конец, почему приставил ко мне Кмузу? Но я понимал, что сейчас не время задавать вопросы. Придет время — и он сам ответит на них.

Бей закрыл глаза и тут же, вздрогнув, открыл их. Его редкие седые волосы оставались всклокоченными после сна, и бритва не касалась его лица сегодня утром. Наверное, он много передумал за это время. Я немного побаивался предстоящей беседы и возможных новых поручений.

— Нам надо поговорить, — заговорил он, — о раздаче милостыни.

Должен признаться, раздача милостыни стояла в самом конце моего воображаемого списка возможных пунктов нашей беседы.

Хотя с моей стороны было глупо ожидать, что Бей захочет решать со мной более значительные проблемы, вроде заказного

убийства, к примеру.

— Я думал о более важных делах, о шейх, — сказал я.

Фридлендер Бей устало кивнул:

— Без сомнения, сынок, ты искренне веришь, что существуют другие дела, более важные и более значительные, но ты ошибаешься. Ты и я живем в роскоши и комфорте, а это накладывает на нас обязательства по отношению к нашим братьям.

Жак, мой неверный друг, не смог бы понять такого беспокойства. Правда, другие религии тоже покровительствуют благотворительности. Только здравый смысл охраняет нас от бедных и нуждающихся, ведь мы не знаем, не предстоит ли самим стать подобными им. Однако отношение мусульман к беднякам много снисходительнее, чем в других религиях. Раздача милостыни — один из пяти столпов мусульманской религии, столь же важное обстоятельство, как исповедание веры, ежедневная молитва, пост Рамазан и паломничество в Мекку.

Раздаче милостыни я придавал такое же значение, как и всем остальным обязательствам, то есть глубоко уважал все это умозрительно, и постоянно напоминал себе, что давно пора приступать к практике.

— Ты, конечно, уже давно думаешь над этим? — спросил я.

— Мы пренебрегали нашим долгом по отношению к беднякам и путникам, а также к вдовам и сиротам из соседей.

Некоторые из моих друзей — из старых друзей — считали Палочку всего-навсего убийцей и чудовищем, но как они заблуждались! Он проницательный деловой человек, связанный крепкими узами с религией, породившей нашу культуру. Прошу прощения, если это звучит противоречиво. Временами он бывает человеком жестким, даже жестоким, но никто из нас не предан Аллаху так искренне и никто с такой радостью не принимает на себя Заветов Священного Корана.

— Что ты велишь мне делать, о дядя? Фридлендер Бей пожал плечами:

— Я вознаграждаю тебя щедро за услуга, не так ли?

— Ты щедр всегда, о шейх, — сказал я.

— Значит, для тебя не трудно будет расстаться с пятой частью своей сущности, как предполагает следование по Пути Истины. Я хочу сделать тебе подарок, который пойдет на пользу твоему кошельку и в то же время предоставит побочный источник доходов.

Мое внимание обострилось. Каждую ночь, засыпая, я мечтал о свободе. Также я думал о ней, просыпаясь по утрам. А первым шагом к ней была материальная независимость.

— Ты щедрый из щедрейших, о шейх, — сказал я. — Но я не достоин твоих милостей. — В этот момент слух мой ловил каждое слово, слетавшее с его языка. Но этикет требовал другого, и я делал вид, что никак не могу принять его дар. — Мудрая политика, — заметил я.

Зная многих «сторонников» Папочки и источники их доходов, я был уверен, что он хочет втравить меня в какое-то темное дело. Не то чтобы я был особо щепетилен, вовсе нет! По большому счету, я сторонник оптовой торговли наркотиками. Но у меня никогда не было способностей к сбыту в розницу.

— До недавнего времени Будайен был твоим миром. Ты знаешь его неплохо, сынок, и понимаешь его обитателей. У меня там есть авторитет, и я подумал, что неплохо бы тебе основать небольшое коммерческое дело в этом квартале. — Он протянул мне упакованный в пластик документ.

Я подался вперед, рассматривая.

— Что это, о шейх? — спросил я.

— Это документ на право собственности. Теперь ты хозяин заведения. С сегодняшнего дня приступаешь. Это доходное предприятие, племянник. Управляй им разумно, и оно вознаградит тебя. Иншаллах.

Я вцепился в документ.

— Ты… — И тут у меня перехватило дыхание. Папочка купил клуб Чириги и дарил его мне. Я поднял на него глаза. — Но…

Бей махнул рукой.

— Не надо благодарностей, — сказал он, — ты мой послушный сын!

— Но ведь клуб — собственность Чири. Я не могу вступить в право владения этим клубом. Что она будет делать без него?

Фридлендер Бей пожал плечами.

— Бизнес есть бизнес, — лаконично ответил он.

Я не сводил с Папочки глаз. У него была замечательная способность дарить мне вещи, без которых я был бы гораздо счастливее: такого раба, как Кмузу, например, или работу полицейского. Но отказываться было нельзя.

— Я не в состоянии выразить вам свою благодарность, — начал я скучным голосом.

У меня оставалось только двое верных друзей: Саид Халф-Хадж и Чири. Она справедливо возненавидит меня. Я заранее боялся ее реакции.

— Ну, — сказал Фридлендер Бей, — пойдем обедать. — Он встал из-за стола и протянул мне руку. Все еще ошеломленный, я последовал за ним. И только потом сообразил, что не поговорил с ним о работе с Хайяром и о своем новом занятии — слежке за

Реда Абу Адилем. Когда находишься в обществе Папочки, приходится идти туда, куда идет он, делать то, чего хочет он, и говорить о том, о чем он хочет разговаривать.

Мы пошли в меньшую из двух столовых, в конце левого крыла, на первом этаже. Там мы с Папочкой обычно вместе обедали. Кмузу последовал за мной по коридору, а за Папочкой пошел Говорящий Камень. В американской мыльной опере было бы так: Кмузу и Говорящий Камень, подравшись, в итоге стали бы лучшими друзьями. Хэппи-энд.

Я остановился на пороге столовой и не поверил своим глазам. Нас поджидали Умм Саад и ее сын. Она была первой женщиной, попавшейся мне во дворце Фридлендер Бея, но никогда еще женщине не разрешалось садиться с нами за стол. Мальчик выглядел лет на пятнадцать, по канонам веры он находился уже в зрелом возрасте, достаточном для молитв и поста. При других обстоятельствах мы пригласили бы его разделить нашу трапезу.

— Кмузу, — сказал я, проводи женщину в ее комнату.

Фридлендер Бей взял меня за руку.

— Благодарю, сынок, но я пригласил эту женщину побеседовать с нами.

Я глядел на него открыв рот, не находя вразумительного ответа. Впрочем, если Папочка в столь зрелом возрасте решил произвести революционный переворот в отношениях с женщинами, то это было его право. Я закрыл рот и кивнул.

— Умм Саад пообедает в своей комнате после беседы, — сказал Фридлендер Бей, окинув ее суровым взглядом. — А сын ее может уйти с ней или остаться с нами, как он пожелает.

Умм Саад проявляла нетерпение.

— Думаю, я должна быть благодарна за любую минуту, уделенную мне, — сказала она.

Папочка направился к своему креслу, поддерживаемый Камнем, который помог ему усесться. Кмузу провел меня к моему месту за столом, напротив Фридлендер Бея. Умм Саад села слева от него, а ее сын — справа.

— Марид, — сказал Папочка, — знаком ли ты с молодым человеком?

— Нет, — ответил я. Он ни разу не попадался мне на глаза. Они с матерью вели незаметную жизнь в этом доме. Мальчик был рослым для своих лет, но худощавым и грустным подростком с кожей странного желтоватого оттенка, как и белки глаз. Все признаки нездоровья налицо. На нем были темно-синяя галлебейя с геометрическим рисунком и тюрбан молодого шейха — не головной убор вождя племени, а почетный тюрбан юноши,

знающего Коран наизусть.

— Яа Сиди, — подала голос женщина, — могу ли я представить вам своего сына, прекрасного Саада бен Салаха?

— Да умножится ваша слава, сэр, — сказал мальчик.

У ребенка были на удивление неплохие манеры.

— Да будет Аллах милостив к тебе, — откликнулся я.

— Умм Саад, — резким тоном заговорил фридлендер Бей. — Вы вошли в мой дом, предъявив странные претензии. Мое терпение на пределе. Верный законам гостеприимства, я выносил ваше присутствие, но теперь моя совесть чиста. Я требую, чтобы вы оставили меня в покое. Вы должны покинуть мой дом завтра утром, когда прозвучит призыв к молитве. Я дам моим слугам распоряжение о всяческом содействии вам.

Умм Саад слегка улыбнулась, словно находила гнев Папочки забавным.

— Похоже, что вы не успели уделить достаточного внимания нашей проблеме. Видимо, вы ещё не позаботились о будущем своего внука. — Она накрыла руку Саада своей рукой.

Слова женщины прозвучали как пощечина. Неслыханно: она пыталась претендовать на право считаться либо дочерью Фридлендер Бея, либо его невесткой. Так вот почему он хотел, чтобы я освободил его от этой особы, не желая самостоятельно разобраться с ней.

Бей смотрел на меня.

— Мой племянник, — сказал он, — эта женщина не моя дочь, а мальчик мне не родственник. И вдруг они приходят в мой дом и заявляют о родстве, претендуя на часть моего заработанного тяжким трудом состояния.

Бог мой, мне следовало принять меры сразу, когда Бей впервые попросил меня об этом, тогда я еще не был втянут в эту интригу. Со временем я еще научусь исправлять положение дел прежде, чем они успеют зайти слишком далеко. Конечно, убивать я бы ее не стал, но сейчас уже поздно. Она не пойдет на компромисс; она хочет съесть пирог целиком, не уронив ни крошки.

— Ты уверен, о шейх? — спросил я. — Она действительно не твоя дочь?

Секунду я ожидал оплеухи. Но Бей нарочито спокойным голосом произнес:

— Клянусь тебе в том жизнью Посланника Аллаха, да пребудет с ним мир и покой.

Для меня этого было достаточно. Фридлендер Бей мог пойти на небольшую хитрость, если она приближала его к выбранной цели, но он не был способен на клятвопреступление. Мы и

сработались с ним отчасти потому, что оба не лжем. Я посмотрел на Умм Саад.

— Есть ли у вас доказательства вашей правоты? — спросил я.

Ее глаза стали круглыми.

— Доказательства? — воскликнула она. — Какие доказательства понадобятся вам для того, чтобы узнать своего отца?

Умм Саад даже не догадывалась, насколько щекотливый вопрос затронула. Я не обратил на ее слова особого внимания.

— Папочка… — Я осекся. — Хозяин дома проявил к вам доброту и уважение. Сейчас он просит вас завершить визит. Как он и обещал, при отъезде вы можете воспользоваться помощью всех наших слуг. — Я обернулся к Говорящему Камню, и тот подтвердил кивком. Он проследит, чтобы Умм Саад и ее сын оказались за дверями с последним слогом утренней молитвы муэдзина.

— Тогда мы должны собраться, — сказала она, вставая. — Пойдем, Саад.

И они вдвоем покинули маленькую столовую с таким достоинством, словно это был их дворец, а мы — их лакеи.

Руки Фридлендер Бея прижаты к столу так, что костяшки пальцев побелели. Он испустил несколько глубоких и продолжительных вздохов.

— Что вы намерены делать, чтобы положить конец этому безобразию? — спросил он.

Я перевел взгляд с Кмузу на Говорящего Камня. Никто из них не проявлял ни малейшего интереса к случившемуся.

— Хотелось бы для начала кое-что выяснить, о шейх! — сказал я. — Например, так ли необходима ее смерть? А что, если я выберу другой, менее кровопролитный способ утихомирить ее?

— Ты сам видел и слышал ее. Ничто другое не заставит эту женщину отказаться от своих планов. И, кроме того, ее смерть удержит других вымогателей от подобной стратегии. Почему ты колеблешься, сынок? Это так просто и эффективно. Ведь ты убивал прежде. Неужели трудно еще раз сделать доброе дело? Тебе даже не придется изображать несчастный случай. Сержант Хайяр и так все поймет. Он не станет возбуждать уголовное дело.

— Хайяр уже лейтенант, — напомнил я. Папочка нетерпеливо отмахнулся:

— Да, конечно…

— Ты думаешь, что Хайяр сквозь пальцы посмотрит на убийство?

Хайяр был подкуплен, но это не значило, что он будет спокойно смотреть, как я делаю из него посмешище. Сейчас мне

было позволено многое, но при этом следовало вести себя осторожно и не задевать самолюбие Хайяра. Старик сморщил лоб.

— Сынок, — медленно заговорил он, чтобы я уловил каждое слово, — если лейтенант Хайяр заупрямится, его можно сместить. Тогда, может быть, с его преемником тебе повезет больше. И так продолжать смену начальства до тех пор, пока в участке не появится умный полицейский с богатым воображением.

— Да укажет нам путь Аллах, — пробормотал я. Последнее время Фридлендер Бей с завидной легкостью отфутболивал к другим решение жизненных затруднений. Я еще раз поразился тому, что Папочка не спешил самостоятельно нажать на спусковой крючок. Еще в раннем возрасте он научился перелагать ответственность на чужие плечи. А я стал его самым счастливым избранником.

— Пообедаем? — спросил он. У меня пропал аппетит.

— Ради Бога, прости меня, — сказал я, — но у меня еще много дел. Может, после обеда ты ответишь мне на несколько вопросов. Я бы хотел узнать что-нибудь о Реда Абу Адиле.

Фридлендер Бей развел руками.

— Не думаю, что знаю о нем больше твоего, — сказал он.

Так почему же Папочка настаивал, чтобы Хайяр приступил к официальному расследованию? И почему он молчал теперь? Или это было моим испытанием? И сколько таких испытаний я должен пройти?

Или же — в таком случае дело становилось еще занятнее — заинтересованность Хайяра к Абу Адилю исходила не от Папочки. Может быть, Хайяр продавал себя несколько раз: Фридлендер Бею, затем второму по величине покупателю, третьему, четвертому…

Я вспомнил, что пылким пятнадцатилетним юнцом пообещал своей подружке Нафиссе никогда даже не глядеть на других девушек. Потом я дал такое же обещание Файзе, у которой груди были гораздо больше. Затем Хануне, чей отец работал в пивоварне. Все было прекрасно до тех пор, пока Нафисса не узнала о Хануне, а отец Файзы не узнал о них обеих. Девушки охотно лишили бы меня мужских достоинств и выцарапали бы мне глаза, не ускользни я из Алжира, пока враг дремал. Таким образом началась моя одиссея, которая и привела меня в этот город.

— Это старая забытая история, к тому же неуместная в данной ситуации. Я просто хотел показать, на какую беду нарвется Хайяр, если Фридлендер Бей и Реда Абу Адиль уличат его в двурушничестве.

— Разве Абу Адиль не является твоим главным

конкурентом? — спросил я.

— Этот джентльмен, пожалуй, может решить, что мы конкурируем. Но не думаю, что между нами могла пробежать черная кошка. Аллах дает Абу Адилю право продавать кованую бронзу там, где я продаю свою. Если кто-то купит товара у Абу Адиля больше, чем у меня, я благословлю и покупателя, и продавца. Я получаю средства к существованию от Аллаха, и Абу Адиль не может мне ни помочь, ни помешать.

Я подумал о крупных суммах денег, проходивших через руки Фридлендер Бея: часть из них в толстых конвертах оседала на моем столе. К кованой бронзе они наверняка не имели отношения. Бронза была весьма благовидным эвфемизмом; я решил, что так оно и сойдет.

— По словам лейтенанта Хайяра, — сказал я, — Абу Адиль замышляет вытеснить тебя из мира бизнеса. И ты так думаешь?

— Только Вседержитель Мира может это сделать, сынок. — Папочка поглядел на меня с любовью. — Но мне нравится твое внимание. Не беспокойся насчет Абу Адиля.

— Я мог бы использовать свою должность полицейского для выяснения его замыслов.

Он встал и провел рукой по седым волосам.

— Если хочешь, узнай. Может, это развеет твои сомнения.

Кмузу потянул за спинку мой стул, и я тоже встал.

— Дядя, — сказал я. — Прошу простить меня. Да будет еда тебе по вкусу! Желаю приятной трапезы.

Фридлендер Бей приблизился ко мне и поцеловал в обе щеки.

— Да хранит тебя Бог, дорогой мой, — сказал он. — Я доволен тобой.

Выходя из столовой, я обернулся и увидел, что Папочка снова занял свое место. Его лицо было мрачно, и Говорящий Камень наклонился над ним, выслушивая. Странно: чем может поделиться Папочка со своим рабом, а не со мной?

— Ты должен переселиться в свою новую комнату? — спросил я Кмузу по дороге к себе.

— Я принесу матрас, яа Сиди. На сегодня хватит.

— Хорошо. Мне придется еще немножко поработать на компьютере.

— Доклад о Реда Абу Адиле?

Я пристально посмотрел на него.

— Да, — сказал я, — ты угадал.

— Может, я помогу вам получить более ясное представление об этом человеке и его побуждениях?

— Откуда ты о нем так много знаешь, Кмузу? — спросил я.

— Когда: меня впервые привезли в этот город, я служил

телохранителем одной из жен Абу Адиля.

Воистину чудесная новость. Вообразите: я начинаю расследование по делу совершенно незнакомого человека, а мой раб, оказывается, был некогда слугой этого типа. Однако странное получалось совпадение. Оставалось верить в себя и надеяться, что в итоге я распутаю клубок, оставшись живым и невредимым.

Я помедлил у двери своей комнаты.

— Принеси свою кровать и вещи, — сказал я Кмузу. — А я тем временем просмотрю дело Абу Адиля. Не бойся, ты не помешаешь. Когда я работаю, нужна как минимум пушка, чтобы меня отвлечь.

— Спасибо, яа Сиди. Я постараюсь потише.

Я начал поворачивать цветовой замок на двери. Кмузу отвесил легкий поклон и направился к комнатам слуг. Когда он завернул за угол, я поспешил в противоположном направлении. В гараже я отыскал свой автомобиль. Было несколько странно и неловко убегать от собственного слуги, но мне совершенно не хотелось таскать его за собой весь сегодняшний вечер.

Проехав христианский квартал и район шикарных магазинов в западной части Будайена, я припарковал машину на бульваре Иль-Жамель, неподалеку от места, где обычно стояло такси Билла. Прихватив коробочку с таблетками, я вышел из машины. Казалось, прошла целая вечность с того времени, когда я в последний раз лакомился дурью. У меня были хорошие поставщики, благодаря деньгам и новым знакомым, которых я повстречал у Папочки. Я выбрал парочку голубых таблеток и так спешил, что проглотил их тут же, без воды. Через несколько минут во мне закипит энергия, и я почувствую борцовский настрой. Мне нужна была такая поддержка, предстояла тяжелая сцена, которую надо было еще пережить.

Сначала я решил включить модди, но в последний момент передумал. Я слишком уважал Чири, чтобы разговаривать с ней от имени своего собственного «я». После беседы с ней все может оказаться иначе и я отправлюсь домой совершенно иной личностью.

В тот вечер в клубе Чири толпилось множество народу. Было душно и жарко, в воздухе витал сладкий аромат духов, кислый запах пота и пролитого пива. Транссексуалы и дебютантки болтали с посетителями с наигранной веселостью. Их смех пробивался сквозь пронзительную музыку, когда они заказывали шампанское за счет клиентов. Ярко-красные и голубые неоновые молнии скользили за стойкой сверху вниз, и сверкающие вспышки света от вращающихся зеркальных шариков отражались

на стенах и потолке. В одном углу светилось голографическое изображение Хани Пилар, распластавшейся на манто из светло-бежевой норки на каком-то романтическом побережье. Это была реклама ее нового модди под названием «Жутко медленный ожог». С минуту я смотрел на нее точно загипнотизированный.

Одран, — прозвучал мелодичный, с хрипотцой голос Чириги. Похоже, она не была особенно обрадована моим визитом. — Мистер босс!

— Послушай, Чири, — сказал я, — дай-ка мне…

— Лили, — позвала она одну из девушек, новенькую, — обслужи хозяина. Джин и бингара и немного лимонного сока. — Она посмотрела на меня с ненавистью. — Тенде — для меня, Одран. Личный запас. Он не относится к клубу, и я заберу его с собой.

Чири обостряла ситуацию. Я мог лишь представить себе, что она чувствовала.

— Подожди, Чири. Я не имею никакого отношения к…

— Вот ключи. Этот — от кассы. Деньги в ней — все твои. Девочки с сегодняшнего дня твои, и все их склоки тоже твои. Со своими проблемами теперь обращайся к Папочке. — Она выхватила свою бутылку тенде из-под стойки. — *Ква хери,* сукин сын, — прорычала она мне и вихрем вылетела на улицу.

И тогда наступила мертвая тишина. Все песни закончились, и никто не поставил пластинку. Новенькая плясунья по имени Кэнди смотрела на меня со сцены круглыми глазами, словно ожидая криков и распоряжений. Люди рядом со мной снялись с мест и тихонько удалились. В их лицах я прочитал лишь враждебность и презрение.

Фридлендер Бей хотел поссорить меня со всеми знакомыми в Будайене. Для начала он сделал меня полицейским, но даже тогда у меня оставалось еще несколько верных друзей. Второй грандиозной идеей стала покупка клуба Чири. Скоро я стану таким же одиноким и всеми покинутым, как и сам Папочка, только у меня не будет таких утешений, как его богатство и власть.

— Погодите, — сказал я, — тут просто ошибка. Я улажу с Чири это дело. Индихар, проконтролируй ситуацию, ладно? Я сейчас вернусь.

Индихар удостоила меня презрительным взглядом, ничего не ответив. Я не мог оставаться в клубе ни минуты. Схватив ключи, которые Чири бросила на стойку, я вышел. На улице ее не было. Видимо, она отправилась домой или в другой клуб.

Я пошел в «Феи Бланш», кафе старика Гарготье на Девятой улице. Саид, Махмуд, Жак и я частенько туда захаживали. По

вечерам мы любили сидеть во внутреннем дворике и играть в карты. Это было хорошее место для отдыха.

Тут уже собралась вся компания. Жак выделялся среди нас — он был христианином. К тому же на три четверти европейцем, и ни перед кем не скрывал этого факта. Жак был строго гетеросексуален и гордился этим. Никто не испытывал к нему особой приязни. Махмуд — транссексуал, в недалеком прошлом его можно было отыскать в уличных клубах в образе узкобедрой танцовщицы с глазами газели. Теперь он стал приземистым, толстым и слабосильным, точно злой джинн, охраняющий заколдованную принцессу. Я слышал, что сейчас он работал на Папочку, занимаясь организованной проституцией в Будайене. Саид Халф-Хадж бросил на меня взгляд из-за стакана «Джонни Уокера», своего любимого напитка. У него был модди Крутого Парня, и Саид уставился на меня, подыскивая предлог переломать мне кости.

— Как жизнь? — спросил я.

— Ты подонок, Одран, — ласково сказал Жак. — Просто дерьмо.

— Спасибо. Я только на минутку, — ответил я и занял свободное место.

Мсье Гарготье подошел осведомиться, собираюсь ли я сегодня транжирить свои денежки. Выражение его лица было нарочито безучастным, но я знал, что теперь он тоже ненавидит меня всей душой.

— Здесь не пробегала Чири пару минут назад? — спросил я.

Мсье Гарготье откашлялся. Я так и не удостоил его взором, и он удалился.

— Хочешь встряхнуть ее напоследок? — спросил Махмуд. — Думаешь, Чири прихватила что-нибудь твое? Оставь ее в покое, Одран.

С меня было достаточно. Я встал, напротив из-за стола поднялся Саид. Он быстро шагнул ко мне, сгреб одной рукой за ворот и занес кулак. Я двинул прямой в переносицу, упредив удар. Показалась кровь. Саид удивился, но рот его тут же скривился от ярости. Я ухватился за краешек модификатора, торчавшего из имплантата Саида и вытащил его. Глаза Саида затуманились, и мгновение он был совершенно растерян.

— Оставь меня в покое, идиот, — сказал я и толкнул его обратно на место, — и вы все тоже. — Я кинул модди Халф-Хаджу.

На улицу я вышел, кипя от негодования. Я не знал, что мне делать. В клубе Чири — теперь моем клубе — было полным-полно народу, и я не мог рассчитывать, что Индихар вполне могла

навести порядок. Я решил вернуться туда, и спокойно все обдумать. Я еще не успел уйти далеко, когда Саид догнал меня и положил руку на плечо.

— Ты становишься все непопулярнее, Магриби, — сказал он.

— Не моя вина.

Он покачал головой:

— Ты не противишься этому. Значит, ответственность на тебе.

— Спасибо, — сказал я, не останавливаясь. Он взял меня за руку и вложил в ладонь свой чертов модди.

— Возьми, — сказал он. — Думаю, он тебе пригодится.

Я нахмурился:

— Мои проблемы требуют ясной головы, Саид. Вопросы морали. Здесь не только Чири с ее клубом, но и другие дела.

Халф-Хадж хмыкнул.

— Никогда не понимал тебя, Марид, — сказал он. — Говоришь точно старая развалина. Ты прямо как Жак. Если умеешь выбирать модификаторы, дгет смысла беспокоиться о морали. Видит Бог, я никогда не тревожусь.

Я рад был это услышать.

— Пока, Саид, — сказал я.

— До скорого. — Он повернулся и поспешил обратно в «Феи Бланш».

Я пошел в клуб Чири, выгнал всех и закрыл его. Затем поехал домой к Фридлендер Бею. Усталый, поднялся я по лестнице в свою комнату, радуясь, что длинный, полный неожиданностей день закончен. Когда я был готов нырнуть в постель, в дверях неожиданно появился Кмузу.

— Не стоит водить меня за нос, яа Сиди.

— Ты обиделся, Кмузу?

— Я здесь для вашей защиты, и мне жаль, что вы отказались от нее. Может наступить время, когда вы будете рады позвать меня на помощь.

— Вполне вероятно, — согласился я. — А сейчас как насчет того, чтобы оставить меня в покое?

Он пожал плечами:

— Кое-кто хочет вас видеть, яа Сиди. Я смотрел на него, недоуменно моргая: — Кто?

— Женщина.

У меня сейчас не было сил разбираться с Умм Саад. К тому же это могла быть и Чири.

— Можно мне пригласить ее? — спросил Кмузу.

— Конечно, черт возьми! — Я еще не успел раздеться, хотя очень устал. Я пообещал себе, что это будет очень краткий

разговор.

— Марид?

Я оглянулся. В дверях, одетая в рваный коричневый плащ, с помятой пластиковой сумочкой в руках, стояла Эйнджел Монро. Мамочка.

— Я подумала, что могу провести несколько дней с тобой в городе, — сказала она с пьяной ухмылкой. — Эй, ты что, не рад меня видеть?

Глава 4

Когда мой чудесный будильник разбудил меня в понедельник утром, я некоторое время лежал в постели, размышляя. Я упрекал себя за то, что вчера вечером совершил несколько ошибок сразу. Как можно исправить ситуацию с Чири, я не знал; но предстояло предпринять что-то в этом направлении. Я был в огромном долгу перед Чири. К тому же, увидев мать в дверях, я не обрадовался ей. Проблему с ней я решил за пятьдесят киамов, выставив ее в ночь. На поиски дешевого отеля. Для охраны и сопровождения я послал с ней Кмузу. За завтраком Фридлендер Бей высказал свои замечания по поводу моей деятельности.

Он был в ярости. Его голос звучал грубо и хрипло, и я знал, что он делает колоссальные усилия, чтобы не закричать на меня. Он положил руки мне на плечи, и я чувствовал, как он дрожит от волнения. Его дыхание отдавало мятой, когда он цитировал Священный Коран:

— «Если один из твоих родителей или оба достигнут престарелого возраста, не стыдись и не отталкивай их, но скажи им слова утешения. Протяни им руку уважения и жалости и скажи: «Господи! Смилуйся над ними так же, как они надо мной, когда я был ребенком».

Я был потрясен. Испытать гнев Фридлендер Бея равносильно репетиции Судного Дня. Сам бы он счел такое сравнение святотатством.

— Ты имеешь в виду Эйнджел Монро? — произнес я, заикаясь.

Зря я это сказал, но уж больно потрясла меня Папочкина тирада.

— Я говорю о твоей матери, — сказал он. — Она пришла к тебе в нужде, а ты закрыл перед ней дверь.

— Я позаботился о ней самым лучшим образом, каким только мог. — И подумал: в какой форме Папочка получил информацию об этом инциденте?

— Не изгоняй свою мать к чужим людям! Теперь ты должен просить прощения у Аллаха.

От его слов я почувствовал облегчение. Это был тот случай, когда он говорил «Аллах», подразумевая «Фридлендер Бей». Я согрешил против его личных моральных убеждений, но если найду нужные слова и буду правильно действовать, то исправлю ошибку.

— О шейх! — медленно, выбирая слова, проговорил я. — Зная, как ты относишься к пребыванию женщин в своем доме, я

не мог пригласить ее провести ночь под твоей крышей, однако было уже позднее время, чтобы испросить твоего разрешения. На одной чаше весов была моя мать, а на другой — обычай, заведенный в твоем доме. Я сделал свой выбор. — В общем, это почти соответствовало истине.

Он бросил на меня пристальный взгляд, и я увидел, что гнев его поутих.

— Твой поступок стал для меня худшей обидой, чем пребывание твоей матери у меня в доме, — сказал он.

— Я понимаю, о шейх, и прошу простить меня. Я не хотел оскорбить тебя или же пренебречь учением Пророка.

— Да будет с ним благословение Аллаха, — машинально пробормотал Папочка. Он скорбно склонил голову, но с каждой секундой его мрачное лицо прояснялось. — Ты еще очень молод, сынок. И это не последняя твоя ошибка. Если ты хочешь стать праведным человеком и милосердным вождем, то должен учиться на моем примере. Когда тебя посетит сомнение, не бойся спросить моего совета, когда бы и где бы то ни было.

— Слушаюсь, о шейх, — тихо ответил я. Буря прошла.

— Ты должен разыскать свою мать, вернуть ее и разместить в подходящих апартаментах. У нас много свободных комнат, а этот дом настолько же твой, как и мой.

По его тону я понял, что разговор окончен, и был чертовски рад этому.

Наша беседа чем-то напоминала хождение по канату, натянутому между минаретами мечети Шималь.

— Ты — сама доброта, о шейх, — сказал я.

— Ступай с миром, племянник.

И я отправился в свою квартиру, позабыв о завтраке. Кмузу, как обычно, последовал за мной.

— Кмузу, — спросил я таким тоном, словно эта мысль только сейчас пришла мне в голову, — ты случайно не говорил Фридлендер Бею о том, что произошло прошлым вечером?

— Яа Сиди, — сказал он, не изменившись в лице, — воля хозяина дома такова, что я должен рассказывать ему обо всех событиях.

Я задумчиво пожевал губу. Говорить с Кмузу все равно что говорить с мифическим оракулом: нужно формулировать вопросы с абсолютной точностью, иначе можешь получить в ответ полную несуразицу. Я начал просто:

— Кмузу, ты мой раб, не так ли?

— Да, — ответил он.

— Ты подчиняешься мне?

— Подчиняюсь вам и хозяину дома, яа Сиди.

— Но не всегда именно в этом порядке, правда?

— Не всегда, — согласился Кмузу.

— Ну вот, я хочу дать тебе простой и ясный приказ. Ты можешь не обсуждать его с Папочкой, потому что он сам предложил мне это. Я хочу, чтобы ты нашел в доме пустую квартиру, желательно подальше от моей, и уютно разместил в ней мою мать. Я хочу, чтобы ты помогал ей в течение всего дня. Когда я вернусь домой с работы, я буду говорить с ней о планах на будущее, поэтому она не должна быть пьяной или под наркотиками.

Кмузу кивнул.

— Она не сможет найти в доме ничего такого, яа Сиди.

Я без труда мог пронести контрабандой свои препараты и был уверен, что у Эйнджел Монро тоже имелись свои заначки.

— Помоги ей распаковать вещи, — сказал я, — и воспользуйся случаем удостовериться, что она оставила все свои дурманящие вещества за дверью.

Кмузу посмотрел на меня глубокомысленно.

— Вы заставляете ее придерживаться более строгих правил, чем установили для себя, — тихо сказал он.

— Да, наверно, — отвечал я несколько раздраженно. — Но это не твое дело.

— Простите меня, яа Сиди.

— Ладно. Сегодня я поеду на работу один. Кмузу и это не понравилось.

— Если вы возьмете автомобиль, — сказал он, — то как я смогу забрать вашу мать из отеля?

Я хитро улыбнулся:

— Портшез, повозка, запряженная быками, верблюжий караван — на твой выбор. Ты слуга, тебе и думать. До вечера!

На моем столе лежал еще один толстый конверт с купюрами. Видимо, кто-то из маленьких помощников Фридлендер Бея заходил ко мне в квартиру, пока я находился внизу. Я взял конверт, дипломат и вышел, пока Кмузу не пристал ко мне с новыми возражениями.

В моем дипломате по-прежнему лежала дискета с делом Абу Адиля. Я собирался почитать дело вчера вечером, но так и не выкроил времени. Хайяру и Шакнахаю, вероятно, дадут нагоняй, но мне было до лампочки. Что могут они сделать — застрелить меня, что ли?

Сначала я поехал в Будайен, оставил автомобиль на бульваре и зашел на Четвертой улице в магазин модификаторов. Небольшой магазин Лайлы представлял собой нечто среднее между мрачным игорным притоном и шумным баром для

подростков-транссексуалов. Модди и дэдди в закромах Лайлы были покрыты слоем пыли и песка, там же нашли свою могилу многие поколения насекомых. Магазинчик непригляден, но товар в нем был добротным. В других можно было нарваться на бракованный, бесполезный и даже опасный товар. Я всегда чувствовал легкий выброс адреналина в кровь, когда подключал старинные и помятые Лайлины модди к своему мозгу.

Лайла была всегда (то есть постоянно!) «под напряжением», отчего поведение ее казалось весьма непривычным. Она здоровалась и прощалась с подвыванием, она взвывала от боли и от удовольствия, с завыванием обращалась к Аллаху. У Лайлы была высохшая черная кожа, вся, точно изюм, в морщинах, и растрепанные белые волосы. Долго я с ней не выдерживал. Тем утром она подключила модди, но я не мог угадать, какой именно. Иногда она казалась знаменитостью из европейско-американского фильма, иногда звездой голографии, иногда персонажем давно забытого романа или же самой Хани Пилар.

Но кем бы ни была Лайда, она всегда ныла. Больше от нее нечего было ожидать,

— Как дела, Лайла? — спросил я.

Тем утром в ее магазине стоял едкий запах аммиака. Она разбрызгивала по углам какую-то противную розовую жидкость из пластиковой бутыли. Не знаю зачем.

Лайла глянула на меня и улыбнулась загадочной чарующей улыбкой. Так смотрят, получив полное сексуальное удовлетворение либо порядочную дозу соннеина.

— Марид, — блаженно провыла она. Она подвывала, но это было безмятежное поскуливание.

— Я сегодня на работе и думал, что у тебя…

— Марид, сегодня утром ко мне пришла девочка и сказала: «Мама, нарциссы открыли глаза, и щеки роз зарделись! Почему ты не выйдешь и не посмотришь, как чудесно природа украсила все вокруг?»

— Лайла, не могла бы ты уделить мне минутку…

— А я ответила: «Дочка, то, что радует тебя, увянет в час, и что останется тебе? Лучше зайди ко мне, и мы вместе отправимся на поиски более совершенной красоты Аллаха, сотворившего эту весну». Лайла закончила свою маленькую проповедь и с упованием посмотрела на меня, выжидая, что я зааплодирую ей или упаду от просветления.

Я давно позабыл религиозный экстаз» Секс, наркотики и религиозный экстаз. В магазине Лайлы было много товара, и она лично определяла его качество. На каждом модди стояло ее персональное клеймо качества.

— Можно с тобой поговорить, Лайла?

Она посмотрела на меня, покачиваясь. Медленно подняла тощую руку и отключила модди. Пару минут моргала, и ее томная улыбка исчезла.

— Хочешь купить что-нибудь, Марид? — спросила она своим пронзительным голосом.

Лайла очень долго жила на свете; ходил слух, что она ребенком видела, как имамы закладывали основание стен Будайена. Но в модди она разбиралась больше, чем кто-либо, и особенно в своих, старых и давно снятых с производства. Думаю, у Лайлы был один из первых экспериментальных имплантатов, потому что с тех пор ее мозг ни разу не функционировал правильно. Беспорядочно пользуясь им, она, вероятно, лет сто назад сожгла всё свое серое вещество. Лайла выдержала пытку, которая превратила бы в бестолкового дурака любого другого. Вероятно, у нее была крепкая мозговая оболочка, которая защищала ее мозг от влияния извне. Любого влияния.

Я начал опять:

— Сегодня я на работе и хотел бы попросить у тебя основной модификатор полицейского.

— Пожалуйста. У меня есть все.

Она проковыляла к полке в глубине магазинчика и пошарила там. На полке была надпись: «Пруссия. Польша. Брюландия». Надпись не соответствовала содержимому полки; Лайла купила этот шкафчик вместе с потертыми ярлыками где-то в другом магазине, давно прекратившем свое существование.

Через несколько секунд она выпрямилась, протягивая мне два модди в помятой обертке.

— Вот то, что тебе нужно, — сказала Лайла. Один был бледно-голубой Полный Караульный

Набор модификаторов, его часто носили новички-полицейские. Это был неплохой поведенческий основательный комплекс, включавший в себя всевозможные ситуации. Я прикинул, что с модди Придирчивой Мамаши, который всучил мне Халф-Хадж, и с Полным Караульным я буду в полной безопасности.

— А что за штука второй модди? — спросил я.

— Подарок. Для тебя — за полцены. Черная Молния. Эта версия называется Мудрый Советник. Такой же был у меня, когда ты приходил.

Я заинтересовался. Черной Молнией назывался модди японского происхождения, популярный лет пятьдесят — шестьдесят назад. Вы садитесь в мягкое удобное кресло, и Черная Молния мгновенно погружает вас в транс ясновидения, после

чего вводит в светлый, восстанавливающий силы сон. В зависимости от эмоционального состояния Черная Молния дает совет, предостережение или мистическую загадку для вашего ума.

Высокая стоимость данного устройства делала его развлечением богачей. Дальневосточные беллетристические версии еще больше сузили круг его применения. Черная Молния обычно представляла вас или высокомерным японским императором в поисках мудрости, или старым дзэн-буддийским монахом, смиренно молящимся среди снегов. Однако позднее идеи Черной Молнии получили широкое распространение на рынке персональных модификаторов. А это, по-видимому, была арабская версия, названная Мудрым Советником.

Я купил оба модди, считая не вправе отвергать помощь друга или фантазию. Для человека, ранее не допускавшего даже мысли о вскрытии своего черепа, я собрал неплохую коллекцию человеческих душ.

Лайла снова включила Мудрого Советника и улыбнулась мне просветленно. Улыбка, разумеется, была беззубой, и меня передернуло.

— Иди с миром, — прохныкала она.

— Да хранит тебя Аллах. — Я поспешил из магазина на улицу, прошел через ворота к месту стоянки автомобиля. Оттуда было рукой подать до полицейского участка. Оказавшись в боксе третьего этажа за своим столом, я открыл дипломат, переложил оба приобретения — Полный Караульный Набор и Мудрого Советника — в коробку с другими модди. Затем я взял зеленую кобальтовую дискету, вставил ее в дисковод и задумался. Видимо, я не был еще готов к чтению дела Абу Адиля. Вынув из коробки Мудрого Советника, я развернул его и включил.

После легкого непродолжительного головокружения Одран увидел себя сидящим на возвышении со стаканом лимонного шербета в руках. Напротив — на другом возвышении — сидел красивый мужчина средних лет. С ужасом он понял, что этот человек — Посланник Бога. Одран спешно отключил модди.

Я сидел за столом с Мудрым Советником в руке и трепетал. Подобный опыт глубоко взволновал меня. Видение было абсолютно реальным, не похожим на сон или галлюцинацию. Словно я не вообразил все это, а действительно находился в одной комнате с Пророком Мухаммедом, да будет с ним мир и благословение Аллаха.

Внесу ясность: я не религиозный фанатик. Я изучал вопросы веры и испытываю огромное уважение к ее предписаниям и традициям, но у меня нет возможности придерживаться их самому. Вероятно, душа моя будет проклята на веки вечные, и в

аду у меня будет достаточно времени, чтобы раскаяться в своей нерадивости. Но, несмотря на это, даже я ужаснулся самоуверенности автора этого модди, рискнувшего изобразить Пророка в таком виде. Даже иллюстрации в религиозных книгах считаются идолопоклонством. Что скажет исламский суд о видении, только что пережитом мной?

Другой причиной моего потрясения в тот краткий момент перед отключением модди стало ясное ощущение того, что Пророк хочет мне сообщить нечто важное.

Я начал заталкивать модди обратно в дипломат, но тут меня осенило: автор на самом деле не описывал Пророка. Видения Мудрого Советника и Черной Молнии не были запрограммированными виньетками какого-то циничного борзописца. Модди был психоактивным. Он оценивал мое собственное интеллектуальное и эмоциональное состояние и давал мне возможность самостоятельно творить иллюзию.

Я решил, что в таком случае мое видение не является глумлением над религией. Оно было лишь средством проявления моих собственных, глубоко скрытых чувств. Я понял, что сделал великое открытие. И почувствовал себя намного лучше. Я снова включил модди.

После небольшого головокружения Одран увидел себя на возвышении со стаканом лимонного шербета. Напротив него — на другом возвышении — сидел красивый мужчина средних лет. С ужасом он понял, что этот человек — Посланник Бога.

— Ассалам алейкум, — сказал Пророк.

— Ваалейкум ассалам, яа Хазрат, — ответил Одран. Он подумал, до чего же жутко, должно быть, чувствовать себя так свободно в присутствии Посланника Бога.

— Знаешь ли ты, — сказал Пророк, — что есть источник радости, который заставит тебя забыть о смерти и приведет тебя к согласию с волей Аллаха?

— Поясни мне, что ты имеешь в виду? — попросил Одран.

Пророк Мухаммед улыбнулся:

— Ты слышал, что в моей жизни было много бед и опасностей.

— Люди не раз замышляли убить тебя за твое учение, о Посланник Аллаха. Ты выдержал много битв.

— Да. Но знаешь ли ты о самой большой опасности, которой я подвергался?

Одран замолкал в недоумении.

— Ты потерял своего отца, еще не родившись.

— Так же, как ты своего, — сказал Пророк.

— Ты потерял свою мать в детстве.

— Так же и ты остался без матери.

— Ты начал жизнь, не имея ничего.

Пророк кивнул.

— В тех же условиях начал жизнь и ты. Нет, все это были не самые большие невзгоды, равно как и попытки моих врагов уморить меня голодом, побить камнями, сжечь меня в собственном жилище или отравить мою пищу.

— Яа Хазрат, — благоговейно спросил Одран, — так что же было самой большой опасностью?

— В начале моей проповеднической деятельности жители Мекки не слушали меня. Я обратился к Сардару из Тайофы с просьбой разрешить мне проповедовать там. Сардар уступил моей просьбе, но я не знал, что вместе с тем он дал тайный приказ своим наемным убийцам уничтожить меня. Я был тяжело ранен и упал без сознания. Друг вынес меня из Тайофы и положил под тенистое дерево. Потом он вернулся в деревню за водой, но никто в Тайофе не дал ему ни капли.

— Над тобой нависла смертельная угроза? Пророк Мухаммед поднял руку.

— Но разве человек не всегда находится под угрозой смерти? Когда я пришел в себя, я обратил лицо к Небесам и взмолился: «Боже милостивый! Ты поручил мне нести твое слово людям, но они не слушают меня. Или мое несовершенство отвращает их от твоего благословения? О, дай же мне мужество начать все сначала!»

И я заметил на небе над Тайофой архангела Гавриила. Он ждал моего приказа, чтобы смести деревню с лица земли. В ужасе я закричал: «Нет, не надо! Аллах выбрал меня из многих, чтобы я был благословением для человечества. Я не хочу наказывать их, пусть живут. Если они не примут мое послание, может быть, их дети или дети их детей примут его». Именно то ужасное мгновение власти, когда я мановением руки мог уничтожить всю Тайофу и ее жителей, было самой большой опасностью в моей жизни. Одран был смущен.

— Воистину велик Аллах, — сказал он, поднял руку и отключил модди.

Бип! Мудрый Советник исследовал импульсы моего мозга, вызвал картину, связанную с моим нынешним смятенным состоянием, и предложил свое решение проблем. Но что именно Мудрый Советник пытался сообщить мне? Я был слишком глуп и понимал все слишком буквально, чтобы уразуметь истинный смысл этой картины. Видимо, я рассчитывал, что он посоветует мне пойти к Фридлендер Бею и сказать ему:

— Я могу уничтожить тебя, но из милости не сделаю этого.

И что тогда — Папочку охватит чувство раскаяния и он освободит меня от всех обязательств?

Но потом я сообразил, что не все так просто. Во-первых, у меня нет власти, чтобы уничтожить его. Фридлендер Бей был защищен от низших существ вроде меня *баракой* — влиянием, сродни магическому, которым обладают некоторые, из великих людей. Чтобы поднять на него руку, требовалась личность куда более сильная, даже для того, чтобы подкрасться, когда он спит, и влить яд в его ухо.

О'кей, все это значило, что я не понял урока, но я и не думал беспокоиться на этот счет. В следующий раз, когда встречу на улице имама или святого, я попрошу растолковать мне увиденное. Сейчас меня ждали более важные дела. Я положил модди обратно в свой дипломат.

Затем я загрузил в компьютер дело Абу Адиля и минут десять просматривал его. Оно было невероятно скучным, как я и предполагал. Абу Адиля привезли в город в детстве более чем полвека назад. Его родители много лет скитались после катастрофы Субботней войны. Мальчиком Абу Адиль помогал отцу, продававшему лимонад и шербет в квартале Дубильщиков. Он играл на узких, извилистых улицах Медины, старой части города. Когда отец умер, Абу Адиль, чтобы прокормить себя и свою мать, стал профессиональным нищим. Каким-то образом, с помощью ли силы воли или своих способностей, он смог проститься с бедностью и унижением и стал уважаемым и влиятельным человеком в Медине. Дело Абу Адиля не содержало подробностей этого замечательного превращения, но, если Абу Адиль был серьезным конкурентом Фридлендер Бея, я без колебаний поверил в это. До сих пор его дом располагался в западной части города, недалеко от ворот Заходящего Солнца. Согласно сообщениям у него был такой же большой особняк, как у Папочки, окруженный ужасающими трущобами. К тому же у Абу Адиля оставалась армия друзей и сторонников в лачугах Медины, так же, как у Фридлендер Бея — в Будайене.

Вот что в общих чертах я узнал, когда офицер Шакнахай просунул голову в мой бокс.

— Время закругляться, — сказал он.

Я спросил себя, почему лейтенант Хайяр так беспокоится о Реда Абу Адиле. Я не нашел в его деле ничего, что бы указывало на него как на второго Фридлендер Бея: просто богатый влиятельный человек, чьи дела бывали и грязны в меру, и, случалось, чрезмерно. Если он сродни Папочке — а тому были очевидные доказательства, — в его намерения не входило тревожить невинных обывателей. Фридлендер Бей не был

хозяином уголовного мира, как, видимо, и Абу Адиль. Такого человека, как он, можно задеть лишь вторжением на его территорию или угрозами его близким.

Я последовал вниз, в гараж, за Шакнахаем.

— Это моя, — сказал он, указывая на патрульную машину, въезжавшую в гараж после смены. Он приветствовал двух усталых полицейских, выбравшихся из машины, и сел за руль.

— Ну? — сказал он, глядя на меня.

Я не торопился приступать к делу. Во-первых, мы с Шакнахаем в продолжение всей смены будем заключены в узкое пространство полицейской машины, и эта перспектива меня не воодушевляла. Во-вторых, лучше сидеть в участке и читать скучные дела, чем идти вместе с закаленным в боях ветераном на мрачные улицы. Но все-таки я сел на переднее сиденье. Иногда сопротивление бывает бесполезно.

— Что у тебя? — спросил он, глядя перед собой на дорогу. Его правая щека оттопыривалась из-за основательного куска жевательной резинки.

— Ты имеешь в виду это? — Я показал Полный Караульный модди, включить который еще не успел.

Он поглядел на меня и пробормотал что-то себе под нос.

— Я спрашиваю, чем ты будешь защищать меня от бандитов? — спросил он и снова недовольно покосился в мою сторону.

Под курткой у меня был револьвер. Я вынул его из кобуры и показал ему.

— Мне дал его лейтенант Оккинг в прошлом году, — пояснил я.

Шакнахай пожевал жвачку.

— Лейтенант всегда хорошо ко мне относился, — сказал он и вновь уставился на меня.

— Да… — протянул я, не зная, что сказать. Я был виноват в гибели Оккинга, и Шакнахай наверняка слышал об этом инциденте. Чтобы успешно сотрудничать с ним, мне предстояло преодолеть какую-то невидимую преграду между нами. В машине воцарилось неловкое молчание.

— Послушай, твоя игрушка только и годится, что путать птиц и мышей. Взгляни-ка на пол.

Я пошарил под сиденьем и вытащил небольшой арсенал. Там были гранатомет большого калибра, статический пистолет и игломет, чьи стрелы запросто могли отделить мясо от костей взрослого носорога.

— Что ты предлагаешь?

— Тебе нравится вид крови, заливающей все вокруг?

— В прошлом году насмотрелся, с меня хватит, — сказал я.

— Тогда забудь об игломете, хотя оружие это неплохое. Оно стреляет по выбору: тремя успокаивающими иглами, тремя нервно-паралитического действия и тремя разрывными. Гранатомет, верно, будет тяжеловат для тебя. Он втрое мощнее твоей свистульки. Остановит любого на расстоянии четверти мили, поражает цель на расстоянии ста ярдов. Тебе, скорее всего, подойдет статический пистолет.

— И какова эффективность попадания? Шакнахай пожал плечами:

— Если целить в голову, достаточно двух-трех выстрелов, чтобы сделать человека калекой на всю жизнь. Но в голову попасть трудно. Стреляй в грудь, это вызовет сердечный приступ. При попадании в другие части тела преступник теряет контроль над мышцами и через четверть часа окажется беспомощен. То, что тебе нужно.

Я кивнул и затолкал статический пистолет в карман куртки.

— Ты не считаешь, что я…

Но тут затрезвонил мой телефон, я снял его с пояса. Наверное, домогается одна из моих нерешенных проблем, подумал я и ответил:

— Слушаю.

— Марид? Это Индихар.

Казалось, что хороших новостей больше не существует. Я закрыл глаза.

— Ну, как твои дела? Что ты поделываешь?

— Ты знаешь, который час? Ты, хозяин клуба, Магреби. Ты несешь ответственность перед девочками, работающими днем. Не хочешь ли приехать на открытие?

Я совершенно позабыл про этот чертов клуб. Я действительно не желал о нем думать, но Индихар была права, когда говорила об ответственности.

— Я приеду сегодня, как только смогу. Все на работе?

— Здесь я, Пуалани, Жанель уходит, где Кэнди — неизвестно, а Ясмин не знает, чем бы заняться.

Еще и Ясмин. Боже!

— Сейчас приеду.

— *Иншаллах,* Марид.

— Пока. — Я снова прицепил телефон на пояс.

— Куда ты должен идти? У нас нет времени на личные дела.

Я попытался объяснить:

— Фридлендер Бей решил преподнести мне подарок и приобрел для меня клуб в Будайене. Ума не приложу, что с ним делать. Ладно, забудь об этом. Теперь надо ехать и открывать

дело.

Шакнахай засмеялся.

— Опасайся двухсотлетних старцев у власти, дары приносящих, — сказал он. — Где же этот клуб?

— На Улице, — ответил я. — Клуб Чириги. Понял, о чем я говорю?

Он повернулся и некоторое время смотрел на меня в молчании.

— Да, я знаю этот клуб. — Шакнахай круто развернул автомобиль по направлению к Будайену.

Может, вам кажется, что газануть через восточные ворота в полицейском автомобиле и промчаться по главной улице, где запрещено движение транспорта — радостное и захватывающее событие. Мое же состояние было совсем противоположным. Я скрючился на сиденье в надежде, что никто из знакомых не узнает меня. Всю жизнь я ненавидел копов, а теперь оказался одним из них. Мои бывшие друзья уже смотрели на меня так, как я раньше смотрел на Хайяра и других полицейских в Будайене. Я был благодарен Шакнахаю за то, что он благоразумно не включил сирену.

Шакнахай остановил машину прямо у клуба Чириги, и на тротуаре я увидел Индихар рядом с Пуалани и Ясмин. Печальное зрелище предстало моим глазам: Ясмин остригла свои чудесные черные кудри, которые я так любил. Наверное, с тех пор как мы расстались, у нее появилась потребность что-то изменить. Я глубоко вздохнул, открыл дверцу машины и вылез.

— Как дела? — спросил я: Индихар сверкнула на меня глазами.

— Мы уже потеряли чаевые за час работы, — сказала она.

— Ты хочешь управлять клубом или нет, Марид? — спросила Пуалани. — Я ведь хоть сейчас могу перейти к Ио-Мама.

— Френчи готов забрать меня сию секунду, — бросила Ясмин. Ее лицо было холодным и надменным. Езда в полицейском автомобиле подрывала мой авторитет в ее глазах.

— Не волнуйся, Ясмин. Просто сегодня утром у меня было много хлопот. Индихар, не могла бы ты поработать пока вместо меня? Ты понимаешь в делах клуба гораздо больше моего.

Секунду или две она разглядывала меня.

— Если только у меня будет нормированный рабочий день, — наконец откликнулась Индихар. — Я не хочу приходить рано утром, а уходить поздно вечером. Чири все время заставляла нас так работать.

— Хорошо, договорились. Если будут еще идеи, дай мне знать.

— И плати мне столько, сколько получают другие управляющие. Кроме того, я буду танцевать, только когда захочу.

Я нахмурился, но выхода у меня не было.

— Ладно. А кто будет замещать тебя ночью? Индихар пожала плечами.

— Я не доверяю этим неряхам. Поговори с Чири. Верни ее.

— Нанять Чири на работу в ее собственном клубе?

— Это больше не ее клуб, — заметила Ясмин.

— Да, верно, — сказал я. — Как ты думаешь, она согласится?

Индихар засмеялась:

— Она сдерет с тебя втрое большее жалованье, чем получает любой другой управляющий на Улице. Она тебе задаст жару, а если будешь смотреть сквозь пальцы, нагреет и с кассой. Но все равно она стоит этого. Никто не умеет делать деньги так, как Чири. Без нее ты через полгода сдашь свою собственность в аренду какому-нибудь лавочнику.

— Ты очень обидел ее, Марид, — сказала Пуалани.

— Знаю, но я же не виноват. Все это дело организовал Фридлендер Бей, не предупредив меня. Этот клуб свалился мне на голову,

— Чири не знает об этом, — сказала Ясмин.

Я услышал, как за спиной хлопнула дверца машины. Обернулся и увидел, что ко мне идет Шакнахай, на лице — широкая ухмылка. Мне нужна была его поддержка, а его все это забавляло.

Индихар и другие девочки презирали меня за мою связь с полицией, а полицейские — за то, что для них я по-прежнему был мелким воришкой. Арабы говорят: «Если снимешь одежду, замерзнешь». Это совет не отрываться от своей группы поддержки. Однако она не придет на помощь, если заявится толпа друзей и разденет тебя догола без твоего на то согласия.

Шакнахай не сказал мне ни слова. Он подошел к Индихар и, наклонившись, прошептал ей что-то на ухо. Многие девушки на улице питают слабость к полицейским. Я лично не понимаю этого. А некоторые копы пользуются ситуацией. Но меня удивило, что именно Индихар оказалась одной из таких девушек, а Шакнахай — таким копом.

Мне и в голову не пришло занести увиденное в список недавних странных совпадений: мой новый напарник имеет какие-то общие дела с новой управляющей клубом, подаренным мне Фридлендер Беем.

— Все уладилось, Одран? — спросил Шакнахай.

— Да, — ответил я. — Сегодня я должен переговорить с Чиригой.

— Индихар права, — сказала Ясмин. — Чири тебе покажет.

Я кивнул:

— Думаю, она имеет на это право, но я все равно хочу увидеть ее.

— Пойдем, — сказал Шакнахай.

— Если появится время, забегу вас проведать, — пообещал я.

— С нами-то все в порядке, — сказала Пуалани. — Мы свою работу знаем. Смотри сам в оба с этой Чири.

— Береги кое-что, — сказала Индихар, — если угадаешь, что я имею в виду.

Я помахал ими направился к патрульной машине. Шакнахай чмокнул Индихар в щеку и бросился вслед за мной. Он сел за руль.

— Ну как, поработаем? — спросил он. Мы все еще стояли на обочине.

— Давно ты знаком с Индихар? Я никогда не видел тебя в клубе Чири.

Шакнахай посмотрел на меня младенчески-невинным взглядом.

— Я знаю ее давно, — ответил он.

— Понятно, — сказал я и прекратил дальнейшие расспросы. Казалось, он не хотел разговаривать на эту тему.

Вдруг пронзительно взвыла тревога, и механический голос патрульного компьютера проскрипел:

«Номер 374 немедленно выезжайте. Угроза взрыва и захват заложников, кафе «Феи Бланш», Девятая Северная улица».

— Это у Гарготье, — сказал Шакнахай. — Поехали туда.

Компьютер замолчал.

А Хайяр заверил меня, что не стоит беспокоиться насчет подобных ситуаций…

— Бисмиллах ар-рахман ар-рахим, — пробормотал я. — Во имя Аллаха, великодушного и милостивого.

На этот раз, когда мы проезжали по Улице, Шакнахай включил сирену.

Глава 5

У низкой ограды дворика кафе «Феи Бланш» собралась толпа. За столиком, выкрашенным белой краской, сидел старик, отхлебывая какую-то жидкость из пластмассового стаканчика. Казалось, он понятия не имел о том, что происходит внутри кафе.

— Убери его оттуда, — прохрипел мне Шакнахай. — И остальных тоже. Не знаю, что там творится на самом деле, но придется действовать так, как если бы у парня была настоящая бомба. Как только все уйдут, залезай в машину.

— Но…

— Я не хочу беспокоиться еще и за твою шкуру. — Он побежал за угол кафе с северной стороны, к черному ходу.

Я колебался. Я знал, что скоро подоспеют спецподразделения, и решил предоставить проблемы с собирающейся толпой на их усмотрение. Сейчас меня ждали более важные дела. Я разорвал зубами обертку Полного Караульного и включил модди.

Одран сидел за столиком тускло освещенного кафе в Сан-Саберио, во Флоренции, и слушал Шуберта в исполнении квартета камерной музыки. Напротив него за столиком красовалась блондинка по имени Констанция. Она подняла чашку к губам, и ее небесно-голубые глаза остановились на нем — от нее исходил тонкий пленительный аромат, наводящий Одрана на мысли о романтических вечерах и нежных обещаниях.

— Это лучший кофе в Тоскане, — прошептала она. Голос у нее был нежный и мелодичный. Она ободряюще улыбнулась ему.

— Мы здесь не для того, чтобы пить кофе, дорогая, — сказал он, — сюда мы приехали взглянуть на новинки сезона.

Она махнула рукой.

— У нас еще уйма времени. А сейчас надо отдохнуть.

Одран ласково улыбнулся ей и взял хрупкую чашечку. Кофе был цвета превосходного полированного красного дерева. Тонкие струйки дыма, клубящиеся над чашкой, источали упоительный, небесный аромат. Первый глоток восхитил Одрана. Когда горячий, необычного вкуса кофе обжег ему горло, он понял, что Констанция была совершенно права. Никогда раньше он не получал такого удовольствия от чашки кофе.

— Я запомню этот кофе на всю жизнь, — заявил он.

— Дорогой, давай приедем сюда и в следующем году, — предложила Констанция.

Одран снисходительно засмеялся:

— Ради новинок Сан-Саберио? Констанция подняла свою чашечку и улыбнулась.

— Нет, ради кофе, — сказала она.

После рекламного ролика наступила темнота, во время которой Одран не мог ничего различить. На мгновение он задумался о том, кто такая Констанция, но вскоре позабыл о ней. Когда он уже начал паниковать, все опять прояснилось. Одран ощутил легкое головокружение, а потом почувствовал себя словно бы пробудившимся от сна. Он был холоден и рассудителен — предстояла работа. Включился Полный Караульный.

Он не мог ни увидеть, ни услышать того, что происходило в кафе, но предполагал, что Шакнахай тихо пробирается через подсобное помещение. Одран должен был оказать напарнику всевозможную поддержку. Он ловко перепрыгнул через железные перила во дворик.

Старик за столиком посмотрел на него.

— Вы, конечно же, хотите почитать мою рукопись, — произнес он.

Одран узнал в старике Эрнста Вейнтрауба, эмигранта из какой-то центрально-европейской страны. Вейнтрауб воображал себя писателем, но Одран никогда не видел его за работой, разве что над стаканчиком анисовой водки или бурбона.

— Сэр, — сказал он старику, — вы здесь в опасности. Попрошу вас выйти на улицу. Ради вашей же безопасности я прошу вас уйти отсюда.

— Но еще не полночь, — .возразил Вейнтрауб. — Дайте мне допить стаканчик.

У Одрана не было времени потакать старому алкоголику. Он решительно направился внутрь кафе.

На первый взгляд все смотрелось вовсе не так уж угрожающе. Мсье Гарготье стоял за стойкой под огромным разбитым зеркалом. Его дочка Мэдди сидела за столиком в дальнем углу, возле стены, увешанной выцветшими фотографиями марсианских колоний (личная коллекция Гарготье). Здесь же стоял молодой человек, державший в руках небольшой ящичек. Он оглянулся на Одрана.

— Убирайся к чертовой матери, — закричал он, — а не то все здесь взлетит на воздух!

— Я уверен, он сделает это, мсье, — сказал Гарготье. Голос его дрожал.

— Клянусь всеми чертями, я сделаю это! — воскликнул юноша.

Офицер полиции должен оценить ситуацию и вовремя принять верное решение… Полный Караульный рекомендовал Одрану в общении с душевнобольным сначала выяснить причину его волнения, а затем постараться успокоить. Полный Караульный

советовал Одрану не высмеивать душевнобольного, не выказывать недовольства и не дать привести угрозу, в исполнение. Одран поднял руки и спокойно заговорил:

— Я пришел с миром.

Юноша засмеялся. У него были грязные длинные волосы и редкая, клочковатая бородка; одет он был в полинялые джинсы и клетчатую рубашку с оторванными рукавами. Чем-то он напоминал самого Одрана — естественно, до встречи с Фридлендер Беем.

— Может, присядем поговорим? — спросил Одран.

— Что ж — поговорим, пока мне не надоест, — откликнулся юноша. — Садись, раз такой храбрый. Только руки держи на столе.

— Ладно. — Одран выдвинул стул и опустился на него. Он сидел спиной к бару, но боковым зрением видел Мэдди Гарготье. Она тихо всхлипывала.

— Ты все равно не переубедишь меня, — заявил юноша.

Одран пожал плечами:

— Я только хочу выяснить, из-за чего шум. Как тебя зовут?

— Черт! А тебе это зачем?

— Меня зовут Марид. Я родился в Мавритании.

— Ты можешь называть меня Аль-Мунтаким.

Мальчик с бомбой присвоил одно из девяноста девяти прекрасных имен Бога, Оно значило — Мститель.

— Ты всегда жил в городе? — спросил его Одран.

— Да нет же. В Миере.

— Это местное название Каира? — спросил Одран.

Аль-Мунтаким в ярости вскочил. Он ткнул пальцем в сторону Гарготье за стойкой и заорал:

— Видишь? Видишь это? Сейчас всем вам конец! — Он схватил коробку и сорвал с нее крышку.

Одран почувствовал сильную боль во всем теле, словно все его суставы растягивали и выкручивали в разные стороны. Каждый мускул в его теле ныл, а кожа горела, будто по ней прошлись наждаком. Агония длилась несколько секунд, после чего Одран потерял сознание.

— Ты в порядке?

Нет, я чувствовал себя совсем не в порядке. Кожа моя горела так, точно я дня два без передышки жарился на южном солнце. Все мои мышцы дрожали. Руки, ноги, все тело и даже лицо сводило судорогами. Моя голова трещала, а во рту был кислый привкус пороха. Я не мог разглядеть контуры предметов, казалось, кто-то накинул на них толстое вязаное покрывало.

Я делал невероятные усилия, чтобы понять, кто говорит со мной, и едва разбирал слова — мешал оглушительный звон в

ушах. Со мной говорил Шакнахай. Что означало мое присутствие на этом свете? За миг перед своим открытием я полагал, что уже давно в гостях у Аллаха, и оказаться в живых при данных обстоятельствах не было таким уж удовольствием.

— Что… — проскрипел я: во рту было так сухо, что я едва мог говорить.

— Держи. — Шакнахай протянул мне стакан холодной воды. Я понял, что лежу навзничь на полу, а Шакнахай и мсье Гарготье стоят надо мной, нахмурясь и сочувственно кивая.

Я взял стакан и выпил, благодаря людское милосердие, после чего попытался заговорить снова.

— Что произошло? — спросил я.

— Ты взлетел на воздух, — ответил Шакнахай. — Точно, — согласился я.

Широкая улыбка взрезала суровый лик Шакнахая. Он нагнулся и протянул мне руку:

— Вставай!

Я последовал его совету, нетвердо держась на ногах и покачиваясь, устремился к ближайшему стулу.

— Джин и бингара, — попросил я Гарготье. — И немного лимонного сока.

Бармен скривился, но мигом занялся приготовлением напитка. Я нашел свою коробочку с соннеином и вынул восемь или девять таблеток.

— Я слышал о твоем пристрастии к наркотикам, — сказал Шакнахай.

— Да, что есть — то есть, — ответил я.

Гарготье принес напиток, и я проглотил таблетки. На отдых времени у меня не было. А теперь через пару минут я снова приду в форму.

— Все вокруг были смертниками в те минуты, пока ты уговаривал парня, — сказал Шакнахай. Я чувствовал себя не настолько хорошо, чтобы выслушивать его лекцию. Однако он не отставал: — Чего, черт возьми, ты добивался? Права стать его адвокатом? Мы так не работаем, когда жизнь людей под угрозой.

— А как же вы работаете? — спросил я.

Он широко развел руками, словно удивляясь моей непроходимой тупости,

— Пробираемся туда, где он не может нас заметить, и замораживаем паршивца.

— А меня вы заморозили до или после того, как проделали это с Аль-Мунтакимом?

— Ах вот как он назвал себя? Извини, старина, но с этими статическими пистолетами частенько случается световая

диффузия. Я не хотел зацепить тебя; слава Аллаху, от них не бывает стойких повреждений. Когда он вскочил со своей коробкой, я не мог ждать, пока ты отойдешь в сторону. Пришлось стрелять.

— Ну да ладно, — сказал я. — Что было — то было. А где сейчас Мститель?

— Пока ты спал, подъехала машина-рефрижератор, и его увезли в тюремный госпиталь.

Это слегка вывело меня из себя:

— Террориста-сумасброда везут в госпиталь на чистые простыни, а я валяюсь на грязном полу в этом треклятом кабаке?

Шакнахай только пожал плечами:

— Ему пришлось гораздо хуже, парень. Тебя только зацепило, а он получил сполна.

Стало быть, Аль-Мунтаким сейчас чувствовал себя препаршиво. Так ему и надо.

— Вопросы морали с психом обсуждать бесполезно, — сказал Шакнахай. — Для успокоения сосунка нужно использовать любую возможность. — Он пошевелил указательным пальцем, будто нажимая спусковой крючок.

— А Полный Караульный говорит совсем другое, — заметил я. — Кстати, это ты отключил модди? Где он?

— Да, я, — сказал Шакнахай. — Вот он. — Он вынул модди из кармана рубашки и бросил его на пол рядом со мной. Потом наступил на него тяжелым черным ботинком и раздавил каблуком.

— Купишь другой — я сделаю то же самое с твоей физиономией, а то, что останется, выброшу в помойную яму.

Вот так-то, Марид Одран — идеальный офицер охраны правопорядка.

Я поднялся на ноги, чувствуя себя несравненно лучше, и направился следом за Шакнахаем из полумрака бара. Мсье Гарготье и его дочка Мэдди вышли вместе с нами. Бармен налетел на нас с благодарностями, но Шакнахай только отмахнулся:

— Не стоит благодарности, мы только выполняли свой долг.

— Заходите в любое время, вас я обслужу бесплатно, — .заверил нас Гарготье.

— Может, и заглянем как-нибудь. — Шакнахай обернулся ко мне: — Поехали.

Мы вышли из ворот кафе. Старый Вейнтрауб все еще сидел под зонтиком с рекламой «Чинзано», забыв, по-видимому, про все на свете.

На пути к автомобилю я сказал:

— Как здорово, что у меня снова появились друзья.

Шакнахай посмотрел на меня:

— Принять предложение бесплатной выпивки — одно из грубейших нарушений дисциплины.

— Вот уж не знал, что в Будайене существуют законы, — сказал я.

Шакнахай улыбнулся. Казалось, между нами начало устанавливаться взаимопонимание.

Не успел я забраться в машину, как муэдзин из ближайшей мечети огласил намаз. Шакнахай поднялся на заднем сиденье и вытащил свернутый коврик. Он расстелил его на асфальте и молился в течение нескольких минут, Я почувствовал себя неловко. Когда Шакнахай закончил, он свернул коврик и положил его на место, одарив меня при этом странным взором, словно упрекая в чем-то. Мы сели в автомобиль, но некоторое время никто из нас не произнес ни слова.

Шакнахай развернулся по улице в обратном направлении и выехал из Будайена. Странно, но я больше не боялся быть замеченным своими старыми друзьями. Ну и черт с ними, подумал я, если вспомнить, как они со мной обращались. Это во-первых. А во-вторых, я чувствовал себя несколько иначе, пострадав при выполнении служебного долга. Приключение в «Феи Бланш» вызвало сдвиг в моем сознании. Теперь я оценил риск, которому изо дня в день подвергается полицейский.

Шакнахай снова удивил меня.

— Ты не прочь остановиться перекусить где-нибудь? — спросил он.

— Отличная идея.

Слабость и головокружение все еще не оставляли меня, и поэтому я с радостью согласился.

— Рядом с полицейским участком есть одно распробованное местечко, куда мы ходим.

Он включил сирену и быстро пробился через автомобильную пробку.

— Полиции можно, — сказал он мне, ухмыльнувшись. — А больше никто не рискует.

Когда мы зашли в «местечко» Шакнахая, я был приятно удивлен. Закусочная принадлежала молодому мавританцу по имени Мелул, и меню представляло блюда национальной кухни. Шакнахай вполне искупил все доставленные мне неприятности. Я взглянул на него, оценивая заново: теперь он казался совсем не плохим парнем.

— Давай займем этот столик, — сказал он, указывая на угол подальше от двери, откуда он мог наблюдать за посетителями и

за тем, что происходит на улице.

— Спасибо, Шакнахай, — сказал я. Не часто приходится отведать домашнего.

— Мелул! — крикнул он. — Я привел тебе братишку.

Хозяин подошел к нам со сверкающим металлическим кувшином и тазиком. Шакнахай тщательно вымыл руки и вытер их белоснежным полотенцем. Затем я повторил этот ритуал, не ударив лицом в грязь. Мелул поглядел на меня и улыбнулся. Он был мне почти ровесником, только что ростом повыше и кожей потемнее.

— Я бербер, — сказал он. — А вы? Из Орана?

— Во мне есть берберская кровь, — сказал я. — Я родился в Сиди-бель-Аббис, но вырос в Алжире.

Мелул подошел ко мне, и я встал. Мы обменялись поцелуями.

— Я всю жизнь жил в Оране, — сказал он. — А теперь переселился в этот чудесный город. Устраивайтесь поудобнее, я принесу вам с Иржи отведать чрезвычайно вкусное блюдо.

— А вы очень похожи, — заметил Шакнахай. Я кивнул.

— Офицер Шакнахай, — сказал я, — мне хотелось бы…

— Называй меня просто Иржи, — Откликнулся мой напарник. — Ты вставил этот треклятый модди и пошел за мной в кафе. Глупо, конечно, но главное — ты не сдрейфил, а значит — прошел испытание.

Это подбодрило меня:

— Слушай, Иржи, я хотел спросить тебя. Ты считаешь себя религиозным человеком?

Он нахмурился:

— Я придерживаюсь традиций, но никогда бы не пошел на улицы убивать неверных из числа туристов, не исповедующих ислам.

— Тогда, может, объяснишь мне, что означает мой сон?

Он засмеялся:

— Какой сон? Ты с Брижитт Сталхелм в Туннеле Любви?

Я помотал головой:

— Нет, совсем не то. Мне снилось, что я встретил Пророка. Но никак не могу понять, что он мне сказал. — И я поведал ему остальную часть видения, созданного Мудрым Советником.

Щакнахай приподнял брови и в раздумье покрутил кончики усов.

— Сдается мне, — наконец сказал он, — что этот сон — об основных добродетелях. Ты должен помнить о смирении, уподобляясь Пророку Мухаммеду, да пребудет с ним мир и благодать. Сейчас не время для осуществления великих замыслов. Может быть, позже, если будет на то воля Аллаха. Ну, теперь для

тебя что-то прояснилось?

Я даже вздрогнул, тут же осознав, что он прав. Это было закамуфлированное предостережение: не решать сгоряча конфликты с матерью, Умм Саад и Абу Адилем. Торопиться не следовало. В конце концов они сойдутся вместе.

— Спасибо тебе, Иржи, — поблагодарил я. Он удивился:

— Да не за что.

— Вот превосходное блюдо, — весело сказал Мелул, устанавливая поднос на столик между мной и Шакнахаем. Возвышающийся на нем кускус благоухал корицей и шафраном, и только тут я понял, до чего же проголодался. В углублении в самом центре кружка кускуса Мелул разложил мелко нарезанные куски цыпленка с луком, поджаренные в масле и сдобренные медом. Еще он принес тарелку с лепешками и две чашки черного кофе.

— Вот это да, Мелул! — похвалил Шакнахай.

— На здоровье! — Мелул вытер руки чистым полотенцем, поклонился и оставил нас в покое.

— Во имя Аллаха любящего и милосердного, — пробормотал Шакнахай.

Я выказал необычайное проворство, схватив кусок цыпленка и немного кускуса. Блюдо оказалось еще вкуснее, чем я предполагал.

Когда мы поели, Шакнахай попросил счет. Мелул подошел к столу, так же улыбаясь.

— Платы не надо. Мои земляки угощаются бесплатно. Полицейские тоже.

— Это великодушно с твоей стороны, Мелуд, — сказал я, — но нам не разрешается…

Шакнахай допил свой кофе и поставил чашку.

— Не волнуйся, Марид, — сказал он. — Здесь можно. Мелул, пусть твой стол всегда изобилует яствами.

Мелул положил руку Шакнахаю на плечо.

— Да продлит Аллах твои годы, — сказал он. Ему не особенно нужно было наше покровительство, однако он все равно остался доволен.

Мы с Шакнахаем вышли из закусочной, сытые и довольные. Даже не хотелось портить остаток дня полицейской работой.

В нескольких метрах от закусочной на обочине мы увидели старуху-нищенку. Она была одета в черное, на голове повязан такой же платок. Ее темное от солнца лицо было изрезано морщинами, глаза ввалились, а один и вовсе был цвета скисшего молока; около правого уха разрослась черная уродливая опухоль. Я подошел к ней.

— Мир тебе, о женщина, — приветствовал я ее.

— Мир и тебе, о шейх, — отвечала, она. Ее голос прошуршал как песок.

Я вспомнил, что у меня в кармане все еще лежит конверт с деньгами. Я вытащил его, открыл и отсчитал сотню киамов. Они не пробьют брешь в моем бюджете.

— О уважаемая, — сказал я, — примите от меня этот дар.

Она взяла деньги, пораженная количеством купюр. Ее рот приоткрылся, потом закрылся. Наконец она произнесла:

— Клянусь жизнью моих детей, о шейх, ты более щедр, чем Хаатим! Пусть Аллах откроет тебе пути к нему. — Хаатим был олицетворением гостеприимства среди племен номадов.

От этих слов я немного смутился. — Мы благодарим Аллаха каждый час, — неловко пробормотал я и отошел.

Шакнахай заговорил со мной, когда мы снова оказались в машине.

— Ты часто так поступаешь? — спросил он. — Как?

— Даришь сотню киамов первому встречному? Я пожал плечами:

— Разве раздача милостыни не является одним из пяти столпов веры?

— Да, но ты не обращаешь внимания на остальные четыре. Это странно, ведь большинство людей с трудом расстается с деньгами.

Я и сам удивлялся, почему я сделал это. Может, потому, что чувствовал угрызения совести перед матерью.

— Мне стало жаль старуху, — признался я.

— Все в этом квартале жалеют ее и все о ней заботятся. Это Сафия, Леди с Ягненком. Она сумасшедшая. Постоянно таскает с собой ручного ягненка. Поит его из фонтана близ мечети Шималь.

— Что-то я не заметил никакого ягненка. Он засмеялся:

— Ее последний ягненок попал под колеса повозки две недели назад. А сейчас у нее воображаемый ягненок. Он всегда рядом с ней, но только Сафия может его видеть.

— Да-а… — вырвалось у меня. Я дал ей достаточно, чтобы купить пару ягнят. Внес скромную лепту в облегчение людских страданий.

Нам предстояло объехать Будайен. Хотя улица вела нас в нужном направлении, заканчивалась она тупиком у самых ворот кладбища. Там у меня покоилось множество друзей и знакомых. Знал я и многих живых, по крайней бедности отыскавших там себе пристанище.

Шакнахай свернул в южные кварталы, и мы поехали через

совершенно незнакомую мне часть города. Сначала дома были небольшие и не слишком ветхие; но через пару миль они стали значительно беднее. Аккуратные выбеленные мазанки с плоскими крышами сменились массивами довольно безобразных жилищ, в свою очередь вскоре вытесненных жуткими лачужками из обрезков фанеры и ржавых листов железа. Расположились они на выжженной пустынной земле.

Мы ехали дальше, и я видел праздных мужчин, прислонившихся к стене или сидящих на корточках вокруг бутылки, скорее всего, с ладби — вином, изготовленным из древесины финиковой пальмы. Из окон друг на друга кричали женщины. Воздух стал тяжелым от копоти и запаха человеческих экскрементов. Ребятишки в длинных разорванных рубашках играли в мусоре сточных канав. Много лет назад в Алжире и я был таким же голодным мальчуганом, потому-то и взволновал меня так вид этих детей.

Шакнахай, видимо, заметил, как подействовало на меня это зрелище.

— В городе есть кварталы еще хуже, чем Хамидийя, — сказал он. — А полицейский обязан входить в любое жилище и разговаривать с разными людьми.

— Похоже, — медленно произнес я, — здесь территория Абу Адиля. И похоже, его мало заботит судьба подданных. Почему же они его поддерживают?

Шакнахай ответил вопросом на вопрос:

— А ты с какой стати хранишь верность Фридлендер Бею?

Одна из причин моей преданности Фридлендер Бею заключалась в том, что после операции на головном мозге мне подключили электроды к центру наказания, и поэтому он в любую минуту мог причинить мне страдание. Но вместо этого я сказал другое:

— Жизнь моя теперь изменилась в лучшую сторону. Кроме того, я просто боюсь его.

— Вот и эти бедные *феллахи* тоже боятся. Они живут на территории Абу Адиля, и он бросает им подачки, позволяющие не умереть с голоду. Не понимаю, зачем таким людям, как Фридлендер Бей и Абу Адиль, необходимо подобное могущество.

Я наблюдал проносившиеся мимо трущобы. — Как ты думаешь, откуда Папочка гребет столько денег?

Шакнахай пожал плечами:

— На него работают сотни жуликов и карманников, и все отваливают ему порядочный кусок добычи в обмен на спокойную жизнь.

Я недоверчиво покачал головой:

— Это только наружная сторона жизни Будайена. Может показаться, что Фридлендер Бей всю свою деловую жизнь посвятил грабежу и коррупции. Я прожил в его доме долгое время, и мне лучше знать. Грязные деньги для Папочки — мелочь. Они составляют около пяти процентов его годового дохода. У него налажено более крупное дело, и Реда Абу Адиль также участвует в этом бизнесе. Они продают порядок.

— Чем же они торгуют?

— Порядком. Стабильностью. Властью.

— Как это?

— А вот так. Половина стран в мире распалась и снова объединилась: теперь невозможно узнать, что кому принадлежит, кто где живет и кто кому должен платить налоги.

— Как раз такая заваруха творится сейчас в Анатолии, — заметил Шакнахай.

— Точно, — отозвался я. — Предки людей, живущих в Анатолии, называли ее Турцией. Перед этим она была Оттоманской империей, еще раньше — опять же Анатолией. Сейчас Анатолия вторгается в Галацию, Лидию, Каппадокию, Никею и Азиатскую Византию. В одной из них — демократия, в другой — эмират, в третьей — народная республика, в четвертой — фашистская диктатура, а в пятой — конституционная монархия. Кто-то ведь должен присматривать за всем этим и наводить порядок.

— Наверно. Ну и работенка!

— Да, не позавидуешь; но тот, кто ею занимается, становится истинным правителем страны. У него в руках реальная власть: ведь все маленькие государства нуждаются в его поддержке, чтобы не исчезнуть.

— Грязное дело. Значит, Фридлендер Бей занимается рэкетом?

— Это просто услуги, — возразил я. — Но чрезвычайно важные услуги. И он может использовать ситуацию по-разному.

— Ты прав, — с восхищением сказал он.

Мы завернули за угол и тут же приметили длинную высокую стену из темно-бурого кирпича. Это было владение Реда Абу Адиля. На вид строение представлялось столь же огромным, как и Папочкино. Мы остановились у ворот с охраной, и великолепие главного корпуса засверкало еще ярче на фоне окружающих его жутких трущоб.

Шакнахай предъявил свои документы охране.

— Мы пришли повидаться с шейхом Реда, — сказал он.

Охранник снял трубку телефона и перебросился с кем-то парой фраз, после чего разрешил нам проехать,

— Лет сто назад или более того, — задумчиво произнес Шакнахай, — боссы криминального мира имели широко разветвленные схемы нелегальных доходов. Иногда им случалось владеть и небольшим вполне законным предприятием для «отмывания» денег.

— Ну и что? — спросил я.

— Получается, что Реда Абу Адиль и Фридлендер Бей — два самых могущественных человека в мире; они — «консультанты» иностранных государств. Это полностью узаконенное занятие. Их криминальные связи не столь значительны. На эти деньги они содержат лишь зависящих от них людей и своих союзников. Все встало с ног на голову.

— Уже прогресс, — сказал я. Шакнахай молча кивнул.

Мы вылезли из патрульной машины в теплый солнечный полдень. Земля перед домом Абу Адиля была заботливо ухожена. В воздухе плыл аромат роз, смешанный с пряным запахом лимонов. По обеим сторонам древнего каменного фонтана стояли клетки с певчими птицами; музыкальные трели наполняли воздух томной ленью. Мы пошли по выложенной керамической плиткой дорожке к двери, украшенной резным геометрическим рисунком. Слуга уже открыл ее и ждал, когда мы к нему обратимся.

— Я офицер Шакнахай, а это Марид Одран. Нам надо увидеться с шейхом Реда.

Слуга молча кивнул. Когда мы проследовали за ним в дом, он закрыл за нашими спинами тяжелую деревянную дверь. Солнечный свет лился из зарешеченных окон в высоком потолке. Я слышал отдаленные звуки пианино, и ощущал запахи жареного ягненка и свежего кофе. Грязь и нищета, царившие совсем неподалеку — на расстоянии брошенного камня отсюда, — теперь полностью позабылись. Этот дом был маленьким замкнутым миром, и, я думаю, именно таким он был задуман Абу Адилем.

Нас отвели прямо к Абу Адилю. Так быстро я не мог увидеть даже Фридлендер Бея.

Реда Абу Адиль оказался толстым грузным стариком. У него было Папочкино свойство — отсутствие возраста. Я знал, что ему было по меньшей мере сто двадцать пять лет. Меня не удивило бы даже известие о том, что он ровесник Фридлендер Бея. Абу Адиль носил свободное белое облачение и не пользовался никакими украшениями. Серебрились сединой аккуратно подстриженные борода и усы, а из густой белой шевелюры торчал серого цвета модди с двумя включенными дэдди. Я был профессионалом в этой области и обратил внимание, что у Абу Адиля не было выступающего гнезда, как у меня; его программное обеспечение подключалось к розетке в форме щитка.

Абу Адиль лежал на больничной кровати с приподнятым изголовьем и во время разговора мог наблюдать за нами. Он был укрыт роскошным одеялом ручной вышивки. Высохшие старческие руки он вытянул поверх одеяла. Веки были полузакрыты, словно он дремал или еще не вышел из наркотического транса. Пока мы стояли в ожидании, Абу Адиль морщился и часто стонал. Мы ждали, пока он заговорит.

Реда молчал. Вместо него заговорил человек помоложе, стоявший около его ложа.

— Шейх Реда приветствует вас в своем доме. Мое имя Умар Абдул-Кави. Вы можете обращаться ко мне как к представителю шейха Реда.

Умару с виду было лет пятьдесят. Проницательные недоверчивые глаза светились на лице, с которого, казалось, никогда не сползала кислая гримаса. Он был дороден и носил дорогое, шитое золотом облачение и голубой кафтан с металлическим отливом. В отличие от хозяина, его голова была не прикрыта. В редеющих волосах тоже виднелся модди. Мне Умар не понравился с первого взгляда.

Я понял, что встретил равнозначную мне фигуру. Умар Абдул-Кави выполнял для Абу Ад идя ту же работу, что и я для Фридлендер Бея, хотя — я был уверен в этом — он занимался ею дольше и лучше знал рычаги власти в империи своего хозяина.

— Если сейчас, мы не вовремя, — сказал я, — мы можем зайти попозже.

— Да, это не самое удачное время, — сказал Умар. — Шейх Реда страдает от рака в последней стадии. Но, сами понимаете, в другой раз его состояние может и не улучшиться.

— Мы молимся за его здоровье, — сказал я. Едва заметная улыбка скривила губы Абу

Адиля.

— Аллах изаллимак, — ответил Умар. — Да благословит вас Аллах. Что же привело вас сюда?

Это было сказано, непростительно прямолинейно. В мусульманском мире не принято спрашивать посетителя о деле. Обычай обязывает, чтобы сначала хотя бы минимально были соблюдены правила гостеприимства. Я ожидал, что нам предложат кофе или угощение. Я взглянул на Шакнахая.

Казалось, он ничуть не смутился.

— Какие общие дела могут быть у шейха Реда с Фридлендер Беем?

Вопрос этот не на шутку встревожил Умара.

— Нет никаких общих дел, — торопливо сказал он, разводя руками.

Абу Адиль издал долгий болезненный стон и зажмурился. Умар даже не обернулся к нему.

— Значит, шейх Реда никоим образом не общается с ним? — спросил Шакнахай.

— Никоим. Фридлендер Бей большой и влиятельный человек, но его интересы лежат в совсем иной части города. Оба шейха никогда не обсуждали деловых вопросов. Их интересы никак не пересекались.

— Значит, Фридлендер Бей — не помеха планам шейха Реда?

— Посмотрите на моего хозяина, — сказал Умар. — Как вы думаете, какие у него планы?

В самом деле, Абу Адиль выглядел совершенно беспомощным на своем одре. И зачем лейтенант Хайяр дал нам такое дурацкое поручение? — пронеслось у меня в голове.

— Поступила информация, которую мы обязаны проверить, — вкрадчиво произнес Шакнахай. — Так что прошу прощения за вторжение.

— Вы действовали правильно. Все в порядке. Камаль проводит вас.

Лицо Умара оставалось непроницаемым. Абу Адиль сделал попытку поднять руку, чтобы проститься или благословить нас, но она мягко упала на одеяло.

Мы последовали за слугой к двери. Когда мы снова оказались на улице, Шакнахай засмеялся.

Ну и представление! — сказал он. Какое представление?

— Если бы ты прочитал дело до конца, то зная бы, что у Абу Адиля нет рака. И никогда не было.

— Значит…

На лице Шакнахая появилась презрительная усмешка.

— Ты когда-нибудь слышал о Прокси Хелл? Это компания психов, они носят контрабандные подпольные модди, записанные в чужих спальнях. Это записи импульсов мозга обреченных людей.

Я был обескуражен.

— Так вот что сделал Абу Адиль! Включил модификатор человека в последней стадии рака?

Шакнахай кивнул, открывая дверцу автомобиля и забираясь внутрь.

— Он включил чужие боль и страдания. Ты можешь приобрести любую болезнь или недомогание на черном рынке. Таких мазохистов там пруд пруди.

Я сел рядом с ним.

— А я-то думал, что девушки и дебютантки на Улице просто неправильно употребляли модди. Это придает новый смысл слову

извращение.

Шакнахай завел машину и, обогнув фонтан, выехал в ворота.

— Сейчас вводят новые технологии, и, несмотря на то, что они приносят пользу многим людям, всегда найдется сукин сын, использующий их не по назначению.

Я думал об этом и о собственных проблемах, пока мы ехали в участок по жуткому району, населенному верноподданными Реда Абу Адиля.

Глава 6

На следующей неделе я провел в патрульной машине столько же времени, сколько прежде за компьютером на третьем этаже полицейского участка, После своего первого опыта дежурства в полицейском патруле я чувствовал себя гораздо лучше, хотя стало ясно, что мне предстояло еще многому научиться у Шакнахая. Мы разбирали домашние свары и расследовали ограбления, но таких Драматических происшествий, как нелепый террористический акт Аль-Мунтакима, не было.

Подождав несколько дней, Шакнахай решил повторить визит к Реда Абу Адилю. Он догадывался, что не кто иной, как Фридлендер Бей велел лейтенанту Хайяру поручить это дело нам, хотя Папочка по-прежнему притворялся, будто вовсе не заинтересован в расследовании. Наше начинание было бы куда успешнее, если бы мы знали конкретно, что нам надо раскрыть.

Кроме того, я думал и о других проблемах. Однажды утром, когда я оделся и Кмузу принес мне завтрак, я сел и задумался о том, что же мне предстоит сделать сегодня.

— Кмузу, — сказал я, — попробуй разбудить мою мать и узнай, не хочет ли она поговорить со мной. Я хочу кое о чем ее спросить перед отъездом в участок.

— Конечно, яа Сиди. — Он посмотрел на меня с опаской, словно я привел еще одну беспутную женщину. — Вы хотите видеть ее немедленно?

— Как только она приведет себя в порядок, если, конечно, сможет это сделать. — Я поймал неодобрительный взгляд Кмузу и умолк.

До возвращения Кмузу я успел сделать еще несколько глотков кофе.

— Умм Марид будет рада увидеться с вами, — сказал он.

Я был удивлен:

— Она же никогда не встает до полудня.

— Когда я постучал к ней, она уже была на ногах и одета.

Может, она решила начать новую жизнь, но я так и не дослушал Кмузу. Я схватил куртку, дипломат.

— Забегу к ней на минуту, — бросил я. Так лучше: узнаю сам.

Кмузу, не сказав ни слова, последовал за мной в другое крыло, где была предоставлена квартира Эйнджел Монро.

— У меня личное дело, — напомнил я Кмузу, когда мы подошли к ее двери. — Подожди в коридоре. — Я постучал в дверь и вошел.

Она полулежала на диване, одетая весьма странно:

бесформенное черное платье с длинными рукавами, какие носят самые консервативные мусульманки. Большой шарф скрывал ее волосы, но край паранджи, спадающей на лицо, приподнят и переброшен через плечо. Мама курила кальян. В нем был крепкий табак, но это не исключало возможности, что недавно там не побывал гашиш или не появится снова.

— Доброе утро, мама, — сказал я.

Похоже, мое вежливое приветствие застало ее врасплох.

— Светлое утро, о шейх, — ответила она, наморщив лоб.

Она смотрела на меня из дальнего утла комнаты, словно ждала объяснения причины моего визига.

— Тебе здесь удобно? — спросил я.

— Вполне. — Она затянулась, и кальян забулькал. — А ты преуспел. И как тебе привалила такая роскошь? Выполняешь личные поручения Папочки? — Она криво ухмыльнулась.

— Вовсе не то, что ты думаешь, мама. Я помощник Фридлендер Бея по административной части. Он принимает деловые решения, а я выполняю их. Вот так.

— И одним из его деловых решений было сделать тебя копом?

— Именно так.

Она пожала плечами:

— Что ж, пускай. Значит, ты решил поселить меня здесь? Забеспокоился о здоровье своей старой мамочки?

— Это была Папочкина идея. Она засмеялась:

— Ты никогда не был внимательным сыном, о шейх!

— Тебя тоже трудно назвать заботливой матерью. Вот я и подумал, почему это ты нагрянула сюда так внезапно.

Мать снова затянулась.

— В Алжире скучно. Я прожила там почти всю свою жизнь. После того как ты навестил меня, я поняла, что надо уезжать. Я снова захотела приехать сюда, в город.

— И повидаться со мной, мамочка? Она опять пожала плечами:

— Конечно.

— И с Абу Адилем? Ты у него впервые или уже навещала в его дворце?

У полицейских это называется «выстрел в темноте». Иногда попадаешь, иногда нет.

— Я больше не имею ничего общего с этим сукиным сыном! — почти прорычала она.

Шакнахай мог бы гордиться мной. Свои чувства и выражение лица я держал под контролем.

— Что сделал тебе Абу Адиль?

— Паршивый ублюдок. Не обращай внимания» тебя это не касается. — Несколько секунд она не отрываясь смотрела на свою трубку.

— Ладно, — сказал я. — Я уважаю твои чувства, мама. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Все просто великолепно. Иди и разыгрывай свою роль защитника невинных. Рассказывай сказки какой-нибудь бедной девушке из рабочей семьи и вспоминай почаще обо мне.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь резкое в ответ, но вовремя опомнился.

— Когда проголодаешься или испытаешь другую нужду, обратись к Юсефу или Кмузу. Пусть дни твои будут радостны!

— Да сопутствует тебе удача, о шейх! — Всякий раз, когда она меня так называла, в ее голосе звучала злая ирония.

Я кивнул и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Кмузу стоял в коридоре там, где я оставил его. Он был таким верным, что временами хотелось почесать его за ухом.

— Неплохо бы вам поздороваться с хозяином дома до ухода на работу! — сказал он.

— Не учи меня хорошим манерам, Кмузу. — Он опять начинал раздражать меня. — Ты хочешь сказать, что я забываю свои обязанности?

— Вовсе нет, яа Сиди. Вы меня неправильно поняли.

— Ладно. — Не мог же я в самом деле спорить с рабом.

Фридлендер Бей находился в своем рабочем кабинете. Он сидел за огромным столом и растирал виски. На нем было бледно-желтое шелковое облачение, поверх него — белая накрахмаленная рубашка с застегнутым воротником и без галстука. На рубашку был надет дорогой твидовый пиджак в елочку. Только старый и уважаемый шейх мог позволить себе подобный костюм. Я подумал, что шейх просто великолепен.

— Хабиб! Лабиб! — позвал он.

Хабиб и Лабиб — имена Говорящих Камней. Существует лишь один способ различить — назвать одним из этих имен. Вероятно, кто-нибудь из них моргнет в ответ, а если нет, то невелика разница. Тем более не уверен, что они вообще станут отзываться на имя.

Оба Говорящих Камня находились в кабинете, стоя по обе стороны стула с высокой прямой спинкой. Я был удивлен, увидев сидящего там юного сына Умм Саад. Руки Говорящих Камней лежали на плечах Саада, спина его сгибалась под огромной тяжестью. Его допрашивали. Я прошел такое же испытание. Смею вас уверить, ощущение не из приятных.

Папочка улыбнулся, когда я вошел. Он не поздоровался со

мной, поглядев на Саада.

— Где жили вы с матерью перед тем, как приехать в город? — спросил он у Саада.

— В разных местах, — был ответ. Голос Саада дрожал от страха.

Папочка снова потер лоб. Взгляд его был устремлен вниз, на стол, и лишь легкое движение пальцев подсказало Говорящим Камням, что делать дальше. Два великана еще крепче схватили мальчика за плечи. Лицо Саада побледнело, рот распахнулся.

— Перед тем как приехать в город, — ровным голосом повторил Фридлендер Бей, — где вы жили?

— Чаще всего в Париже, о шейх. — Голос Саада был жалобным и напряженным.

Услышав слово «Париж», Папочка вздрогнул.

— Твоей матери нравится жить среди французов?

— Наверное…

Фридлендер Бей искусно разыгрывал роль скучающего человека. Он взял серебряный ножичек для разрезания бумаги, меланхолично повертел его в руках.

— Хорошо вам жилось в Париже?

— Да, наверное.

Хабиб и Лабиб взялись под самые ключицы и таким образом выудили из Саада некоторые подробности.

— У нас была большая квартира по рю деПарадиз, о шейх. Моя мама любит хорошую кухню и званые вечера. Нам хорошо жилось в Париже. Я даже удивился, узнав, что мы едем сюда.

— А трудился ли ты, чтобы заработать денег на французскую еду и французскую одежду для своей матери?

— Нет, о шейх.

Папочка прищурился. — А как ты думаешь, откуда брались деньги на все эти удовольствия?

Саад колебался. Я услышал, как он застонал. Камни взялись за него еще круче.

— Она говорила, что деньги давал ее отец! — закричал он.

— Ее отец? — переспросил Фридлендер Бей, роняя ножичек и не спуская глаз с Саада.

— Она говорила, деньги давали ей вы, о шейх. Папочка сделал изумленное лицо и всплеснул руками. Камни отступили назад, оставив мальчика в покое. Саад согнулся, закрыв глаза. Лоб его блестел от пота.

— Разреши мне поведать тебе вот что, о проницательный отрок, — сказал Папочка, — знай: я не лгу. Я вовсе не отец твоей матери и даже не твой дедушка. Между нами нет кровного родства. Это — все. А теперь можешь идти.

Саад попытался встать, но снова упал на стул. В глазах его светились гнев и решимость, — он глядел на Фридлендер Бея, словно желая запомнить каждую черточку его лица. Палочка только что обвинил Умм Саад в обмане, и я был уверен, что мальчик продумывал какой-нибудь акт возмездия. Наконец ему удалось встать, и Он, ПОкачиваясь, направился к двери. Я преградил ему путь.

— Прими, — сказал я, вытряхнув из своей коробочки две таблетки соннеина. — Сразу почувствуешь себя лучше.

Он взял таблетки, посмотрел на меня с ненавистью и швырнул их на пол. Затем повернулся и вышел из кабинета. Я нагнулся и поднял соннеин. Перефразируя местную пословицу: белая таблетка про черный день.

После формальных приветствий Папочка пригласил меня устраиваться поудобнее. Пришлось сесть на тот самый стул, с которого встал Саад. Должен признаться, меня передернуло.

— Какое дело завело этого мальчика сюда, о шейх? — спросил я.

— Я пригласил его. Он и его мать — снова мои гости.

— Видимо, я чего-то не понял. Твоя доброта безгранична, о дядя, но зачем ты позволяешь Умм

Саад тревожить твой покой? Я знаю, она причиняет тебе немало хлопот.

Папочка откинулся на спинку стула и вздохнул. В этот момент он выглядел на свой возраст.

— Она пришла ко мне, смиренно просила прощения и принесла подарок. — Он указал на поднос с лакомством: финиками в сахаре, фаршированными мускатными орехами, — и грустно улыбнулся. — Не знаю, кто сказал ей, что я это люблю. Она была со мной почтительна и вновь просила пристанища. Я не смог ей отказать. — Он развел руками.

Фридлендер Бей соблюдал традиции гостеприимства и уважения, исчезнувшие в наши дни. Если он захотел пригреть змею на своей груди, я переубеждать его не собирался.

— Значит, твои указания относительно этой женщины изменились, о шейх? — спросила.

Ни один мускул не дрогнул На его лице. Он даже не моргнул.

— Нет, этого я не говорил. Пожалуйста, убей ее, как только представится возможность, но не надо спешить, сынок. Мне становится любопытно, чего хочет добиться Умм Саад.

— Я покончу с этим, — пообещал я. Фридлендер Бей нахмурился. — *Иншаллах,* — добавил я. — Ты думаешь, она на кого-то работает? На врага?

— Конечно. На Реда Абу Адиля, — сказал Папочка как бы

между делом, словно для беспокойства не было ни малейшего повода.

— Значит, это ты велел расследовать дело Абу Адиля?

Он поднял пухлую руку, останавливая меня.

— Нет, — убедительно произнес Фридлендер Бей. — Я к этому не имею никакого отношения. Узнаешь у лейтенанта Хайяра.

Так я и побежал его расспрашивать!

— О шейх, могу я задать тебе еще один вопрос? В твоих отношениях с Абу Адилем я не понимаю одного.

Он тут же опять принял скучающий вид. Это меня насторожило. Я с опаской оглянулся, ожидая увидеть позади себя Говорящих Камней.

— Твое состояние основано на продаже новейшей информации правительствам и главам государств?

— Если не вдаваться в подробности, то да, мой племянник.

— Абу Адиль тоже занимается этим бизнесом. И все-таки ты говорил мне, вы не конкурируете?

Много лет назад, еще до твоего рождения, даже до рождения твоей матери, мы с Абу Адилем пришли к соглашению. — Папочка открыл Священный Коран в простом матерчатом переплете и взглянул на страницу. — Мы избегали соперничества, оно могло кончиться насилием и нанесением ущерба себе и тем, кого мы любим. В тот давний день мы разделили мир от Марокко на западе до Индонезии на востоке — всюду, где прекрасный призыв муэдзина пробуждает правоверных ото сна.

— Точно так же Папа Александр провел демаркационную линию между Испанией и Португалией, — заметил я.

Папочке сравнение не понравилось.

— С этого момента Реда Абу Адиль и я не мешаем друг другу, хотя живем в одном городе. Между нами мир.

Да, Бей был прав. Однако по какой-то причине он не желал оказывать мне прямое содействие.

— О шейх, — сказал я, — мне пора идти. Молю Аллаха о твоем здоровье и процветании. — Я подошел к нему и поцеловал в щеку. — Без тебя я чувствую себя покинутым, — ответил он. — Иди с миром.

Я вышел из кабинета Фридлендер Бея. В коридоре Кмузу попытался взять мой чемоданчик-дипломат.

— Вам не пристало носить его самому, когда я вам прислуживаю, — сказал он.

— Ты хочешь порыться в нем в поисках наркотиков, — сказал я раздраженно. — Там ничего нет. Они у меня в кармане, и, чтобы

их получить, тебе придется побороться со мной.

— Это глупо, яа Сиди, — сказал он.

— Не думаю. Однако идти на работу я еще не готов.

— Вы уже опоздали.

— Черт побери, сам знаю! Мне надо сказать несколько слов Умм Саад, раз она опять живёт под этой, крышей. Она в той же квартире?

— Да. Сюда, яа Сиди.

Умм Саад, как и моя мать, жила в другом крыле дома. По пути, следуя за Кмузу по устланным коврами коридорам, я открыл дипломат и вынул модди Саида — жесткая, безжалостная личность. Когда я его вставил, эффект был потрясающий. Этот модуль был полной противоположностью дебильного модуля Халф-Хаджа, притуплявшего мое восприятие. Но этот модуль — недаром Саид называл его Королевским — концентрировал мое внимание. Я становился целеустремленным, и даже более того, я был готов идти к своей цели напролом, сметая с пути всякого, кто мне помешает.

Кмузу осторожно постучал в дверь Умм Саад. Я прислушался. Наступила долгая тишина — к двери никто не подходил.

— Отойди-ка, — сказал я Кмузу. Голос мой звучал грубо и хрипло. Я подошел к двери и громко заколотил в нее. — Вы впустите меня? — спросил я. — Или войти без разрешения?

Мои слова не остались без ответа. Мальчик распахнул дверь и растерянно уставился на незваного гостя.

— Моя мама не…

— Посторонись-ка, малыш, — сказал я, оттолкнув его в сторону.

Умм Саад сидела за столом и смотрела новости по небольшому голографическому телевизору. Она взглянула на меня.

— Здравствуйте, о шейх, — сказала она. Ее голос звучал невесело.

— Итак, — сказал я, присаживаясь на стул напротив. Я дотянулся до кнопки и выключил телевизор. — Вы давно знаете мою мать? — Еще один выстрел в темноте.

Умм Саад, казалось, была сбита с толку.

— Вашу мать?

— Иногда ее называют Эйнджел Монро. Она живет в другом конце коридора.

Умм Саад отрицательно покачала головой:

— Я видела ее раз или два и никогда с ней не разговаривала.

— Вы должны были знать ее прежде, еще до прибытия в этот дом. — Я только хотел убедиться в том, что она говорит правду.

— Вы что-то путаете, — сказала Умм Саад, глядя мне в глаза, и простодушно улыбнулась. Эта улыбка шла ей не больше, чем скорпиону.

Что ж, иногда выстрел в темноте не достигает цели.

— А как насчет Абу Адиля?

— А это кто? — Выражение ее лица было ангельски невинным.

Я начинал сердиться.

— Я хочу слышать правду. Или мне приняться за вашего парнишку?

Ее лицо стало серьезным. Сейчас Умм Саад играла в искренность.

— Простите, но я не знаю этих людей. Кто вам сказал, что я должна их знать? Фридлендер Бей?

Насчет Абу Адиля она, вероятно, лгала, но я понятия не имел, знакома ли она в самом деле с моей матерью. Если только можно доверять моей матери — это я выясню позже.

Тяжелая рука опустилась на мое плечо.

— Яа Сиди! — подал голос Кмузу, словно опасаясь, что я откручу Умм Саад голову.

— Хорошо. — Я чувствовал себя не на шутку разъяренным. Встав, я сверкнул на женщину глазами. — Если вы хотите остаться в этом доме, вам придется быть более сговорчивой. Я поговорю с вами позже. Подумайте получше о том, что вы захотите рассказать мне.

— Буду с нетерпением ждать нашей следующей встречи, — отозвалась Умм Саад, взмахнув своими длинными искусственными ресницами.

Остро захотелось дать ей оплеуху. Но вместо этого я развернулся и вышел в коридор. Кмузу поспешил следом.

— Теперь вы можете отключить модификатор, яа Сиди, — взволнованно сказал он.

— А он мне нравится, черт побери. Я, пожалуй, оставлю его.

Я и вправду наслаждался своими ощущениями. В моей крови постоянно присутствовал адреналин. Теперь я понял, почему Саид не расставался с этим модди. Правда, он не очень подходил для работы в полицейском участке; кроме того, Шакнахай пообещал, что уничтожит любой модди, который обнаружит у меня. Поэтому, чуть поразмыслив, я нехотя отключил модификатор.

И сразу же ощутил разницу. Правда, некоторое время меня била дрожь от остатков адреналина, но скоро и это прошло. Я бросил модди в дипломат и улыбнулся Кмузу.

— Крутым я парнем был? — спросил я. Кмузу ничего не

ответил, но по его взгляду я понял, что мое поведение его не устраивало.

Мы вышли во двор, где мне пришлось подождать, пока Кмузу подгонит машину. Он высадил меня у полицейского участка, после чего я велел ему ехать домой и присматривать за Эйнджел Монро.

— Понаблюдай, кстати, и за Умм Саад с мальчиком, присовокупил я. — Фридлендер Бей уверен, что она связана с Реда Абу Адилем, но она — хитрая бестия. Может, тебе удастся что-нибудь разузнать.

— Я буду вашим зрением и слухом, яа Сиди, — пообещал раб.

Перед зданием полицейского участка, как всегда, вертелись голодные мальчишки. Едва завидев подъезжающий к обочине седан, они замахали руками с криками:

— Хозяин! Добрый хозяин!

Я, как обычно, полез за мелочью, но, вспомнив Леди с Ягнёнком, которой помог на прошлой неделе, я достал свой солидный бумажник и вручил каждому мальчишке по купюре в пять киамов.

— Да хранит вас Бог, — сказал я и слегка смутился, увидев, что Кмузу наблюдает за мной.

Мальчишки были поражены. Один из ребят постарше взял меня за руку и потянул в сторону. Ему было лет пятнадцать, и на его узком лице уже пробивалась темная бородка.

— Моя сестра не прочь познакомиться с таким, щедрым господином, — сказал он.

— Но я не хочу знакомиться с твоей сестрой. Он усмехнулся. Среди его желтых зубов отсутствовали три, видимо выбитые в драке.

— Еще у меня есть брат… — продолжил он.

Я увернулся и вошел в здание участка. Позади мальчишки возносили хвалу в мой адрес. Я буду популярен до завтрашнего дня, когда мне снова придется завоевывать их уважение.

Шакнахай ждал меня у лифта.

— Где ты был? — спросил он. Шакнахай всегда приходил на работу раньше меня, независимо от того, как бы рано ни заявлялся туда я.

Меня тошнило от усталости. Я мог включить парочку дэдди, которые помогли бы мне, но опасался враждебных действий Шакнахая. В его присутствии я вынужденно обходился своими природными способностями, надеясь, что таковые еще сохранились.

Еще недавно как я гордился природной чистотой своего

мозга, по быстроте мыслительных процессов и изобретательности не уступавшего ни одному модификатору, который можно было отыскать в этом городе. А сейчас я доверял только электронике и без нее трусил в любой трудной ситуации.

— На днях мы должны застать Абу Адиля врасплох — без модификатора, — сказал Шакнахай. — Не следует особенно нажимать, чтобы не вызвать у него подозрений, но на несколько вопросов ему придется ответить.

— Каких вопросов? Шакнахай пожал плечами.

— Узнаешь на месте. — Видимо, как и у Папочки, у него были причины не доверять мне.

В коридоре нам встретился сержант Катавина. Я знал об этом человеке только одно — то, что он был правой рукой Хайяра.

Катавина был коротышкой весом около семидесяти фунтов. Его курчавые черные волосы разделяло гнездо модификатора, из которого всегда торчал по меньшей мере один дэдди: по-арабски он не понимал ни слова. Для меня оставалось неразрешимой загадкой, какими судьбами Катавину занесло в наш город.

— Наконец-то я вас нашел, — произнес он. Даже пропущенный через дэдди-переводчик, его голос имел металлический оттенок.

— В чем дело? — спросил я.

Катавина перевел свои хищные карие глазки с меня на Шакнахая.

— Только что меня предупредили о готовящемся покушении. — С этими словами он передал Шакнахаю листок бумаги с адресом. — Надо ехать.

— Это в Будайене, — сказал Шакнахай.

— Точно, — подтвердил Катавина.

— Кто звонил — голос не опознали?

— Зачем кому-то опознавать их? Шакнахай пожал плечами:

— За последние два месяца у нас было два или три анонимных звонка с подобными сообщениями — на этом дело кончалось.

Катавина поглядел на меня.

— Он один из осведомителей, ему известно все. — И ушел, неодобрительно покачивая головой.

Шакнахай еще раз посмотрел на адрес и запихнул бумажку в нагрудный карман.

— За Будайеном, неподалеку от кладбища, — пробормотал он.

— Если это не ложный вызов, — заметил я. — Если там в самом деле уже лежит труп.

— Думаю, что да.

Я пошел за ним в гараж. Мы сели в патрульный автомобиль и помчались по бульвару Иль-Жамель, нацелившись в большую арку городских ворот. На Улице этим утром было много пешеходов, и Шакнахай повернул на юг, на Первую улицу, а затем — на запад, и мы поехали по узким грязным улочкам, которые вились между глинобитными мазанками с плоскими крышами и старинными кирпичными строениями.

Шакнахай въехал на обочину. Мы выбрались из машины и внимательно осмотрели дом. Это было бледно-зеленое двухэтажное здание, требующее основательного ремонта. Парадная и коридор насквозь провоняли мочой и блевотиной. Судя по всему, деревянные решетки на окнах были сломаны не так давно. Жильцы здесь не появлялись уже многие месяцы, а может быть, годы.

В подъезде царила тишина, как во всех домах с отключенной электроэнергией, где не слышно даже слабого гудения счетчиков. Когда мы поднимались в комнаты на втором этаже, мне показалось, будто какой-то маленький зверек проворно пробежал перед нами по куче мусора. Мое сердце стучало так сильно, что я затосковал о спокойствии, даруемом Полным Караульным.

Мы с Шакнахаем заглянули в просторную спальню, когда-то принадлежавшую владельцу дома и его жене, затем — В детскую. Еще большее запустение. Угол дома полностью осыпался: зияла сквозная дыра. Непогода, жучки-древоточцы и находившие пристанище бродяги завершили разорение детской. Зато, по крайней мере, здесь отчасти выветрился кислый, затхлый смрад, наводнявший остальные помещения.

Мы нашли тело в соседней комнате. Это была молодая женщина, транссексуалка по имени Бланка, танцевавшая в клубе Френчи Бенуа. Наше знакомство было шапочным, не более. Она лежала на спине, согнутые в коленях ноги чуть вывернуты, а руки заброшены за голову. Ее темно-синие глаза глядели в потолок — как раз на мокрое пятно над моим плечом. На лице застыла гримаса ужаса. — Ты как?

— А что?

Он ткнул руку Бланки носком ботинка.

— Тебя не вырвет?

— Видел и пострашнее, — ответил я.

— Главное, чтобы тебя не стошнило. — Он наклонился над Б ланкой. — Кровь из носа и ушей. Зубы оскалены, пальцы скрючены. Держу пари, она была убита выстрелом с близкого расстояния, из статического ружья солидных размеров. Взгляни… Полчаса назад она еще была жива.

— Что?

Он поднял левую руку трупа и отпустил.

— Еще не окоченела. И кожа пока розовая. После смерти кровь под воздействием гравитации застаивается внизу. Врачам это известно, как никому другому.

Что-то в его словах показалось мне странным.

— Значит, тот, кто нам позвонил…

— Спорю на что угодно, звонил убийца. — Шакнахай вытащил радиотелефон и электронный журнал.

— А зачем убийце понадобилось звонить? Шакнахай посмотрел на меня в раздумье.

— Черт его знает, зачем, — сказал он наконец. Он вызвал Хайяра и попросил прислать команду криминалистов. Затем занес краткую запись в электронный журнал. — Ни к чему не прикасайся, — предупредил он вскользь, не отрываясь от дел.

Не нужно было напоминать мне о том, что известно любому профессионалу.

— Мы можем идти? — спросил я.

— Не раньше, чем появятся «золотые значки». Хочешь поскорее смотаться?

Я промолчал. Он засунул электронный журнал в карман и вытащил ручку и тетрадь в коричневом виниловом переплете. Понаблюдав за тем, как Шакнахай заносит, в нее новые записи, я, в конце концов, не выдержал:

— А это для чего?

— Так, небольшая заметка на память. Недавно произошло два сходных убийства. С таким же звонком.

Я тут же поклялся зеницей ока: если впереди нас ждет серия убийств, я немедленно собираю манатки и уезжаю отсюда навсегда. Шакнахай все еще сидел на корточках возле тела Бланки.

— Думаешь, маньяк? — спросил я. Он поглядел мимо, не замечая меня.

— Нет, — наконец произнес он. — Я думаю, это гораздо хуже.

Глава 7

В прежние времена любил меня гонять предшественник Хайяра лейтенант Оккинг. Но как ни было трудно с Оккингом, дело свое он знал. Он был если не блестящим, то, по крайней мере, проницательным полицейским и искренне сочувствовал жертвам, которых находил во время дневной работы. Хайяр был совершенно иного типа. Для него служба была лишь службой, но не более того.

Не удивительно, что от Хайяра и проку не было почти никакого. Мы с Шакнахаем наблюдали за тем, как он ведет расследование. Он нахмурился, уставившись на Бланку.

— Значит, говорите, мертвая? — спросил он. Шакнахая передернуло, однако он совладал с собой.

— У нас есть все основания предполагать это, лейтенант, — спокойно ответил он.

— Есть подозрения, кому она могла помешать? Шакнахай оглянулся на меня в поисках поддержки.

— Это мог быть кто угодно, — сказал я. — Может быть, ее модди не совпал с настроением клиента.

Хайяр заинтересовался:

— Ты думаешь?

— Посмотри, — ответил я. — В гнезде нет модификатора.

Лейтенант прищурился:

— И что из этого?

— Такие, как Бланка, не выходят из дому без модди. Естественно, у меня сразу возникли подозрения.

Хайяр погладил свои редкие усики.

— Думаю, вы в этом разберетесь. Для начала, правда, негусто.

— Иногда ребята-в штатском творят чудеса, — очень искренне произнес Шакнахай, в то же время подмигивая мне и тем самым показывая, насколько высоко оценивает этих ребят в действительности.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Хайяр.

— Между прочим, лейтенант, — сказал Шакнахай, — надо ли нам продолжать наблюдение за Абу Адилем? На прошлой неделе мы не особенно продвинулись.

— Хотите снова туда заглянуть? К нему домой?

— В его царские палаты, — уточнил я. Хайяр проигнорировал мое замечание.

— Я не приказывал заводить на него дело. Это слишком влиятельное лицо в нашем городе.

— Конечно, — отозвался Шакнахай, — мы и не заводили никакого дела.

— Зачем же вам вновь понадобилось побеспокоить его? — Хайяр уставился в меня вопросительным взором, но я не знал, что сказать.

— У меня есть подозрение, что Абу Адиль имеет отношение к этим нераскрытым убийствам, — заявил Шакнахай.

— *Каким* нераскрытым убийствам? — возмутился Хайяр.

Я расслышал, как Шакнахай скрипнул зубами.

— За последние два месяца зафиксировано три нераскрытых убийства. На сегодняшний день их уже четыре. — Он кивнул на тело Бланки, уже прикрытое простыней. — Их можно и должно связать с Реда Абу Адилем.

— Только, ради Аллаха, не называйте их нераскрытыми убийствами! — рассердился Хайяр. — Это всего лишь незавершенные дела.

— Незавершенные дела!.. — с горечью и отвращением проговорил Шакнахай. — Мы вам еще нужны, лейтенант?

— Нет. Можете приступать к работе.

И мы оставили Хайяра и криминалистов над телом Бланки в пыльных и затхлых руинах дома.

На улице Шакнахай схватил меня за руку и остановил неподалеку от патрульной машины.

— Какого черта ты проболтался об этом исчезнувшем модди? — спросил он.

— Да так, просто вырвалось. Хайяр все равно ничего не понял. Пусть поломает голову.

— Лейтенанту полезно время от времени ломать голову над чем-нибудь, — усмехнулся Шакнахай. — Его мозг явно нуждается в тренировке.

Мы оба имели право проклинать этот день. Небо нахмурилось, и сильный жаркий ветер дохнул нам в лицо песком и дымом. Издалека донеслись оглушительные раскаты грома. Шакнахай хотел вернуться в участок, но у меня еще были дела. Я снял с пояса телефон и назвал код Чири. Сигнал прозвучал восемь или девять раз, прежде чем она ответила.

— Я слушаю, — раздался ее раздраженный голос.

— Чири? Это Марид.

— Что тебе нужно, сукин ты сын?

— Послушай, Чири! Ты не даешь мне сказать ни слова. Тут не моя вина.

— Это я уже слышала. — Она презрительно засмеялась. — Знакомая песенка, дорогой: «не моя вина». Именно так сказал мой дядя, продав мою мать арабу-рабовладельцу.

— Я не знал…

— Ладно, проехали, я пошутила. Если хотел объяснить, валяй.

Наконец настал решительный момент. И тут у меня пропал дар речи.

— Мне правда очень жаль, Чири, — сказал я. Она снова засмеялась, и смех ее не был одобрительным.

Я ринулся в битву:

— Однажды утром я проснулся, и Папочка сообщил мне: ты новый владелец клуба Чириги. Правда, чудесная новость? Что ж, по-твоему, я должен был ему сказать?

— Я знаю тебя, дорогуша, ты же пай-мальчик и ни за что не стал бы возражать Папочке. Ему даже не пришлось пытать тебя.

Я мог бы рассказать ей о том, как Фридлендер Бей получил доступ к моему центру наказания, и что именно это явилось причиной моего послушания, но Чири все равно не поняла, бы. Я мог словами описать пытку, которой подверг меня Папочка одним нажатием кнопки. Но и это было ей безразлично. Она знала одно — что я ее предал.

— Чири, мы старые друзья. Ты должна меня понять. Папочке втемяшилась в голову мысль купить твой клуб и подарить его мне. Я ничего не знал об этом и вовсе не хотел такого подарка. Я попытался объяснить ему, но…

— Да уж! Представляю, как ты старался!

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Видимо, ей нравилось меня мучить.

— Я сказал ему ровно столько, сколько сказал бы любой другой на моем месте.

— Но почему именно *мой* клуб, Марид? В Будайене полно дешевых клубов. Почему он выбрал мой?

Я знал ответ: потому что Фридлендер Бей хотел изолировать меня от тех немногих старых друзей, которые еще остались у меня в прежней жизни. Служба в полиции уже оттолкнула от меня многих дорогих мне людей. Папочкина покупка обошлась мне дорого — она восстановила Чириги против меня. Следующий Папочкин шаг настроит против меня Сайда Халф-Хаджа.

— Такие у него шуточки, Чири, — безнадежно сказал я. — Папочка просто хочет нам показать, что он всегда рядом, постоянно наблюдает за нами и может достать нас своей карающей дланью тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем.

На другом конце провода последовало долгое молчание.

— И все равно ты — трус.

Я было открыл рот, чтобы возразить ей, но так ничего и не придумал.

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю, что ты трусливая *панья.*

Она вечно цепляла меня обидными словечками на суахили.

— Что такое *панья,* Чири? — спросил я.

— Это большая крыса, до ужаса глупая и безобразная. У тебя не хватает храбрости посмотреть мне в глаза, сукин ты сын! Ты предпочитаешь плакаться по телефону. Я хочу поглядеть на тебя. Больше мне ничего не надо.

Я зажмурился.

— Хорошо, Чири, как скажешь. Ты можешь зайти в клуб?

— Ты сказал: «в клуб»? Ты имеешь в виду *мой* бывший клуб?

— Да, — ответил я. — Твой клуб. Она хмыкнула:

— Да никогда в жизни, паршивый осел! Ноги моей в нем не будет, пока все не изменится. Но я могу увидеться с тобой в другом месте. Через полчаса я появлюсь у Курана. Это не в Будайене, дорогуша, но я уверена, что ты не заблудишься. Приходи, если не боишься. — Последовал резкий щелчок, а за ним гудки.

— Задала тебе жару, да? — спросил Шакнахай, которого забавляло мое замешательство. Мне нравился этот парень, но временами он был просто несносен.

Я повесил телефон на пояс,

— Ты слыхал когда-нибудь о баре Курана? Он фыркнул.

— Этот сумасброд-христианин появился в городе несколько лет назад. — Шакнахай вел автомобиль через Размийю, местность восточнее Будайена, где я никогда не бывал. — Его имя Куран: Он называет себя поэтом, но никто не видел его стихов. Однако он пользуется бешеной популярностью у европейской публики. И вот в один прекрасный день этот тип открывает так называемый салон. Обычный бар с интимной обстановкой, где все сделано из ивовых прутьев, стекла и стали. Множество пластиковых растений в кадках. Теперь этот салон вышел из моды, но до сих пор Куран там заправляет в качестве печального экспатрианта.

— Как Вейнтрауб у Гарготье, — заметил я.

— Точно, — сказал Шакнахай, — только у Курана свое собственное дело, и он никому не мешает. И на том спасибо. Значит, там у тебя свидание с Чири?

Я пожал плечами:

— Это она выбрала место. Он усмехнулся:

— Хочешь нарисоваться перед местной публикой?

— Нет уж, — пробормотал я. Шутник он, этот Иржи.

Через двадцать минут мы уже проезжали через район двух-трехэтажных домиков, принадлежащих среднему классу. Улицы были шире, чем в Будайене, и перед белыми домами

располагались газоны с зелеными насаждениями и цветущим кустарником. По обеим сторонам дороги клонились, словно в подпитии, высокие финиковые пальмы. Окрестности казались пустынными: здесь дети не бегали по тротуарам, гоняясь друг за дружкой вокруг домиков. Это была очень чинная, очень степенная часть города. Она производила впечатление настолько безмятежной, что мне стало не по себе.

— Бар Курана рядом, — сказал Шакнахай.

Он повернул на улицу поскромнее, более похожую на переулок. С одной стороны улицы теснились задние фасады зданий с плоскими крышами. На уровне второго этажа выступали балкончики; электрический свет едва пробивался сквозь узкие деревянные жалюзи. По другую сторону выстроились дощатые домики, среди которых расположилось несколько магазинчиков: изделия из кожи, булочная, ресторан, специализирующийся на блюдах из бобов, книжная лавка.

На этой же тесной улочке, совсем не к месту, обосновался бар Курана. Хозяин выставил на улицу несколько столиков, но никто не прельстился плетеными белыми стульями под зонтиками с рекламой «Чинзано». Шакнахай заглушил мотор, и мы вышли из машины. Я решил, что Чири еще не приехала или уже ждала меня внутри. Сердце у меня упало.

— Офицер Шакнахай! — К нам подошел человек средних лет, приветливо улыбаясь. Ростом он был с меня, но на пятнадцать — двадцать фунтов тяжелее, с редеющими, зачесанными назад темными волосами. Он обменялся рукопожатиями с Шакнахаем, после чего повернулся ко мне.

— Шандор, — произнес Шакнахай, — это мой напарник Марид Одран.

— Рад познакомиться, — отозвался Куран.

— Да будет с вами благословение Аллаха, — сказал я.

Во взгляде Курана промелькнуло любопытство:

— Спасибо. Принести вам чего-нибудь выпить? Я посмотрел на Шакнахая. — Мы сейчас как, на службе или нет? — спросил я.

— Нет, — решил Шакнахай.

Я заказал то, что обычно заказывал, а Шакнахай попросил что-нибудь не очень крепкое. Мы прошли за Кураном в его заведение. Все было так, как я себе, и представлял, и полностью соответствовало описанию Иржи: сверкающие хромированные со стеклом столики, белые плетеные стулья, великолепный бар в старинном стиле из полированного черного дерева, хромированные вентиляторы на потолке и, конечно же, множество пыльных искусственных растений по углам и в корзинках, свисающих с потолка.

Чирига сидела за столиком в глубине зала.

— Сюда, Иржи, Марид! — окликнула нас она.

— Вот и мы, — сказал я. — Могу я угостить тебя чем-нибудь?

— Не откажусь. — Она протянула свой стакан. — Сэнди! — Куран кивнул и пошел наполнять наши стаканы.

Я сел рядом с Чири.

— Знаешь, — неуверенно начал я, — я хотел обговорить с тобой одно дело. Не могла бы ты поработать в клубе?

— Ясмин говорила мне что-то, — сказала Чири. — Странная, однако, просьба!

— Послушай, я уже все рассказал. Долго ты собираешься на меня злиться?

Чири улыбнулась:

— Не знаю. Я получаю от этого огромное удовлетворение.

Мое терпение лопнуло.

— Чудесно, — сказал я. — Тогда поищи себе работу в другом месте. Я уверен, что такая большая, сильная каффрская женщина не останется безработной.

Чири это задело.

— Ладно, Марид, — произнесла она уже совсем другим тоном. — Замяли. — Она открыла сумочку, вытащила длинный белый конверт и подтолкнула его ко мне.

— Что это? — спросил я.

— Вчерашняя выручка из твоего идиотского клуба. Ведь ты должен каждый день приходить к закрытию, снимать кассу и расплачиваться с девочками. Или тебе и этим заниматься не хочется?

— Действительно, не хочется, — признался я, украдкой взглянув на конверт. В нем была куча денег. — Именно поэтому мне нужна ты.

— А для чего?

Я развел руками.

— Чтобы присматривать за девочками. И выбивать монету из клиентов. У тебя все это здорово получается.

Она наморщила лоб.

— Каждый день я приходила домой со всем этим в кармане. — Она похлопала по конверту. — А сейчас я буду получать от тебя несколько киамов за то, за се. Мне это не нравится.

Появился Куран с полными бокалами, я заплатил ему.

— Я предлагаю тебе больше, чем получают новенькие и недавно принятые на работу, — заявил я.

— Неплохо для начала, — поощрительно кивнула она. — Но, дорогуша, если ты хочешь, чтобы я занималась твоими делами,

плати вперед. Я хочу пятьдесят процентов.

— Как компаньон? — От Чири, конечно, можно было ожидать чего угодно. Она загадочно улыбалась, демонстрируя свои длинные острые зубы. Чири была мне дороже пятидесяти процентов. — Хорошо, — сказал я.

Она заволновалась, словно не ждала, что я сдамся так быстро.

— Эх, надо было просить больше, — огорченно произнесла она. — Но танцевать я буду, только когда захочу.

— Идет.

— И название клуба останется старое — «У Чириги».

— Ладно.

— И я буду сама нанимать и увольнять. Не хочу иметь дело с этой жуткой Фаней, вдруг она умаслит тебя и ты примешь ее на работу. Она так нагружается, что начинает бросаться на клиентов.

— Не многовато ли, Чири?

Она показала зубки, точно волчонок.

— Запойные друзья — это ведь не подарок, правда? — сказала она.

Чири извлекла из случившегося всю возможную выгоду.

— Хорошо, ты кадрами будешь заниматься сама.

Чири отхлебнула из своего стакана.

— Между прочим, — заметила она, — я буду иметь пятьдесят процентов от всей выручки, не так ли?

Кошмарная Чири!

— Ну ладно, По рукам, — рассмеялся я. — Подбросить тебя до Будайена? Можешь приступать к работе хоть сейчас.

— Я уже была там. Оставила присматривать Индихар.

Заметив, что стакан ее опустел, она взяла его и сделала знак Курану.

— Хочешь сыграть, Марид? — Чири махнула рукой в глубину бара, где у Курана стоят Транспекс.

В эту игру играют два человека с имплантатами. Они садятся друг против друга и подключаются к машине. Первый игрок придумывает причудливый сценарий, который становится вполне реальной картиной для второго игрока, набирающего очки в зависимости от его адаптации к сценарию и выживанию. Второй игрок в свою очередь делает то же самое для первого.

В эту игру хорошо играть на деньги. Сначала я здорово струсил, услышав такое предложение, ведь пока играешь, совершенно забываешь, что это игра. Она кажется абсолютно реальной. Игроки имеют почти божественную власть друг над другом. У Курана стояла потрепанная модель, предохранители в которой давно устарели. Ходили слухи, что у некоторых игроков

здесь случались кровоизлияния в мозг и спазм коронарных сосудов.

— Давай, Одран, — подбодрил меня Шакнахай. — Посмотрим, что у тебя получится.

— О'кей, Чири, — сказал я. — Сыграем.

Она встала и пошла к кабинке Транспекса. Я последовал за ней; Шакнахай и Куран присоединились к нам.

— Хочешь, сыграем на остальные пятьдесят процентов дохода от моего клуба? — Ее глаза заблестели над краем бокала.

— Я не могу. Папочка не одобрит этого. — В выигрыше я уверен не был, так как видел предыдущие результаты машинных игр. Наивысший результат в Транспексе был тысяча очков, а я от силы мог набрать восемьсот. На этой же машине наивысший результат составлял семьсот очков, вероятно потому, что бар Курана не привлекал таких заковыристых типов, как я.

— Лучше давай сыграем на содержимое этого конверта.

Идея ей понравилась.

— Меня это не разорит, — заявила Чири. Я не сомневался, что Чири может раздобыть денег, когда они ей понадобятся.

Куран принес всем лимонада. Шакнахай подвинул простенький стул поближе к экрану, чтобы лучше рассмотреть компьютерные образы иллюзий, создаваемых мной и Чири. Я опустил в машину пять киамов.

— Если хочешь, начинай первая, — сказал я Чири. — Хорошо, — согласилась Чири. — Забавно будет посмотреть, как ты попотеешь.

Она взяла модди Транспекса, подсоединила его к своему гнезду и нажала клавишу первого игрока. Я взял второй модди, пробормотал:

— *Висмиллах,* — и нажал клавишу второго игрока.

Сначала появился теплый искрящийся туман, местами радужный, переливающийся перламутровым блеском. Одран находился в середине облака, но оно его не тревожило. Было тихо и безветренно. Издалека веяло свежим морским воздухом. Затем все вокруг стало меняться.

Теперь он плыл в облаке. Он не сидел и не стоял, а легко и безмятежно дрейфовал сквозь пространство. Ничто его не волновало, ощущения были прекрасные. Постепенно туман стал рассеиваться. Вздрогнув, Одран понял, что он уже не в облаке, а в теплом, сверкающем солнечными зайчиками море.

Под ним колыхались длинные узкие водоросли, растущие среди ярких разноцветных кораллов. Анемоны разнообразных окрасок и форм тянули к нему свои жадные щупальца, но он умело

проплывал между ними,

Одран плохо различал предметы, но с помощью остальных чувств мог понять, что творилось вокруг. Запах морского воздуха вытеснили разнообразные тонкие ароматы, увидеть которые он не мог, но все они были до боли знакомы ему. Он услышал звуки: шелест, шуршание, — откликающиеся долгим, гулким эхом.

Он был рыбой. Он чувствовал себя сильным и свободным. И голодным. Одран нырнул и опустился на дно, рядом со жгучим анемоном; здесь прятались мелкие рыбешки. Он молнией пронесся среди них, проглотив множество пурпурных и желтых обитателей морских глубин. На время он утолил свой голод. Течение приносило запахи других съедобных существ, и он повернулся по направлению к благословенному источнику.

Потом он долго плыл, пока не понял, что потерял след. Одран не мог сообразить, сколько прошло времени. Это не имело значения. В этих сверкающих солнечных морях ничто не имело значения. Он пощипал водоросли, растущие на великолепном рифе, потревожив нежные существа с пышными плавниками и обратив в бегство опоясанных красным креветок и фарфоровых крабов.

Вдруг вода над ним потемнела. В вышине пронеслась тень, и Одрану стало не по себе — он ощутил состояние тревоги. Он не мог посмотреть вверх, но давление водных масс говорило о том, что нечто огромное и опасное кружит поблизости. Одран вспомнил, что он не один в этом океане. Сейчас наступила его очередь убегать. Он бросился мимо рифа и прочертил зигзаг в нескольких дюймах от песчаного дна.

Хищная тень следовала по пятам. Одран метнул взгляд по сторонам в поисках убежища, но не нашел ничего подходящего: ни обломков кораблекрушения, ни подводных скал или пещер. Он резко развернулся и поплыл назад той же дорогой. Преследователь повторил его маневр, легко и лениво.

Внезапно хищник атаковал его: убийца с неподвижными черными глазами и зубами, сверкающими, как хромированная сталь. Одран стрелой метнулся вверх, ближе к поверхности, хотя и знал, что там тоже негде укрыться. Огромное существо неслось за ним по пятам. Прорезая толщу вод пенящимся следом, Одран вынырнул в незнакомый разреженный воздух и полетел. Он скользил над белыми гребешками волн, пока, наконец, измученный, не упал снова в родную стихию.

Там его ожидало все то же жуткое существо с раскрытой пастью, готовое разорвать его на клочки. Острые клыки сомкнулись, медленно и торжествующе, и для Одрана наступила темнота и ожидание неминуемой гибели.

— Уф, — пробормотал я, когда Транспекс вернул мне

собственное «я».

— Ничего себе игра, — заметил Шакнахай.

— Сколько я набрала? — весело спросила Чири.

— Совсем неплохо, — подал голос Куран. — Шестьсот двадцать три. Сценарий был многообещающий, но ты не довела его до паники.

— Я старалась, черт подери, — отозвалась Чири. — Налейте мне еще стаканчик. — Она лукаво улыбнулась мне.

Я вынул коробочку с таблетками и проглотил восемь штук паксиума, протолкнув их в гордо глотком джина. Пока я был рыбой, я не мог ощущать страх так, как сейчас во всей его полноте и оцепенении.

— И мне тоже стаканчик, — пробормотал я. — Плачу за всех.

— Мне двойной, — попросил Шакнахай.

Мы с Чири немного обождали, приходя в себя для следующей игры. Куран-принес поднос со стаканами, и Чири опорожнила свою порцию двумя большими глотками. Она решила подкрепиться, прежде чем я подвергну ее мозг жестокому испытанию.

Чири нажала клавишу второго игрока, и веки ее медленно опустились. Казалось, она мирно дремлет. Все это закончится паникой, подумал я. На экране мерцала та же самая опаловая дымка, сквозь которую путешествовал я, пока Чири не решила, что это будет океан. Я протянул руку и нажал клавишу первого игрока.

Одран взирал сверху на клубящийся туман, как Аллах с высоты небес. Он сосредоточился, пытаясь сотворить яркую красочную иллюзию, и результат удовлетворил его. Вместо постепенного развертывания панорамы Одран выбросил сгусток сенсорной информации. Женщина, стоявшая там, внизу, была ошеломлена яркостью и чистотой красок воображаемого мира, его звуками, ощущениями, запахами. Она вскрикнула, и ее голос прозвенел в чистом прохладном воздухе, словно колокольчик. Она упала на колени, жмурясь и зажимая уши ладонями.

Одран помедлил. Он хотел, чтобы женщина привыкла к созданному им миру. Он не собирался прятаться за деревом, чтобы потом выскочить и напугать ее. Для этого время еще не настало.

Через некоторое время женщина отняла руки от ушей, встала и робко огляделась.

— Марид! — позвала она. В тишине ее голос прозвенел неестественно громко. Оглянувшись, она посмотрела в сторону туманно-пурпурных гор на западе. Потом снова повернулась на восток, к болотистым берегам озера, в котором отражалось невыносимо голубое небо. Одрану было безразлично, в каком

направлений она пойдёт; конец все равно будет один.

Женщина решила пойти по болотистому берегу на юго-восток Она шла несколько часов, слушая плавные трели певчих птиц и вдыхая острый аромат незнакомых цветов. Через некоторое время солнце позади нее опустилось на склоны пурпурных холмов и закатилось за них, оставив иллюзорный мир Одрана в темноте. Он своевременно позаботился о полной луне, огромной и сияющей, как серебряный поднос. Устав, женщина решила прилечь на сладко пахнущую траву и заснуть.

Утром Одран разбудил ее проливным дождем.

— Марид! — снова позвала она. Он ничего не ответил. Она задрожала. — И долго ты собираешься держать меня тут?!

Золотистое солнце поднималось все выше, и, несмотря на теплое утро, жара не становилась изнуряющей. После полудня, когда женщина прошла около половины пути вокруг озера, она набрела на шатер, покрытый вишневым и светло-голубым шелком.

— Что это такое, Марид?! — закричала женщина. — Может, хватит, а?

Она неуверенно подошла к шатру.

— Эй! — позвала она.

Тотчас же из шатра вышла девушка в белом платье, босая, ее светлые волосы были небрежно переброшены через плечо. Улыбаясь, она несла деревянный поднос.

— Проголодалась? — приветливо спросила она.

— Да, — ответила женщина.

— Меня зовут Мариам. Я ждала тебя. Прошу прощения, но у меня есть только хлеб и молоко. — Она налила молока из серебряного кувшина в серебряный кубок.

— Спасибо. — Женщина с жадностью съела хлеб и выпила молоко.

Мариам рукой заслоняла глаза от солнца.

— Ты идешь на ярмарку? Женщина отрицательно покачала головой:

— Я и не слыхала о ярмарке. Мариам засмеялась:

— Все идут на ярмарку. Пойдем со мной, я покажу тебе дорогу.

Женщина подождала, пока Мариам отнесет в шатер-подносе посудой. Вскоре она появилась опять.

— Я готова, — сказала она весело. — Поговорим по дороге.

Они продолжили путь вокруг озера уже вдвоем, пока женщина не увидала множество островерхих шатров из полосатой ткани. Над ними ветер развевал яркие цветные вымпелы. Она услышала смех, крики, удары топора по дереву и звон металла о металл. Пахло свежим хлебом, булочками с корицей и жаренным ягненком на вертеле, над пышущими жаром углями,

У нее потекли слюнки. Аппетит разыгрался помимо ее воли.

— У меня нет денег, — сказала она.

— Денег? — со смехом спросила Мариам. — А что это такое?

Женщина весь день ходила из шатра в шатер, рассматривая разнообразные диковины. Она пробовала экзотические блюда и незнакомые напитки. Временами ей становилось не по себе. Она оглянулась через плечо, с минуты на минуту ожидая конца приятной части этой фантазии.

— Марид, — позвала она, — где ты?

— Кого ты зовешь? — спросила Мариам.

— Я… не знаю… — ответила женщина. Мариам засмеялась.

— Посмотри лучше сюда. — Она потянула женщину за рукав в шатер, где атлетически сложенная художница составляла занимательную мозаику из когтей, зубов и глаз ящериц.

Они послушали, как дети наигрывают странную мелодию на музыкальных инструментах, вырезанных из костей и целых скелетов животных, и посмотрели, как несколько старух прядут из своих седых волос нити, из которых вяжут салфетки и шарфы.

Одна беззубая карга искоса взглянула на Мариам и женщину.

— Бери что хочешь, — проскрипела она,

— Спасибо, бабушка, — поблагодарила Мариам, Она выбрала два носовых платка.

Время шло, и вскоре солнце вновь начало клониться к горизонту. Как в прошлую ночь, взошла полная луна.

— Ярмарка будет продолжаться всю ночь? — спросила женщина.

— Всю ночь и весь завтрашний день, — ответила Мариам. — Всегда.

Женщина содрогнулась.

С этого момента она не могла избавиться от ужасного предчувствия, что ее сюда заманили и бросили на произвол судьбы. Она не помнила, кем была раньше, до того, как проснулась на берегу озера, но чувствовала, что с ней сыграли злую шутку. Она могла только молиться кому-то, чье имя — Марид. Она думала: может быть, он Бог?

— Марид, — бормотала женщина в страхе, — пожалуйста, прекрати все это.

Но Одран не хотел заканчивать игру. Он наблюдал за тем, как женщина и Мариам стали устраиваться на ночлег: они нашли большой шатер со множеством удобных подушек, с простынями из сатина и тонкого полотна. Там они улеглись и вскоре заснули.

Утром женщина проснулась и тут же ужаснулась при одной мысли об этой нескончаемой ярмарке, что ждала ее впереди. Мариам принесла на завтрак колбасу, печеные хлебцы с

помидорами и дымящийся чай. Она была по-прежнему полна радостного энтузиазма и повела женщину навстречу новым, более опасным развлечениям. Постепенно женщину охватывало чувство ужаса, неуклонно нарастающее.

— Я здесь уже два дня, Марид, — взмолилась она. — Убей меня или отпусти.

Одран ничего не отвечал ей.

На третий день они занялись рассматриванием разнообразных чудес; они видели девочку-подростка, у которой вместо грудей были цветущие розы; свечи, не желающие гореть в присутствии неверных; балаган, представлявший сражение слепого с двумя разъяренными драконами; семью, из поколения в поколение собиравшую из железа макет ярмарки, который, по-видимому, никогда не будет завершен; клетку со сверчками, свидетелями Шахады, исламского завета веры.

День клонился к вечеру, снова наступила ночь. Мужчины зажгли факелы на длинных шестах. Мариам водила женщину из шатра в шатер, но та уже не восхищалась зрелищами. Ее переполняло ощущение надвигающейся катастрофы. Она хотела бежать, но знала, что дороги назад ей не найти. И вдруг раздался пронзительный вопль толпы.

— Что это? — со страхом спросила она; люди, находившиеся рядом с ней, рассыпались по сторонам.

— О Аллах! — воскликнула Мариам; в лице ее были ужас и растерянность. — Беги! Спасайся!

— Что это? — закричала женщина. — Скажи мне, что это?

Мариам скорчилась на земле, плача и причитая.

— Во имя Аллаха благого и милосердного, — снова и снова бормотала она.

Так и не получив от Мариам вразумительного ответа, женщина оставила ее и побежала между шатрами, в толпе, охваченной ужасом. И вскоре она увидела их: двух огромных великанов, невероятного роста, сотни и сотни футов в высоту. Они шли, сокрушая на своем пути все. Они брели среди далеких холмов; и от их шагов вода в озере вышла из берегов. Под ногами их дрожала земля. Они приближались. Прижав руки к груди, женщина попятилась.

Один из великанов медленно повернул голову и посмотрел на нее. Он был жутко безобразен: наискосок через его лицо шел страшный шрам; одна глазница была пуста, из пасти торчали кривые желтые клыки. Он поднял руку, указывая на нее.

— Нет, — сказала она голосом, охрипшим от страха, — талька не меня! — Она хотела бежать, но не могла даже двинуться с места.

Великан наклонился, свирепо глянул на нее и протянул огромную лапу.

— Марид! — возопила женщина. — Ради Бога! Помощь не приходила. Гигантская ладонь начала

сжиматься вокруг ее тела.

Женщина попыталась поднять руку, чтобы выдернуть модди из гнезда, но руки ее онемели. Она поняла, что ей не убежать. Женщина завизжала от ужаса.

Безобразный гигант оторвал ее от земли и поднес к своему единственному глазу. Его пасть расплылась в усмешке: ее страх забавлял его. Она снова шевельнулась, пытаясь отключить модди, но ее руки были крепко прижаты к телу. Она кричала не переставая, пока не потеряла сознание.

Мои глаза на мгновение затуманились, но я слышал рядом прерывистое дыхание Чири. Вот уж не думал, что она так расстроится. Ведь это всего-навсего игра Транспекс, в которой она была отнюдь не новичок: она знала, на что идет.

— Ну и подонок же ты, Марид, — наконец выдавила она.

— Чири, это ведь только… Она отмахнулась от меня:

— Знаю, знаю! Ты выиграл. Я жалкая трусиха. Все денежки твои.

— Забудь о них, Чири. Я… Напрасно я так сказал.

— Послушай, сукин сын, — прошипела Чири. — Когда я проигрываю, я плачу. Если не возьмешь деньги, я запихну их в твою глотку. Однако, черт возьми, ну и воображение у тебя!

— Особенно в последней части, — с одобрением заметил Куран, — там, где она не могла поднять руку, чтобы отключить модди.

— Садист! — сказала, тряхнув головой, Чири. — Никогда больше не сяду с тобой за Транспекс.

— Мне нужно было преимущество, Чири. И только. Я не смотрел, сколько набрал. Может, всего на пару очков больше.

— Ты набрал девятьсот сорок одно, — сказал Шакнахай. Он поглядывал на меня как-то странно, с уважением и вместе с тем словно бы осуждающе. — Нам пора. — Он поднялся и выплеснул остатки из своего стакана.

Я тоже встал.

— Ты в порядке, Чири? — Я положил руку ей на плечо.

— Нормально. Я все еще под впечатлением. Прямо ночной кошмар. — Она еще раз прерывисто вздохнула, приходя в себя. — Я должна поехать в клуб и отпустить Индихар домой.

— Подбросить тебя? — спросил Шакнахай.

— Спасибо, — отказалась Чири, — у меня своя машина.

— Значит, увидимся позже, — сказал я.

— *Ква хери,* ты, подонок. — Однако она улыбалась. Я подумал, что, наверное, между нами все будет о'кей. И был искренне рад этому.

Уже в машине Шакнахай покачал головой и усмехнулся:

— А знаешь, она права. Ты вел себя как настоящий садист. Терзал ее без всякой, надобности. Сукин ты сын.

— Наверно.

— А я тут разъезжаю с тобой по городу… Разговор этот мне сразу наскучил.

— Не пора ли заканчивать смену? — спросил я.

— Пора. Давай-ка проедем мимо участка, а потом — ко мне, пообедать, если у тебя нет других планов. Я думаю, Фридлендер Бей перебьется без тебя одну ночь.

Я не слишком общителен и всегда чувствую себя неловко в чужих домах. Но идея провести вечер вне Папочкиного круга показалась мне чрезвычайно привлекательной.

— Конечно, — согласился я.

— Я только звякну жене и предупрежу.

— Не знал, что ты женат, Иржи.

Удивленно приподняв брови, он набрал свой номер. Перебросившись с женой парой фраз, Шакнахай повесил телефон на пояс.

— Все в порядке, — сказал он. — Сейчас жена займется уборкой и готовкой. Она всегда готовится к приходу гостей.

— Ну, для меня нет необходимости суетиться, — сказал я.

Шакнахай покачал головой:

— Да это вовсе не для тебя: Просто она из очень ортодоксальной семьи и каждый раз хочет доказать, что образцовая мусульманка.

Мы остановились у здания участка, передали автомобиль следующей смене, отметились в журнале и после всех формальностей службы устремились вниз по лестнице.

— Я всегда хожу домой пешком, если нет дождя, — сказал Шакнахай.

— Далеко идти? — спросил я. Вечер был чудесный, но я не был расположен к дальней прогулке.

— Три — три с половиной мили.

— Погоди, — остановил его я. — Сейчас возьму такси.

На бульваре Иль-Жамедь около восточных ворот всегда стоят семь-восемь свободных машин. Я поискал своего дружка Билла, но его не было. Пришлось сесть в другое такси, и Шакнахай назвал шоферу свой адрес.

Мы подъехали к жилому дому в части города, которая называлась Хаф-аль-Хала, Край пустыни. Шакнахай с семьей

жили в самой южной оконечности города, рядом с пустыней, песчаными дюнами подступающей к стенам домов. На улицах не было ни деревьев, ни цветов. Самое голое, пустынное безжизненное и тихое место, какое я только видел.

Шакнахай, похоже, угадал направление моих мыслей.

— Это самое дорогое жилье, какое я могу себе позволить, — проворчал он. — Ну заходи.

Я вошел за ним в подъезд дома, и мы Поднялись на третий этаж. Он открыл ключами дверь, за которой его сразу же атаковали двое малышей. Они прилипли к его ногам, и так, вместе с ними, он проследовал в прихожую. Смеясь, он наклонился и погладил ребятишек по головам.

— Мои сыновья, — гордо заявил он. — Это малыш Иржи, ему восемь, а Хакиму — четыре. Захре — шесть, она, наверно, мешает мамочке на кухне.

Честно говоря, с малышами я общаться не умею: не хватает терпения. Это удовольствие не для меня; и вообще, я никогда не понимал, зачем люди заводят детей. Правда, это не помешало мне вежливо заметить:

— Симпатичные мальчуганы. Они делают тебе честь.

— Такова была воля Аллаха, — ответил Шакнахай. Он сиял точно прожектор.

Он отцепил малыша Иржи и Хакима и вышел посмотреть, скоро ли будет готов ужин. Оставив меня, к моему ужасу, наедине с детьми. Я не желал детям зла, но моя теория воспитания была несколько радикальной. Я искренне считал, что ребенка после рождения имеет смысл подержать дома в течение нескольких дней, пока его новизна не приестся, после чего следует запаковать его в большой картонный ящик с лучшими книгами, созданными западной и восточной цивилизациями. Открыть ящик можно по прошествии восемнадцати лет.

Я со страхом наблюдал, как сначала малыш Иржи, а затем Хаким обращают на меня внимание. Хаким подошел ко мне с двумя ярко-красными игрушками: одна в руке, а другая — в зубах.

— И что теперь? — задумчиво и растерянно пробормотал я.

— Ну, как вы тут? — раздался голос Шакнахая. Я был спасен. Он вошёл в гостиную и сел рядом со мной в старое расшатанное кресло.

— Чудесно, — ответил я и взнес благодарственную молитву Аллаху. Казалось, со времени отсутствия Шакнахая пролетела целая вечность.

Симпатичная и очень серьезная девочка вошла в комнату, неся фарфоровое блюдо с хумусом и хлебом. Шакнахай взял

блюдо и расцеловал ее в обе щеки.

— Это моя маленькая принцесса Захра, — сказал он. — Захра, это дядя Марид.

Дядя Марид! Никогда я еще не оказывался в столь курьезном положении.

Захра взглянула на меня, покраснела до ушей и убежала обратно на кухню. Шакнахай засмеялся. Я всегда производил незабываемое впечатление на женщин.

Шакнахай подвинул ко мне тарелку с хумусом.

— Угощайся, — произнес он.

— Да снизойдет на твой дом процветание, Иржи, — сказал я.

— Да продлит Аллах твои дни! Пойду принесу чай. — Он поднялся и вновь удалился на кухню.

Лучше бы он не суетился, это нервировало меня; кроме того, в его отсутствие я ощущал численный перевес детей. Отщипнув хлеба, я окунул его в хумус, украдкой покосившись на Иржи и Хакима. Они мирно играли друг с другом, не обращая на меня никакого внимания. Но я не терял бдительности.

Через несколько минут Шакнахай вернулся.

— Я думаю, с моей женой вы знакомы, — сказал он. Рядом с ним стояла Индихар. Он улыбался своей идиотской усмешкой, а она казалась совершенно ошеломленной.

Я стоял, не веря своим глазам.

— Привет, Индихар, — выдавил я, чувствуя себя дураком. — Я и не знал, что ты замужем.

— Никто не знает, — сказала она, посмотрев на мужа, а затем на меня.

— Все в порядке, дорогая, — успокоил ее Шакнахай. — Марид никому не расскажет, верно?

— Марид… — начала Индихар, но, вспомнив, что я гость в ее доме, скромно опустила глаза. — Это большая честь для нашего дома, Марид.

Я не знал, что еще сказать. Для меня это было большой новостью. Индихар — днем прекрасная танцовщица, а ночью — степенная жена-мусульманка.

— Пожалуйста, — смущенно сказал я, — не беспокойтесь на мой счет.

Индихар плутовски стрельнула глазами, уводя Захру из комнаты.

— Наливай себе чаю, — сказал Шакнахай. — И еще хумуса.

Хаким наконец до меня добрался. Вцепившись в мою ногу, он надул мне на брюки. Это превзошло все мои опасения.

Глава 8

Я смотрел на маленькую тетрадь Шакнахая в коричневом переплете, ту самую, которую он носил на бедре, в кармане джинсов. Впервые я увидал ее при расследовании убийства Бланки. Сейчас я разглядывал обложку с кровавыми отпечатками пальцев и думал, какой шифр придумал Шакнахай для своих записей. Когда-нибудь я их расшифрую,

Миновала неделя со дня моего визита к Иржи и Индихар. День начался неудачно, и ничто не предвещало перемен к лучшему. Проснувшись, я увидел у кровати Кмузу с подносом, на котором стояли стакан апельсинового сока, блюдо с жареными хлебцами к чашечка кофе. Наверное, он выжидал, пока сработает мой дэдди с будильником. Вид у него был настолько усталым, что я чуть было не пожалел его.

— Доброе утро, яа Сиди! — тихо произнес раб. Я чувствовал себя препаршиво.

— Где моя одежда? Кмузу вздрогнул.

— Не знаю, яа Сиди. Я не помню, куда вы ее положили вчера вечером.

Я тоже не помнил. С того момента, как я вошел в квартиру, и до этой минуты я не помнил ничего й ощущал только легкий приступ тошноты. Я вылез из постели в чем мать родила, и к тошноте прибавилась головная боль.

— Помоги мне найти джинсы, попросил я. — У меня там таблетки.

— Вот почему Бог воспрещает пьянство, — пробормотал Кмузу.

Я взглянул на него. Глаза у него слипались — поднос опасно накренился. Сейчас кофе и апельсиновый сок разольются по моей постели. Но в тот момент вовсе не это было для меня главным.

Под кроватью одежды не оказалось, хотя там было наиболее вероятное местонахождение. Ее не было ни в кладовой, ни в прихожей, ни в ванной, Я осмотрел обеденный стол в кухне. Безрезультатно. Наконец я нашел ботинки и скомканную рубашку в книжном шкафу, между детективными романами Лутфи Года, палестинского писателя середины двадцать первого века. Джинсы были аккуратно сложены на письменном столе между несколькими толстыми пачками компьютерных распечаток.

Еще не натянув штаны, я выхватил коробочку таблетками и поспешил обратно в спальню. Я хотел тайком проглотить десяток соннеинок и успеть запить их апельсиновым соком.

Но я опоздал. Кмузу стоял, с ужасом наблюдая сладкую

липкую лужу желтого цвета, расползавшуюся по простыне. Он поднял глаза.

— Я сейчас все уберу, — сказал он, проглотив слюну. В его лице читался страх, вызванный боязнью потерять теплое местечко в Большом Доме и отправиться в изгнание на уборку урожая — в поля, вместе с остальным рабочим быдлом, без протекции и квалификации.

— Не переживай, Кмузу. Дай-ка лучше мне эту чашечку…

Раздалось шуршание, и кофейная чашечка с блюдцем соскользнули с подноса следом за соком. Ну что ж, по крайней мере, кофе прикрыл собой ядовито-желтое апельсиновое пятно.

— Яа Сиди…

— Принеси мне стакан воды, Кмузу. Побыстрее. Ну и ночка была! Сперва у меня появилась блестящая идея направиться после работы в Будайен.

— Давно я никуда не выходил по вечерам, — сказал я Кмузу, приехавшему за мной в участок в конце рабочего дня.

— Хозяину дома было бы приятно знать, что вы целиком заняты порученной вам работой.

— Конечно, ты прав, но разве мне запрещено время от времени встречаться с друзьями? — И я велел ему двигать в Греческий клуб Ио-Мама.

— Если вы поедете туда, вы поздно вернетесь домой, яа Сиди!

— Знаю. А что, лучше, если я напьюсь с утра? Сейчас у нас масса времени.

— Но хозяин дома…

— Здесь поверни налево, Кмузу. Немедленно. Вот так.

Я не собирался спорить с ним. Я просто приказал ему повернуть на север и ехать по извилистым городским улочкам. Мы оставили автомобиль на бульваре и вошли в ворота Будайена.

Клуб Ио-Мама на Третьей улице тесно связан с северной стеной квартала. Роки нахмурилась, увидев, что я сел поближе к бару. Она была плотно сбитой коротышкой с черными жесткими волосами и к тому же, как помощник бармена, не особенно радовалась моему визиту.

— Вы хотите проверить лицензию, офицер? — хмуро спросила она.

— Полегче, Роки. Я хочу только джина и бингары. — Я повернулся к Кмузу, который стоял рядом. — Подваливай, — кивнул я ему.

— Кто это? — спросила Роки. — Твой слуга или как?

Я кивнул еще раз.

— Принеси ему то же самое. Кмузу протестующе поднял руку.

— Пожалуйста, содовой.

Роки взглянула на меня: я едва заметно помотал головой.

Ио-Мама вышла из своего кабинета и улыбнулась мне:

— Марид, как дела? Давно тебя не было видно.

— Все дела… — ответил я.

Роки поставила стаканы передо мной и Кмузу.

Ио-Мама похлопала его по плечу.

— А твой хозяин — не промах, — с восхищением сказала она.

— Знаю, — согласился Кмузу.

— Мы все это знаем, не правда ли? — сказала Роки, слегка скривив губы.

Кмузу отхлебнул джина с бингарой и поморщился.

— У этой содовой странный привкус, — заметил он.

— Это от лимонного сока, — поспешил объяснить я.

— А-а-а… — протянул Кмузу и еще раз снял пробу.

Ио-Мама хмыкнула. Она была самой большой женщиной, которую я когда-либо встречал, — крупной, сильной и почти неизменно дружелюбной. У нее был громкий, но хриплый голос и замечательная память на тех, кто задолжал ей или сделал какую-нибудь пакость. Когда она смеялась, у всех окружающих выплескивалось из стаканов пиво, а когда бывала сердитой, не многим хотелось оказаться поблизости, чтобы узнать, чем кончится дело.

— Твои друзья вон за тем столиком, — указала она в глубину бара.

— Кто?

— Махмуд, Халф-Хадж и этот сопливый христианин.

— Мои бывшие друзья, — сказал я. Ио-Мама пожала плечами. Я прихватил свой стакан и направился к ним. Кмузу последовал за мной.

Махмуд, Жак и парнишка-американец Абдул-Хасан, любовник Саида, сидели за столом у края сцены. Сначала они не заметили меня, занятые какой-то незнакомой мне танцовщицей. Я подвинул к их столику еще пару стульев, и мы с Кмузу сели.

— Как жизнь, Марид? — спросил Махмуд. — Приехал проверять допуск-пропуск?

— Я уже слышал это от Роки, — ответил я. Махмуду было наплевать. В свою бытность девушкой он был достаточно строен и красив, чтобы работать здесь, в клубе Ио-Мама. Но после перемены пола он потолстел и нарастил мускулатуру. Я не хотел бы с ним связываться, чтобы узнать, кто из нас двоих сильнее.

— И что это мы пялимся на эту вертихвостку? — спросил Саид. Абдул-Хасан смотрел на танцующую девушку с ненавистью. Урок Халф-Хаджа не прошел даром.

— Она неплоха, — заметил Жак, обнаруживая в себе воинствующую оппозицию. — Она прехорошенькая, разве нет?

Саид плюнул на пол.

— Дебютантки на улице ничуть не хуже.

— Дебютантки на улице насквозь искусственные, — отрезал Жак, — а эта девочка хороша от природы.

— Да просто ее синтетика натуральнее, — отрезал Махмуд. — Я лучше понаблюдаю за телкой, которой не лень истратить на себя больше времени и денег, чтобы навести глянец.

— Ты хочешь сказать — которой посчастливилось обзавестись модди? — вставил Жак.

— Как ее зовут? — спросил я.

Они пропустили мой вопрос мимо ушей.

— Ты слышал, что Бланку убили? — спросил Махмуда Жак.

— Наверно, во время полицейского налета, — ответил Махмуд, сверкнув глазами в мою сторону.

Больше я не желал терпеть его выходки. Я выдвинул свой стул из-за стола.

— Допивай свою… содовую, — приказал я Кмузу.

Саид встал и подошел ко мне.

— Марид, — прошептал он, — не обращай на них внимания. Они просто хотят разозлить тебя.

— Они добились своего! — заметил я.

— Скоро им надоест, и все будет по-прежнему. Я допил свой бокал.

— Да уж, — ответил я, поражаясь наивности Саида. Абдул-Хасан посмотрел на меня, кокетливо взмахнув длинными ресницами. Я подумал: кем он захочет стать, когда повзрослеет, — мужчиной или женщиной?

Ио-Мама снова ушла в свой кабинет, но Роки с ней не попрощалась. Кмузу повел меня к выходу.

— Ну как, — спросил я его, — повеселился? Он тупо взглянул на меня, и вид у него был невеселый.

— Пошли к Чири, — предложил я. — Если кто-нибудь там посмеет косо взглянуть на меня, я его просто вышвырну. Это мой клуб. — Мне эта фраза жутко понравилась.

Мы проследовали в южном направлении и вскоре свернули на Улицу. Кмузу шел за мной с серьезным и подобострастным видом. Он был плохим компаньоном в выпивке, но в верности его я не сомневался. Я знал, что он не бросит меня, если даже повстречает какую-нибудь сговорчивую девицу.

— Почему ты не расслабишься? — спросил я его.

— Это не входит в мои обязанности, — ответил он.

— Ты раб и должен слушаться. Смотри на все проще.

В клубе я встретил радушный прием.

— Вот и он, леди! — воскликнула Чири. Наш хозяин. — На этот раз ее слова прозвучали жизнерадостно. В тот вечер в клубе работали три транссексуалки и две дебютантки. Остальные девочки вместе с Индихар выходили в дневное время.

Как это было чудесно: почувствовать себя в клубе как дома.

— Как наши дела, Чири? — спросил я.

— Паршивый вечер, — сказала она с отвращением. — Ничего не заработали!

— Ты всегда так говоришь.

Я прошел на свое обычное место в глубине рядом со сценой. Оттуда я мог видеть весь бар и каждого, кто в него входил. Кмузу сел рядом.

Чири брякнула рядом со мной пробковый поднос. Я постучал по столу перед носом Кмузу.

— Кто этот красавчик? — спросила Чири.

— Его зовут Кмузу, — сказал я. — Он не очень общителен.

Чири усмехнулась.

— Я займусь им. Откуда ты, дорогуша? — спросила она.

Он заговорил с Чири на каком-то африканском диалекте, но ни она, ни я не поняли ни слова.

— Я раб Сиди Марида, — заявил он.

Чири была обескуражена. Она чуть не потеряла дар речи.

— Раб? Извини меня, дорогуша, но нечем похвастаться. Какое же в этом достижение?

Кмузу покачал головой:

— Длинная история.

— Бьюсь об заклад… — Чири вопросительно взглянула на меня.

— Я ничего не знал об этом, — сказал я.

— Папочка просто взял и подарил его тебе, да? Как этот клуб?

Я кивнул. Чири поставила джин с бингарой на мой поднос и еще один — перед Кмузу.

— На твоем месте я бы опасалась разворачивать рождественские подарочки.

Ясмин добрых полчаса поглядывала на меня, прежде чем подойти поздороваться. Она решилась на это лишь потому, что две транссексуалки целовали меня и увивались вокруг, стараясь завоевать мое расположение. Кажется, они добились своего.

— Ты стал большим человеком, Марид, — заметила Ясмин.

Я пожал плечами:

— Я чувствую себя по-прежнему простым норафом.

— Но ты же знаешь, что это не так.

— И всем этим я обязан тебе. Ты воодушевила меня на операцию, которую предложил Папочка.

Ясмин опустила глаза.

— Да, конечно. Послушай, Марид, мне очень жаль, если… — Она снова посмотрела на меня.

Я взял ее за руку.

— Не жалей ни о чем, Ясмин. Что было, то было.

Она с благодарностью взглянула на меня.

— Спасибо, Марид. — Наклонилась, поцеловала в щеку и поспешила к столику, где сидели темнокожие моряки с торгового судна.

Остаток ночи пролетел мгновенно. Я опрокидывал стакан за стаканом и следил, чтобы Кмузу не отставал от меня. Он все еще полагал, что пьет содовую со странным лимонным соком…

Скоро я был пьян в стельку. Кмузу, вероятно, был тоже хорош. Помнится, Чири закрыла бар в три ночи. Она сняла кассу и выдала мне деньги. Я вручил ей половину купюр, как мы договорились, выдал Ясмин и остальным девочкам их жалованье. Но у меня все равно осталась толстая пачка.

Транссексуалка по имени Лили наградила меня пылким поцелуем, а другая, Рири — номером своего телефона. Кажется, она дала телефончик и Кмузу, очевидно, на спор. И тут я полностью отключился. Не знаю, как мы с Кмузу добрались домой, по крайней мере не в своем автомобиле. Думаю, Чири посадила нас в такси. Пришел я в себя в постели, увидев дремавшего стоя Кмузу, собиравшегося опрокинуть на меня апельсиновый сок е горячим кофе.

— Ну, и где же вода? — спросил я, спотыкаясь, с таблетками соннеина в одной руке и ботинками в другой.

— Вот она, яа Сиди.

Я взял стакан и проглотил таблетки.

— Еще и тебе осталась парочка… — предложил ему я.

Он испугался:

— Я не могу…

— Это не наркотики, это лекарство.

Кмузу долго боролся со своим предубеждением против лекарств, прежде чем взял одну соннеинку.

Но я все еще был далек от трезвого состояния, и слабо помогали соннеинки. Конкретно ничего не болело, но голова не прояснялась. Я быстро оделся, не глядя, что надеваю. Кмузу предложил мне позавтракать, но от одной мысли о еде затошнило. Хорошо еще, что на этот раз Кмузу не докучал мне. Думаю, в такой тяжелый день ему не улыбалось заниматься приготовлением завтрака.

Мы, пошатываясь, спустились по лестнице. Я вызвал такси, чтобы доехать до работы, а Кмузу поехал тем же рейсом за нашим седаном. Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и прислушался к тому, что творилось у меня в голове. В ушах у меня гудело, как в машинном отделении старинного теплохода.

— Да сбудет твой день удачным, — пожелал мне Кмузу, когда мы подъехали к зданию участка.

— Ты имеешь в виду, чтобы я дожил до ленча, — ответил я ему, выбрался из такси и протолкался сквозь толпу своих юных почитателей, бросив им несколько монеток.

Когда я вошел в свой бокс, сержант Катавина бросил на меня завистливый взгляд.

— Ты неважно выглядишь, — сказал он.

— Неважно себя чувствую. Катавина прищелкнул языком.

— Могу открыть секрет, что я делаю, когда у меня похмелье.

— Ты не приходишь на работу, — сказал я, падая на пластиковый стул. У меня не было желания с ним разговаривать.

— Это тоже помогает, — ответил он и, повернувшись, вышел из бокса. Он меня недолюбливал, но мне было на это наплевать.

Минут через пятнадцать вошел Шакнахай. Я все еще смотрел на экран компьютера, не в силах вгрызться в гору бумаг на столе, ожидавших меня.

— Где ты там? — позвал он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Хайяр хочет видеть нас обоих.

— От меня мало пользы, — мрачно буркнул я.

— Так и передам. Ну же, пошевеливайся.

Я нехотя последовал за ним по коридору в стеклянный кабинет Хайяра. Некоторое время мы стояли в дверях, пока Хайяр перебирал бумаги. Затем он поднял глаза от бумаг и внимательно посмотрел на нас. Это было предисловие. Он должен был сообщить нам что-то неприятное и вел себя так, чтобы мы знали, как неохотно он это делает.

— Мне не хотелось бы сообщать вам… — начал он, печально оглядывая нас.

— Может, тогда и не надо, лейтенант? — предложил я. — Пойдем, Иржи, оставим его в покое.

— Заткнись, Одран, — прервал меня Хайяр. — У нас официальная жалоба от Реда Абу Адиля. Помнится, я говорил вам прекратить расследование его дела. Вы так и не встретились с ним в тот раз, зато успели поговорить со множеством его подчиненных.

— О'кей, — бросил Шакнахай, — мы закрываем дело.

— Расследование закончено. Мы собрали всю нужную информацию.

— О'кей, — повторил Шакнахай.

— Все понятно. С этой минуты оставьте Абу Адиля в покое. У нас нет ничего против него. Никаких подозрений.

— Хорошо, — сказал Шакнахай. Хайяр взглянул на меня.

— Ладно, — сказал я. Хайяр кивнул.

— О'кей. А сейчас у меня для вас есть еще кое-что. — Он передал Шакнахаю листок бледно-голубой бумаги. Шакнахай мельком взглянул на него.

— Это рядом.

— Точно, — кивнул Хайяр. — Были жалобы от соседей. Похоже, очередной торговец детьми, но у этого парня скверные манеры. Если это Ой Чонг, хватайте его и везите сюда. Не беспокойтесь об уликах, их мы найдем позже, даже если вы ничего не обнаружите. Если его там нет, займитесь расследованием и представьте мне подробный отчет.

— А какое обвинение мы ему предъявим? — спросил я.

Хайяр пожал плечами:

— Да никакого. Он услышит обвинение во время следствия.

Я поглядел на Шакнахая. Тот тоже пожал плечами. Такие методы полиция использовала несколько лет назад. Лейтенант Хайяр, похоже, испытывал ностальгию по добрым старым временам.

Мы с Шакнахаем вышли из кабинета Хайяра и направились к лифту. Он засунул бумажку в нагрудный карман.

— Мы там не задержимся, — сказал он. — А потом пойдем перекусим.

При мысли о еде я испытал очередной приступ. Я понимал, что алкоголь по-прежнему бродит в моей крови, и молился Аллаху, чтобы мое состояние не навлекло на меня беды.

Мы проехали кварталов шесть и остановились у ветхих зданий из красного кирпича. На улице дети гоняли футбольный мяч, толкая друг друга и громко крича.

— Яа Сиди! Яа Сиди! — завопили они, когда я вылез из машины. Я понял, что среди них есть и те мальчишки, которым я каждое утро кидал монетки.

— Ты пользуешься бешеной популярностью в этом квартале, — заметил с любопытством Шакнахай.

Группы мужчин сидели на старых кухонных стульях перед своими домами, попивая чай, перебрасываясь словами и глазея на несущиеся мимо автомобили. При нашем появлении разговоры тут же смолкли. Нас встречали полные ненависти взгляды и злобный приглушенный шепот.

Шакнахай бросил взгляд на голубой листок и сверил с ним номер одного из домов.

— Этот, — сказал он.

На первом этаже находился магазин, в неосвещенной витрине которого громоздились картонные коробки…

— Похоже, он не работает, — сказал я. Шакнахай кивнул и подошел к группе мужчин, наблюдавших за нами.

— Кто-нибудь знает Он Чонта? — спросил он. Мужчины молча переглянулись.

— Этот подонок торгует детьми. Вы не видали его?

Вот уж не думал, что кто-нибудь из этого сборища небритых мужчин с хмурыми лицами нам поможет, однако в итоге один из них вызвался.

— Я хочу поговорить с вами, — заявил он. Остальные издевательски высмеяли его и плюнули вслед, когда он последовал за мной и Шакнахаем.

— Что ты знаешь о нем? — спросил Шакнахай.

— Этот Он Чонг появился здесь несколько месяцев назад, — сказал мужчина, нервно озираясь. — Каждый день в его магазин приходят женщины с детьми. Через некоторое время они выходят, но уже без детей.

— А что он делает с детьми? — спросил я.

— Он ломает им ноги, — с жаром сказал человек, — отрезает руки, вырывает язык, чтобы люди жалели их и давали деньги. А потом продает их мошенникам, которые выпускают калек на улицу просить милостыню. Иногда он продает девочек-подростков сводникам.

— Он Чонг не доживет до вечера, если Фридлендер Бей узнает об этом, — заявил я.

Шакнахай посмотрел на меня так, точно увидел перед собой законченного идиота, а затем вновь повернулся к мужчине:

— Сколько он платит за ребенка?

— Не знаю, — ответил тот. — Может, триста, а может, и все пятьсот киамов. Мальчишки дороже девочек. Иногда с другого конца города к нему приходят беременные женщины. Они остаются у него на неделю или на месяц. Потом возвращаются домой и говорят, что ребенок умер. — При этих словах мужчина поежился и затем затряс головой.

Шакнахай подошел к магазину и подергал дверь. Она загремела, но не открылась. Он вынул игломет и разбил стекло над замком, просунул руку и открыл его. Я последовал за ним в затхлое темное помещение.

Там было полно мусора, битых бутылок, картонок из-под продуктов, обрывков газет и упаковочного материала. Воздух был пропитан ананасовым запахом дезинфицирующего раствора. У одной из стен стоял искалеченный столик, с потолка свисала

проводка, в углу виднелась грязная раковина с одним подтекающим краном. Другой мебели я не заметил. По всей видимости, Чонга предупредили, что полиция заинтересовалась его делами. Мы обошли комнату, ступая по битому стеклу и обломкам пластика. Мы явно опоздали.

— Ничего не попишешь, — вздохнул Шакнахай. — На службе приходится тратить впустую уйму времени.

Мы вышли на улицу. Мужчины, сидевшие на кухонных табуретах, кричали на нашего добровольного осведомителя. Разумеется, никто из них не хотел оказать услугу Он Чонгу, но любой разговаривающий с полицией нарушал неписаный закон этих мест.

Мы поспешили к автомобилю. Он Чонг внушал мне отвращение, и руки у меня, конечно, чесались, я негодовал, но в конце концов был даже рад, что не удалось застать его врасплох: вид изувеченных им детей был бы слишком сильным зрелищем для меня.

— Что будем делать? — спросил я.

— С Он Чонгом? Напишем отчет. Может, он переехал в другую часть города или вообще смотался отсюда. Может, в один прекрасный день кто-нибудь поймает его и отрежет ему руки-ноги. Пусть тогда сидит на углу и клянчит милостыню — посмотрим, придется ли ему по вкусу такое занятие.

Женщина в длинном черном одеянии и сером платке перешла улицу. Она несла младенца, завернутого в клетчатую — красную с белым — каффию.

— Яа Сиди? — обратилась она ко мне. Шакнахай удивленно отошел в сторонку.

— Чем я могу помочь тебе, сестра? — спросил я. Обычно женщины не разговаривают на улице с незнакомыми мужчинами. Но я был для нее всего лишь полицейским:

— Дети сказали мне, что вы добрый человек, — сказала она. — Хозяин много запросил за квартиру — ведь у меня родился еще один ребенок. Он говорит…

Я вздохнул:

— Сколько тебе нужно?

— Двести пятьдесят киамов, яа Сиди.

Я дал ей пятьсот, отсчитав от суммы, выданной мне вчера вечером Чири. Мне оставалось еще достаточно.

— Значит, дети сказали правду, о достойнейший! — сказала она. В ее глазах блестели слезы.

— Не надо похвал, — возразил я. — Заплати хозяину за квартиру и купи еды себе и детям.

— Пусть Аллах дарует тебе новые силы, яа Сиди!

— Да будет с тобою Его благословение, сестра! Она поспешила по улице домой.

— Добрые дела согревают тебя? — спросил Шакнахай. Я не мог понять, шутит он или говорит всерьез.

— Я всегда рад хоть немного помочь людям, — ответил я.

— Трущобный Робин Гуд.

— Меня можно обозвать и похуже.

— Если бы Индихар знала эту сторону твоей личности, она бы относилась к тебе теплее.

Я взглянул на него: Шакнахай усмехался. Когда мы сели в машину, заговорил компьютер: «Номер 374, немедленно отвечайте. Совершил побег Пол Яварски. Его видели в кафе Мелула на улице Нур-Ад-Дин. Он вооружен и очень опасен. Будет стрелять на поражение. Туда же выехали другие подразделения».

— Мы выезжаем, — ответил Шакнахай. Треск компьютера прекратился.

— Кафе Мелула — это где мы ели в тот раз? — спросил я.

Шакнахай кивнул.

— Попробуем вытащить оттуда этого ублюдка, пока он еще не успел наделать дырок в котле для кускуса.

— Дырок? — переспросил я.

Шакнахай обернулся ко мне с широкой улыбкой:

— Он обожает старинные пистолеты. У него автоматическое оружие сорок пятого калибра. Пробивает в теле дырку, через которую запросто можно просунуть баранью ногу.

— Ты уже слышал об этом Яварски?

Шакнахай свернул на улицу Нур-Ад-Дин.

— Все уличные патрули уже несколько недель не сводят глаз с его фотографии. Говорят, он застрелил двадцать шесть человек. Он главарь Флэтхедской банды. За его голову обещана тысяча киамов.

Очевидно, эта информация предназначалась и для меня.

— Похоже, ты не очень-то заинтересован в его поимке, — заметил я.

Шакнахай махнул рукой:

— Я не уверен, что он там. Может, это очередной розыгрыш. Из этого квартала к нам поступает много ложных вызовов.

К Мелулу мы прибыли первыми. Шакнахай открыл дверцу и выбрался из машины. Я за ним.

— Что делать мне? — спросил я.

— Постарайся изолировать людей, — сказал он, — в случае, если…

В этот момент из кафе послышались выстрелы. Огнестрельное оружие всегда производит оглушительный шум.

Оно словно специально придумано для того, чтобы привлекать внимание, не то что треск статического ружья и шипение револьвера. Я бросился на землю и попытался достать из кармана статическое ружье. Вновь прозвучали выстрелы, донесся звон разбитого стекла. Окно, сообразил я.

Шакнахай лег на землю под стеной здания, где было безопасно. Он тоже вытаскивал свое оружие.

— Иржи, — окликнул я его.

Он махнул рукой в сторону; черного хода. Не успел я подняться и пробежать несколько ярдов, как Яварски показался в дверях кафе. Я обернулся и увидел, что Шакнахай преследует его по улице Нур-Ад-Дин, стреляя вдогонку из игломета. Шакнахай выстрелил четыре раза, и Яварски обернулся. Я смотрел на него и думал только о том, до чего же черное и огромное дуло у его револьвера. Казалось, оно было направлено прямо мне в сердце. Он выстрелил несколько раз, и кровь заледенела в моих жилах. Потом я понял, что он промахнулся.

Яварски вбежал во двор через несколько домов от заведения Мелула, и Шакнахай последовал за ним. Но, видимо, преступник сообразил, что не сможет выбраться оттуда на соседнюю улицу; он развернулся, бросаясь навстречу Шакнахаю. Я подбежал к ним, когда они стояли друг против друга и паля напропалую. У Яварски кончились патроны, и он попытался скрыться за угол двухэтажного дома.

Мы бросились за ним через двор. Шакнахай взбежал по лестнице черного хода, распахнул дверь и оказался внутри. Ноги мои тряслись от страха, но долг вынуждал меня последовать за ним. Открыв дверь, я сразу увидел Шакнахая. Прислонившись к стене, он перезаряжал игломет. Казалось, сержант не замечал большого темного пятна, расплывавшегося у него по рубашке.

— Иржи, ты ранен, — сказал я, облизывая пересохшие губы. Сердце у меня колотилось.

— Вижу. — Он глубоко вздохнул. — Пошли. Он медленно направился к дверям, вышел на улицу и остановил небольшой автомобиль.

— До нашей машины слишком далеко, — объяснил он мне, задыхаясь. Он взглянул на водителя. — Я ранен, — сказал он, садясь в машину.

Я сел рядом с ним.

— В больницу, — приказал я человеку за рулем. Водитель был похож на затравленного мышонка. Шакнахай выругался:

— К черту больницу! За ним, — указал он на фигуру, перебегающую от дома, в котором прятался Яварски, к следующему.

Яварски увидел нас и выстрелил на бегу. Пуля пробила ветровое стекло, но наш лысый водитель продолжал вести машину, а Яварски — перебегать от дома к дому. Между делом он оборачивался и успел сделать несколько выстрелов. Наш автомобиль выдержал еще пять попаданий.

Наконец Яварски добрался до последнего дома в этом квартале и взбежал на крыльцо. Шакнахай старательно прицелился и выстрелил. Яварски пошатнулся.

— Пошли, — сказал Шакнахай, хватая ртом воздух, — кажется, я попал.

Он распахнул дверцу автомобиля и упал на мостовую. Я выпрыгнул и помог ему встать.

— Где же они? — пробормотал Шакнахай.

Я оглянулся. Группа полицейских уже бежала по лестнице дома, в котором скрылся Яварски, а на улице я увидел три патрульные машины.

— Они тут, Иржи, — сказал я. Его лицо стало серым.

Шакнахай прислонился к простреленному автомобилю и судорожно вздохнул.

— Черт, больно, — выдавил он еле слышно.

— Ничего, Иржи. Сейчас отвезем тебя в больницу.

— Тут не просто совпадение — звонок по поводу Он Чонга, а затем этот Яварски.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

Ему было очень плохо, но в машину он не садился.

— «Дело Феникса», — сказал он, глядя мне в глаза, словно хотел, чтобы я запомнил все, что он сообщит мне сейчас. — Хайяр спустил его на тормозах, но я сделал для себя все необходимые записи. Им это не понравилось. Возьми на заметку, кому передадут мои дела. Но ничего не говори об этом, иначе до тебя тоже доберутся.

К дьяволу «Дело Феникса», Иржи. — Я правда здорово волновался за него.

— Возьми это. — Он вытащил из кармана тетрадь в коричневой виниловой обложке. Потом глаза его закрылись, и он сполз на землю около машины. Я посмотрел на водителя. — Вы заберете его в больницу.

Маленький лысый человечек сначала уставился на меня, затем перевел взгляд на Иржи. — Он перепачкает мне все чехлы, — сказал этот мышонок.

Я схватил ублюдка за шиворот и выбросил из машины.

Потом я со всей осторожностью устроил Шакнахая на заднем сиденье и помчался в госпиталь. В жизни я никогда не ездил с такой скоростью.

Но это уже не имело никакого значения. Я опоздал.

Глава 9

Я вспоминаю рубаи Хайяма, нечто на тему раскаяния:

> Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
> Станем думать о счастье, о светлом вине,
> Мне раскаянья Бог никогда не дарует,
> Ну, а если дарует — зачем оно мне?[1]

Будь добра, Чири, сказал я, протягивая опустевший стакан.

В клубе почти никого не осталось. Было уже поздно, я устало закрыл глаза и прислушался к музыке, пронзительной и гремящей: Кэнди обычно эту какофонию включала, когда подходила ее очередь танцевать. Мне становилось не по себе от одних и тех же песен.

— Почему бы тебе не пойти домой? — спросила меня Чири. — Я прекрасно справлюсь одна. В чем дело? Или ты не доверяешь мне?

Я открыл глаза. Она поставила передо мной стакан водки. Никакая выпивка не могла излечить мою глубокую апатию. Я мог пить ночи напролет, не пьянея. Оставалась только резь в желудке и головная боль, но желанное облегчение не приходило.

— Да нет, Чири, — ответил я. Я могу остаться. Занимайся своими делами, закрывай клуб. Скоро уже час, как никто не заходит.

— Что с тобой? — забеспокоилась Чири.

Я ничего не сказал ей о Шакнахае. Я никому не говорил о нем.

— Чири, у тебя нет никого, кому можно пору-чип» кое-какую грязную работу?

Она даже глазом не моргнула: Вот за что она мне нравилась, невозмутимая моя Чири.

— Разве ты не можешь найти профессионала? С твоими-то связями? Или у Палочки мало головорезов?

Я мотнул головой:

— Мне нужен человек, которому я доверял бы И на чью скромность мог бы рассчитывать впоследствии.

Чири усмехнулась:

— В общем, такой человек, каким был ты, пока тебе не выпал счастливый номер. А что ты скажешь о Моргане? Он умеет подчиняться и, думаю, не продаст тебя.

— Не знаю, — сказал я.

Морган был широкоплечим блондином, американцем из Федеративной Новой Англии. Мы вращались в разных кругах, но если его рекомендовала Чири, с ним было все о'кей.

— Зачем он тебе нужен? — спросила она.

Я почесал щеку. В глубине зала я видел свое отражение в зеркале: моя рыжая борода заметно поседела.

— Я хочу, чтобы он выследил для меня одного человека. Другого американца.

— Кстати, Морган — настоящий американец. Из Америки.

— Угу, — кисло ответил я. — Если они разорвут друг друга на части, никто о них не заплачет. Можешь ли ты связаться с ним прямо сейчас?

Она с сомнением покачала головой:

— Сейчас два ночи.

— Скажи ему, что здесь его ждет сотня киамов. Пусть придет поговорить со мной.

— Он придет, — сказала Чири. Она выудила из сумочки телефонную книжку и сняла трубку.

Я залпом опрокинул полстакана водки и уставился на входную дверь. Я ждал двоих.

— Ты выдашь нам жалованье? — спросила Чири минуту спустя.

Я смотрел на дверь и не слышал, что замолкла музыка, не видел, что все пять танцовщиц уже были одеты. Я встряхнул головой, прогоняя туман, но это не помогло.

— Ну, как у нас дела? — спросил я.

— Как всегда, — ответила Чири. — Паршиво.

Я разделил с ней пачку купюр и начал отсчитывать деньги девочкам. У Чири был список напитков, заказанных для них клиентами. Я подсчитал комиссионные и приплюсовал их к жалованью.

— Пусть завтра вечером никто не приходит, — сказал я.

— Правильно, — согласилась Кэнди, схватив свои деньги и устремляясь к выходу. Лили, Рани и Жамиль ждали своей очереди.

— С тобой все в порядке, Марид? — спросила Ясмин. Я взглянул на нее с благодарностью.

— Нормально, — сказал я. — Потом расскажу.

— Не хочешь ли позавтракать со мной?

Это было бы здорово. Я не выходил никуда с Ясмин целую вечность. Да и с любой другой девчонкой тоже. Но сегодня у меня было неотложное дело.

— Давай перенесем встречу на завтра, Ясмин, — предложил я.

— Хорошо, Марид, — сказала она, уходя.

— Тебе кто-то перешел дорогу? — спросила Чири.

Я помотал головой.

— Иди домой, Чири.

— А ты останешься сидеть один в темноте? Я помахал ей рукой. Чири пожала плечами и ушла. Я допил водку и плеснул еще. Через двадцать минут в клуб вошел тот самый блондин, американец. Он кивнул мне и что-то сказал по-английски.

Я ответил жестом непонимания, открыл свой дипломат, вынул англоязычный дэдди и включил его. Всего одну секунду мой мозг расшифровывал только что услышанную фразу, а затем дэдди заработал так, будто я всю жизнь говорил по-английски.

— Прости, что побеспокоил тебя в столь поздний час, Морган, — сказал я.

Он провел своей могучей рукой по волосам. — Так что же у тебя случилось?

— Хочешь выпить?

— Если за счет заведения, не откажусь от стаканчика пива.

— Наливай сам.

Он перегнулся через стойку и поставил чистый стакан под один из кранов.

— Чири говорила мне что-то насчет сотни киамов.

Я вытащил деньги. Толщина пачки приводила меня в ужас. Либо мне следовало почаще посещать банк, либо меня должен был охранять с утре до ночи Кмузу. Я отсчитал пять двадцатикиамовых банкнотов и подтолкнул их Моргану.

Он вытер губы тыльной стороной руки и придвинул деньги к себе. Морган взглянул на банкноты, потом опять на меня.

— А теперь — можно идти? — спросил он.

— Конечно, — кивнул я, — если не хочешь заработать еще тысячу.

Он пристроил на нос очки в железной оправе и улыбнулся. Интересно, эти очки он носил во необходимости или же как дань моде? Если бы у Моргана было плохое зрение, он мог бы довольно дешево восстановить его.

— Это будет поинтереснее моей нынешней работы, — сказал он.

— Вот и хорошо. Мне нужно разыскать одного человека, — И я рассказал ему про Пола Яварски.

Когда я упомянул Флэтхедскую банду, Морган понимающе кивнул.

— Это тот самый парень, который сегодня убил полицейского? — поинтересовался он.

— Да. Он сбежал.

— Но в таком случае полиция до него рано или поздно доберется — спорю на что угодно.

На моем лице не дрогнул ни один мускул.

— Я не хочу слышать насчет «рано» или «поздно». Я сейчас хочу знать, где он, и задать ему пару вопросов перед тем, как он попадет в руки правосудия. Вероятно, он где-то затаился, раненный из игломета.

— И ты платишь тысячу киамов за этого парня? Я плеснул себе в стакан лимонного сока и отпил немного.

— Да.

— Ты хочешь, чтобы я его поучил?

— Просто разыщи его — надо опередить Хайяра.

— А-а, — догадался Морган, — начинаю тебя понимать. После того как в него запустит когти лейтенант, Яварски уже ничего никому не расскажет.

— Точно. А мы этого не хотим.

— Не хотим, верно. А ты дашь мне аванс?

— Пятьсот сейчас и столько же — после. — Я отсчитал ему пятьсот киамов. — О результатах я узнаю завтра?

Морган сграбастал деньги и хищно усмехнулся:

— Спокойной ночи. Завтра на рассвете адрес и телефон Яварски будет у тебя в руках.

Я встал.

— Допивай свое пиво и пошли. Здесь мне становится тоскливо.

Морган оглядел темное кафе.

— Без девочек и зеркальных шаров действительно скучновато. — Он залпом допил стакан и поставил его на стойку.

Я проводил его до двери.

— Разыщи мне Яварски, — еще раз сказал я.

— Считай, он у тебя в кармане. — Морган махнул рукой и вышел.

Я снова сел за свой столик. Для меня ночь еще не закончилась.

Перед приходом Индихар я успел опорожнить еще пару стаканчиков. Я ждал ее.

На ней было свободное голубое пальто, а волосы повязаны каштаново-золотистым шарфом. Лицо напряженное и бледное, губы плотно сжаты. Она подошла к столику и поглядела на меня сухими глазами. Я не мог представить себе плачущую Индихар.

— Мне надо поговорить с тобой, — сказала она холодно и спокойно.

— Именно для этого я здесь, — сказал я. Индихар отвернулась и посмотрела на свое отражение в зеркале за сценой.

— Сержант Катавина говорил, что ты был не в форме сегодня утром. Это правда? — Она снова перевела взгляд на меня, ее лицо оставалось абсолютно спокойным.

— Правда ли это? — повторил я. — Что я плохо себя чувствовал?

— Что ты был под балдой или с похмелья, когда вышел на работу вместе с моим мужем?

Я вздохнул.

— Мы накануне погуляли… Правда, не очень сильно.

Она сжимала и разжимала руки. Ее рот скривился.

— Ты не думаешь, что у тебя была замедленная реакция?

— Нет, Индихар, — ответил я. — Не думаю, что это как-то на меня повлияло. Ты хочешь обвинить меня в том, что случилось? Ты пришла сюда для этого?

Она медленно повернулась ко мне лицом и посмотрела мне прямо в глаза.

— Да, я хочу обвинить тебя. Ты не спешил к нему на помощь и вовремя не прикрыл его. Если бы ты сделал это, он остался бы жив.

— Ты не можешь обвинить меня. — Я ощущал дурноту, а отвратительная пустота где-то внутри усиливала это ощущение в несколько раз. Чувство вины крепло во мне с той минуты, когда я оставил Шакнахая на больничной койке под пропитанной кровью простыней на лице.

— Мой муж был бы жив, и у моих детей был бы отец. А сейчас у них нет отца. Я еще не сказала им. Я не могу признаться в этом даже себе. Может быть, только завтра я пойму, что Иржи больше нет, и буду решать, как мне прожить без него день, неделю, всю оставшуюся жизнь.

Подкатила внезапная тошнота, и я закрыл глаза. Может, мне все это кажется? Должно быть, это ночной кошмар. Когда я открыл глаза, Индихар все еще глядела на меня. Что ж, как бы там ни было, нам предстоит доиграть эту жуткую сцену.

— Я…

— Не говори мне, что сожалеешь об этом, сукин ты сын, — сказала она, не повышая голоса. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь говорил мне об этом.

Я сидел и слушал все, что она хотела мне высказать. Все эти обвинения я уже давно предъявил себе. Если б я не напился накануне, если бы утром не глотал соннеин…

Наконец она замолчала, глядя на меня с выражением отчаяния. Всем своим видом, самим фактом своего присутствия она обвиняла меня. Мы оба думали об одном, и этого было достаточно. Потом она повернулась и твердой, уверенной

походкой вышла из клуба.

Я чувствовал себя полностью уничтоженным. Я нашел телефон, по которому звонила Чири, и назвал свой домашний код. Раздалось три гудка, прежде чем Кмузу ответил.

— Ты приедешь за мной? — спросил я, еле ворочая языком.

— Ты у Чириги? — спросил он.

— Да. Приезжай быстрее, пока я не покончил с собой. — Я брякнул аппарат на стойку и налил себе еще стакан, чтобы убить время до появления Кмузу.

Когда он приехал, у меня уже был готов для него подарочек. — Протяни руку, — приказал я. — Что это, яа Сиди?

Я высыпал в его ладонь все таблетки из коробочки, захлопнул ее и убрал в карман..

— С этим покончено, — сказал я. Выражение его лица не изменилось. Он сжал таблетки в кулаке.

— Вы поступили мудро, — произнес Кмузу.

— Я немного запоздал.

Я поднялся и вышел за ним в ночную прохладу; запер кафе, и мы поехали домой. Я долго стоял под душем, подставив тело под обжигающие струи, пока горячая вода не сняла с меня часть напряжения. Затем вытерся и направился в спальню. Кмузу принес мне чашечку горячего шоколада. Я пригубил ее с благодарностью. — Вам понадобится что-нибудь еще, яа Сиди? — спросил он.

— Послушай, Кмузу. Завтра я не пойду на работу. Дай мне поспать, ладно? Я не хочу, чтобы мне мешали, не хочу подходить к телефону и разбираться с чужими проблемами.

— Если только хозяин дома не потребует вас к себе, — напомнил Кмузу.

Я вздохнул:

— Разумеется. Но в любом другом случае…

— Я позабочусь, чтобы вас не беспокоили.

Я не включил дэдди-будильник и спад всю ночь беспокойно. Несколько раз я просыпался от ночных кошмаров, пока наконец на рассвете не уснул глубоким сном измученного человека. Я выбрался из постели лишь к полудню. Надел старенькие джинсы и клетчатую рубашку, которые я не часто носил в доме Фридлендер Бея.

— Вы не хотите позавтракать, яа Сиди? — спросил Кмузу.

— Нет, я хочу сегодня отдохнуть от еды. Он нахмурился:

— Вас сегодня ожидает одно важное дело.

— Попозже, — согласился я.

Я подошел к столу, на который бросил вечером дипломат, и выбрал из коробки модди Мудрого Советника. Решив, что мой

утомленный мозг нуждается в срочной терапии, я сел в удобное кресло, обтянутое черной кожей, и включил модди.

Когда-то в Мавритании жил-был (а может, никогда и не жил) знаменитый дурак, обманщик и мошенник по имени Марид Одран. Однажды, когда Одран вел свой кремовый вестфальский седан, направляясь по важному делу, с ним столкнулась другая машина — старая, требующая ремонта. И хотя водитель этой развалины сам был виноват во всем случившемся, он выскочил из груды обломков и заорал на Одрана:

— Посмотри, что ты сделал с моей прекрасной машиной!

Этот водитель был лейтенант полиции Хайяр. За ним из машины вылезли Реда Абу Адиль, шиит Хасам и Пол Яварски. Все четверо стали угрожать Одрану и оскорблять его, хотя он повторял, что не совершил никакого нарушения.

Яварски пнул ногой искореженное крыло автомобиля.

— Ему концы, — сказал он. — По совести, ты должен отдать нам свою машину.

Одран был один против четверых, враждебно настроенных людей. Он вынужден был согласиться.

— А ты не собираешься вознаградить нас за то, что мы наставили тебя на истинный путь? — спросил Хайяр.

— Если бы мы не настояли на своем, — сказал Хасан, — твои действия привели бы тебя к вражде с Аллахом.

— Вероятно, — ответил Одран. — И сколько же я вам должен за эту услугу?

Реда Абу Адиль развел руками, словно говорил об очевидном.

— Плата чисто символическая, как должно быть между братьями по вере, — сказал он. — Ты можешь дать каждому из нас по сотне киамов.

Одран передал ключи от кремового седана лейтенанту Хайяру и заплатил каждому по сотне.

Весь жаркий солнечный день Одран толкал разбитый автомобиль Хайяра в направлении города. Он припарковал его в. середине рыночной площади и пошел искать Саида Халф-Хаджа.

— Ты должен помочь мне рассчитаться с Хайяром, Абу Адилем, Хасаном и Яварски, — сказал он ему, и тот согласился.

Одран прорезал дыру в полу автомобиля, а Саид лег на пол с небольшим мешочком золотых монет, закрыв дыру одеялом так, что его не стало видно. Одран завел мотор и стал ждать.

Некоторое время спустя появились четверо негодяев. Они застали Одрана сидящим в тени разбитого автомобиля и засмеялись.

— Он не проедет и двух дюймов! — засмеялся Яварски. — Для

чего ты разогреваешь мотор?

Одран взглянул на него.

— У меня свои причины, — сказал он. и улыбнулся, словно скрывал чудесную тайну.

— Какие причины? — потребовал Абу Адиль. — Наверно, у тебя спеклись мозги на солнышке?

Одран встал и потянулся.

— Думаю, мне нужно вам рассказать, — с легкомысленным видом произнес он. — Ведь именно вам я обязан своей удачей.

— Удачей? — подозрительно переспросил Хайяр.

— Вот, — указал Одран, — смотрите. — И подвел четверых мерзавцев к открытому капоту автомобиля.

— Писайте туда! — велел он.

— Нет, ты точно спятил, — сказал Яварски.

— Тогда я сделаю это сам, — сказал Одран и подкрепил свои слова делом. — Момент!.. Вот! Слышите?

— Ничего не слышу! — ответил Хасан.

— Слушайте! — приказал Одран.

Из-под машины послышался нежный звон: «дзинь!», «дзинь!».

— Взгляните!

Реда Абу Адиль опустился на четвереньки и, несмотря на пыль и унизительную позу, заглянул под автомобиль.

— Будь я проклят! — закричал он. — Золото! — Он распластался на земле и протянул руку. Когда он выпрямился, в руке его были золотые монеты. Он показал их изумленным дружкам.

— Слушайте, — вновь призвал Одран.

И все снова услышали («дзинь!», «дзинь!») звон падающих золотых монет.

— Он мочится в автомобиль, — пробормотал Хасан, — а из автомобиля падает золото.

— Пусть Аллах дарует тебе процветание, если ты отдашь мне обратно мою машину! — закричал лейтенант Хайяр.

— Нет, я не могу этого сделать, — ответил Одран.

— Забирай свой кремовый вестфальский седан, и по рукам, — предложил Яварски.

— Нет, — повторил Одран.

— Каждый из нас даст тебе в придачу по сотне киамов, — г сказал Абу Адиль.

— Нет, — сказал Одран.

Они все просили и просили без устали, а Одран отказывался и отказывался. В итоге они предложили возвращение седана и по пятьсот киамов с носа. Только тогда он согласился.

— Приходите через час, — сказал Одран. — Ведь я владелец

имущества, оставшегося в машине.

Когда они ушли, Одрам, и Саид разделили между собой полученные деньги.

Я зевнул и отключил Мудрого Советника. Мне пришлось по душе увиденное, за исключением шиита Хасана, давно умершего, который при всем своем желании никак не мог ездить на автомобиле. Я прикинул, что могла бы для меня значить эта забавная история. И понял, что подсознание мое все это время работало над задачей, поставленной передо мной врагами. Догадка меня порадовала. Я уже понял, что силой ничего не добьешься. Тем более у меня ее и не было.

И тут я почувствовал себя несколько иным человеком: более решительным, что ли. Я был свободен, голова моя была ясной. Свирепо стиснув челюсти, я ощутил, что никто никогда больше не сможет мной командовать. Смерть Шакнахая сде-

лала меня другим, вдохнула в меня новые силы. Я словно находился в беспримесном кислороде: светлом, чистом и взрывоопасном.

— Яа Сиди, — тихо сказал Кмузу. — Что такое?

— Хозяин дома сегодня болен и просит вас заменить его в одном небольшом деле.

Я снова зевнул: — А-а, хорошо. В каком же?

— Я не знаю.

Новое чувство свободы заставило меня забыть о том, что подумает Фридлендер Бей о моей одежде. Теперь это больше не имело значения. Папочка держал меня на привязи, но довольно, теперь я не намерен мириться с этим. Я даже хотел прямо намекнуть ему об этом, но его болезненный вид заставил меня отложить свое решение.

Он сидел в постели, обложившись высокими подушками. В ногах у Фридлендер Бея был столик на колесиках с большой стопкой деловых папок, отчетов, разноцветных дискет и крошечный микрокомпьютер. В одной руке он держал чашку горячего ароматного чая, а в другой — один из подаренных Умм Саад фиников. Вероятно, Умм Саад думала своим подарком задобрить Папочку, надеясь, что он забудет свое последнее приказание. Если честно, проблемы Фридлендер Бея с Умм Саад казались мне сейчас мелкими и банальными; в разговоре с Папочкой я даже не упомянул о ней.

— Я молюсь о твоём здоровье, — подал я голос. Папочка поднял на меня глаза и поморщился:

— Ничего серьезного, о мой племянник. Просто тошнота и головокружение.

Я наклонился и поцеловал его в щеку. Он что-то невнятно пробормотал.

Я ждал, что Папочка объяснит, по какому делу позвал меня.

— Юсеф доложил мне, что внизу в приемной сидит толстая сердитая женщина, — сказал он, нахмурившись. — Ее имя Тема Оквит. Она пришла издалека с просьбой ко мне и ждет, призвав на помощь Аллаха и меру терпения. — С какой просьбой? — спросил я.

Папочка пожал плечами:

— Она представляет новое правительство Республики Сонгей.

— Никогда не слыхал о ней.

— Месяц назад эта страна называлась Славное Королевство Сегу. Перед этим была Магистратом Тимбукту, еще раньше — Мали, а еще прежде частью французских владений в Западной Африке.

—. Значит, женщина по фамилии Оквит — эмиссар нового режима?

Фридлендер Бей кивнул. Он хотел. сказать что-то еще, но его глаза закрылись, а голова упала на подушки. Фридлендер Бей провел рукой по лбу.

— Прости меня, племянник, — простонал он. — Я не очень хорошо себя чувствую.

— Тогда не думай сейчас ни об этой женщине, ни о ее просьбе.

— Проблема такова: король Сегу, потеряв свое королевство, бежал. С собой он прихватил королевскую сокровищницу. Это уж само собой разумеется, короли всегда так поступают. Его приближенные уничтожили в столичных компьютерах все документы. Республика Сонгей начала свое существование без каких бы то ни было сведений о численности своего населения и даже о государственных границах. Не было баз налогообложения, не было списка государственных служащих и их обязанностей, а также точной информации о вооруженных силах. Сонгей в преддверии катастрофы.

Я понял все.

— Итак, они посылают к нам человека. Хотят, чтобы в их стране навели порядок.

— Без системы налогообложения новое государство не сможет платить своим служащим и, стало быть, не сможет нормально функционировать. Сонгей скоро ожидает всеобщая забастовка. Военнослужащие дезертируют, и страна окажется беззащитной перед любым соседним государством.

— Но что нужно этой женщине от тебя? Папочка развел руками.

— Проблемы Сонгей не в моей компетенции, — сказал он. — Я говорил тебе, что мы с Реда Абу Адилем поделили мусульманский мир на сферы влияния. Эта страна находится в его юрисдикции. Я не имею дела с государствами, прилегающими к Сахаре.

— Оквит должна была сначала обратиться к Абу Адилю.

— Совершенно верно. Юсеф передал ей записку, но она накричала на него и ударила беднягу. Она думает, что мы хотим вынудить ее государство заплатить нам огромную сумму.

Папочка поставил чашку, порылся в бумагах, разбросанных в беспорядке по его одеялу, и дрожащей рукой протянул мне толстый конверт:

— Вот материалы и контракт, которые она мне предложила. Скажи, чтобы она передала все это Абу Адилю.

Я испустил тяжелый вздох. Встреча с Оквит быть приятной не обещала.

— Я поговорю с ней, — сказал я.

Папочка задумчиво кивнул. Он сбросил с плеч одно неприятное дело и уже начал обдумывать другое. Пробормотав несколько учтивых фраз, я вышел из комнаты. Он даже не заметил моего исчезновения.

Кмузу ожидал меня в коридоре, ведущем из Папочкиной квартиры.

Я передал ему свой разговор с Фридлендер Беем.

— Я иду на встречу с этой женщиной, — сказал я, — после чего мы вместе поедем к Абу Адилю.

— Хорошо, яа Сиди, но, может быть, мне стоит подождать вас в машине, ведь Реда Абу Адиль, без сомнения, считает меня предателем.

— Хм… Это потому, что ты раньше был телохранителем его жены, а теперь служишь у меня?

— Потому, что он хотел, чтобы я стал шпионом а доме Фридлендер Бея, а я больше себя таковым не считаю.

С самого начала я догадывался о том, что Кмузу — осведомитель, но считал его шпионом Папочки, а не Абу Адиля. — Значит, ты не передаешь ему сведений?

— Кому, яа Сиди?

— Абу Адилю.

Кмузу улыбнулся честно и открыто:

— Я уверяю вас, что нет. Но хозяину дома я, конечно, передаю все.

— Ладно, с этим разобрались.

Мы спустились по лестнице и остановились на пороге приемной. Говорящие Камни стояли по обеим сторонам двери.

Они угрожающе поглядели на Кмузу. Кмузу сверкнул глазами в ответ. Я проигнорировал их всех и вошел в дом.

Как только я ступил на порог, чернокожая женщина вскочила с места.

— Я требую объяснений! — закричала она. — Предупреждаю вас, что я законный посол правительства Республики Сонгей.

Я прервал ее речь, остановив женщину строгим взглядом.

— Мадам Оквит, — сказал я, — я подтверждаю информацию, полученную вами ранее. Вы действительно обратились не по адресу. Но я берусь устроить ваше дело, передав документы из этого конверта шейху Реда Абу Адилю — человеку, принимавшему участие в основании Королевства Сету. Он окажет вам необходимую помощь.

— А какую плату вы просите за посреднические, услуги? — выпалила Оквит.

— Платы не надо, — пожал я плечами. — Это жест дружбы по отношению к новой исламской республике.

— Наша страна очень молода. Мы не верим в дружбу на словах.

— Ваше право. — Я снова пожал плечами. — Неудивительно, что король Сегу не доверял вам. — Я повернулся и вышел из комнаты.

Мы с Кмузу быстро зашагали по коридору к большой деревянной входной двери. За нами по выложенному плиткой полу раздавались торопливые шаги Оквит.

— Подождите! — закричала она. В ее голосе я расслышал примирительные интонации.

Я остановился и повернулся к ней.

— Да» мадам? — отозвался я.

— Этот шейх… он действительно мне поможет? Или он просто какой-нибудь особенно изворотливый мошенник?

Я холодно улыбнулся ей: — Не понимаю причин вашего недоверия. Ситуация ваша безнадежна, и Абу Адиль ухудшить ее не может. Терять вам нечего. Вы можете только приобрести.

— Мы не богаты, — сказала Оквит. — После того как король Олуйими довел народ до нищеты и промотал наше небольшое национальное достояние, у нас еще осталось немного золота…

Кмузу поднял руку. Должен заметить, что он редко вмешивается в чужие разговоры.

— Шейх Реда заинтересован не столько в вашем богатстве, сколько в могуществе, — заявил он.

— Могуществе? — переспросила Оквит. — Какое могущество ему нужно?

— Он упрочит ваше положение, — объяснил Кмузу, — и

попутно воспользуется кое-какой информацией.

Я почувствовал, что она заколебалась.

— Тогда я настаиваю на том, чтобы именно вы отвезли меня к этому человеку. Это мое право.

Мы с Кмузу переглянулись. Каждый из нас знал, что в ее положении наивно думать о каких бы то ни было правах.

— Хорошо, — сказал я. — Но я первым переговорю с Абу Адилем.

Она поглядела на меня с подозрением:

— Это зачем?

— Затем, что так надо.

Мы с Кмузу вышли. Он направился к машине, а я тем временем грелся на солнышке. Через минуту ко мне присоединилась мадам Оквит. Вид у нее был разгневанный, но она молчала.

На заднем сиденье седана я открыл дипломат и, выбрав из коробки модди Крутого Парня, подаренный Саидом, подключил его. Модди внушил мне правдоподобную иллюзию — теперь никто не мог помешать мне: ни Абу Адиль, ни Хайяр, ни Кмузу, ни Фридлендер Бей.

Оквит села рядом со мной, отодвинувшись как можно дальше, сцепив руки на коленях и глядя в окно. Ее мнение на мой счет было мне глубоко безразлично. Я снова открыл тетрадь Шакнахая в коричневой виниловой обложке. На первой странице было крупно выведено: «Дело Феникса». Ниже следовало несколько записей:

> «Исхак Абдул-Хади Бухатта — Элво Чами (сердце, легкие)
>
> Андреа Свобик — Фатима Хамдан (желудок, кишечник, печень)
>
> Аббас Карами — Набил Абу Халиф (почки, печень)
>
> Бланко Матаро».

Шакнахай бью уверен, что между четверкой имен в левой половине листа была какая-то связь, но, по словам Хайяра, это были всего лишь «незавершенные дела». Под именами Шакнахай написал три арабские буквы: «Алиф», «Лами», «Мим», соответствующие латинским «А», «Эль», «Эм».

Что бы это значило? Может, акроним? Я мог бы найти сотню организаций, сокращенное название которых было бы «А.Л.М.». Или же «А» и «Л» означали определенный артикль, а «М» — первую букву фамилии какого-нибудь аль-Манура или аль-Магреби. А может быть, Шакнахай использовал сокращение: Альмани (немецкий), или алмаз (бриллиант), или еще что-нибудь

в этом роде. Я призадумался, смогу ли я вообще без знания шифра Шакнахая понять обозначение этих трех букв.

Я вставил кассету в аудиосистему автомобиля, положил тетрадь и конверт Темы Оквит в дипломат и закрыл его. И пока Умм Халтум, леди двадцатого века, пела свои погребальные песни, я представил себе, что она оплакивает Иржи Шакнахая, разделяя печаль Индихар и ее детей. Оквит все еще смотрела в окно, игнорируя меня. Тем временем Кмузу вел автомобиль по узким извилистым улочкам Хамидийи, кварталу трущоб, охраняющих подступы к особняку Реда Абу Адиля.

После получаса езды мы въехали в поместье. Кмузу остался в машине, прикидываясь задремавшим шофером. Мы с Оквит выбрались из автомобиля и направились по выложенной плиткой дорожке к дому. В прошлый раз, когда мы были здесь с Шакнахаем, меня потрясли роскошный сад и красота дома. Сегодня я не замечал ничего. Я постучал в резнуто деревянную дверь, и слуга немедленно открыл мне, высокомерно оглядев, но не проронив ни слова.

— У нас дело к шейху Реда, — произнес я, протискиваясь мимо него. — От Фридлендер Бея.

Благодаря модди Саида, я вел себя напористо и бесцеремонно, но, казалось, слугу это ничуть не задевало. Он закрыл дверь за Темой Оквит и, обогнав меня, пошел дальше, по коридору с высокими потолками, возглавляя шествие. Мы шли за ним. Он остановился перед закрытой дверью в конце длинного прохладного коридора. Как и в прошлый раз, в доме Абу Адиля пахло розами. Слуга, так ничего и не сказав, ушел, наградив меня напоследок еще одним высокомерным взглядом.

— Подождите здесь, — сказал я, повернувшись к Оквит.

Она заспорила:

— Не нравится мне все это.

— Плохо, что не нравится. — Я не знал, что меня ожидает за дверью, но, чтобы не стоять в томительном ожидании с ней в коридоре, взялся за дверную ручку и вошел в комнату.

Ни Реда Абу Адиль, ни его секретарь Умар Аб-дул-Кави не слышали, как я вошел. Абу Адиль, как и в прошлый раз, возлежал на своем ложе. Над больным склонился Умар. Я не мог разобрать, чем он там занят.

— Пусть Аллах дарует вам здоровье, — громко произнес я, привлекая к себе внимание.

Умар быстро выпрямился и обернулся ко мне: — Как вы сюда попали?

— Ваш слуга проводил меня сюда. Умар кивнул:

— Это Камаль. Я поговорю с ним. — Он подошел ко мне

поближе. — Извините, не припомню вашего имени.

— Марид Одран. Я работаю на Фридлендер Бея. — Ах да! — сказал Умар. Выражение его лица немного смягчилось. — В прошлый раз вы приходили как полицейский.

— Я не полицейский в полном смысле этого слова. Я только представляю интересы Фридлендер Бея в полиции.

Чуть заметная усмешка мелькнула на губах Умара:

— Как вам будет угодно. Вы и в данный момент представляете его интересы?

— Его и ваши интересы.

Слабой рукой Абу Адиль тронул рукав Умара. Умар наклонился, чтобы выслушать еле слышный шепот старика, затем снова выпрямился.

— Шейх Реда просит вас чувствовать себя как дома, — сказал Умар. — Если бы вы предупредили нас о своем визите, мы сделали бы все необходимые приготовления.

Я поискал взглядом стул и сел.

— Сегодня в дом Фридлендер Бея пришла очень расстроенная женщина, — начал я. — Она представляет революционное правительство славного Королевства Сегу. — Я открыл дипломат, достал конверт Республики Сонгей и передал его Умару.

Умар взглянул на конверт с любопытством.

— Так быстро? Я думал, Олуйими продержится дольше. После того как переведешь весь государственный капитал в иностранные банки, нет смысла больше держаться за трон.

— Я пришел поговорить о другом. — Модди Халф-Хаджа мешал мне быть вежливым с Умаром. — По вашему соглашению с Фридлендер Беем эта страна подпадает под вашу юрисдикцию. Всю необходимую информацию вы обнаружите в конверте. Дама ждет в коридоре. По-моему, это настоящий головорез в женском обличье. Я рад, что иметь с ней дело предстоит вам, а не мне.

Умар покачал головой:

— Вечно они стараются навязать нам что-нибудь. А ведь как много могли бы мы для них сделать, если бы нас не беспокоили по пустякам.

Я смотрел, как он вертит конверт в руках над столом. Слабый сдавленный стон раздался из постели Абу Адиля, но слишком много настоящих страданий видел я в жизни, чтобы жалеть человека, страдающего от причуд Прокси Хелл. Я снова поглядел на Умара.

— Не можете ли вы немного растормошить вашего хозяина? — спросил я. — Мадам Оквит хочет поговорить с ним. Она полагает, что в ее руках находится судьба исламского мира.

Умар иронично улыбнулся.

— Республика Сонгей, — произнес он, недоверчиво покачав головой. — Завтра она снова станет королевством или завоеванной провинцией, а может, и фашистской диктатурой. И никому не будет до нее дела.

— Это-то и тревожит мадам Оквит. Умар еще больше развеселился:

— Мадам Оквит попадет в первую же волну чисток. Но хватит о ней. Нам еще предстоит обсудить вопрос о вашем вознаграждении. Я пристально посмотрел на него.

— У меня и мысли не было о нем, — сказал я.

— Разумеется. Вы всего лишь выполняли условия соглашения между вашим хозяином и мною. Но отблагодарить за дружескую помощь — решение безусловно мудрое. Ведь тот, кто помог тебе однажды, вероятнее всего, поможет и в другой раз. Может, и я смогу оказать вам небольшую услугу.

В этом и состояла цель моего визита к Абу Адилю. Я развел руками, стараясь выглядеть как можно непринужденней.

— Мне ничего не надо, — отвечал я. — Разве что…

— Что же, мой друг?

Я притворился, что рассматриваю стертый каблук своего ботинка.

— Разве что… мне хотелось бы знать, зачем вы заслали к нам Умм Саад.

Умар ответил столь же непринужденно:

— Вы уже, вероятно, поняли, что Умм Саад очень умная женщина, но она все же не так умна, как думает. Мы просили ее только информировать нас о планах Фридлендер Бея. И никоим образом не рекомендовали вступать в прямую конфронтацию с ним или платить черной неблагодарностью за его гостеприимство. Она по собственной воле вступила в конфликт с вашим хозяином и тем самым потеряла для нас ценность. Вы можете распоряжаться ею, как вам угодно.

— Так я и думал, — кивнул я. — Фридлендер Бей не считает вас и шейха Реда ответственными за ее действия.

Умар поднял руку в притворном сожалении

— Аллах дарует нам орудия для достижения цели, — сказал он. — Иногда они ломаются, и нам приходится их выбрасывать.

— Да славится имя Аллаха! — пробормотал я.

— Славится имя Аллаха! — эхом отозвался Умар. Кажется, мы нашли общий язык.

— Я хочу попросить вас еще кое о чем, — сказал я. — Вчера застрелили моего напарника, офицера Шакнахая.

Умар все еще улыбался, но лоб его прорезали морщины.

— Мы слышали об этом и скорбим вместе с его вдовой и детьми. Пусть Аллах дарует им покой.

— Да, пусть. Но в любом случае я хочу найти человека, виновного в его гибели. Его имя Пол Яварски.

Я посмотрел на Абу Адиля, который беспокойно заворочался на постели. Толстый старикашка издал несколько низких невнятных звуков, но Умар не обратил на него никакого внимания.

Разумеется, — произнес визирь Абу Адиля, — мы будем рады оказать вам всю возможную помощь. Если кто-нибудь из наших друзей узнает что-либо об этом Яварски, мы немедленно сообщим вам.

Слова его мне не понравились. Он произнес все это уж слишком бойко, но выглядел при этом весьма озабоченным. Я поблагодарил его и собрался уходить.

— Минутку, шейх Марид, — тихо произнес Умар. Он взял меня за руку и повел к другому выходу. — Пару слов наедине. Не окажете ли любезность пройти в библиотеку?

Я был заинтригован. Я нашел, что приглашение исходит лично от Умара Абдул-Кави, а не от секретаря шейха Реда Абу Адиля.

— Хорошо, — отвечал я, следуя за ним.

Он поднял руку и отключил свой модди, даже не взглянув на Абу Адиля.

Умар гостеприимно распахнул мне дверь, и я вошел в библиотеку. Я сел за большой овальный стол из полированного черного дерева. Сам Умар, однако, не сел. Он расхаживал вдоль огромного, во всю стену книжного шкафа, задумчиво вращая в пальцах свой модди.

— Я думаю, вы осознаете свое положение, — сказал он наконец.

— Какое положение?

Он недовольно отмахнулся:

— Вы знаете, о чем я говорю. Сколько вы еще собираетесь бегать по делам этого выжившего из ума старика, не сознающего того, что он уже умер?

— Вы имеете в виду Папочку или шейха Реда? — спросил я.

Умар остановился и нахмурился:

— Я говорю о них обоих и думаю, что вы, со своей стороны, это понимаете, черт подери!

Я посмотрел на Умара, прислушиваясь к пению птиц в многочисленных клетках, расставленных по владениям Абу Адиля. Они сообщали ясному солнечному дню несколько искусственную безмятежность и жизнерадостность. Воздух в

библиотеке был затхлым и сырым, и я почувствовал себя точно запертым в клетке. Может быть, сегодняшним визитом я совершил ошибку?

— Что же вы предлагаете, Умар? — спросил я.

— Я предлагаю подумать о будущем. В будущем — и притом в самом ближайшем будущем — империи этих стариков станут нашими. Да я и сейчас один управляю делами шейха Реда. Он весь день подключен к…

— Я знаю, к чему он подключен, — сказал я. Умар кивнул:

— Хорошо. А этот модди — недавняя запись его мыслей. Он дал ее мне, потому что страдает сексуальным извращением. Это тиражирование — какая мерзость не правда ли?

— Вы шутите. — В свое время доводилось мне слышать и об извращениях более жутких.

— Тогда забудьте об этом. Он не понимает, с этим своим модди, что я равен ему, когда веду его дела. Я — истинный Абу Адиль, обладающий к тому же своими личными талантами. Он, шейх Реда, великий человек, но с этим модди я шейх Реда и Умар Абдул-Кави, вместе взятые. Тогда зачем мне нужен этот старикашка?

Мне все это показалось ужасно забавным.

— Так вы предлагаете устранить Абу Адиля и Фридлендер Бея?

Умар нервно оглянулся.

— Нет, этого я не предлагаю, — тихо сказал он. — Слишком многие люди зависят от них и слишком многие имеют свою точку зрения на этот предмет.

— Когда придет время отстранить их от дел, — заговорил я, — нужные люди об этом узнают. И Фридлендер Бей не станет упрекать их.

— А что, если это время уже пришло? — Голос Умара стал хриплым.

— Может, вы и готовы, но я еще не готов принять на себя Папочкины дела.

— Проблема, которая легко решается… — настаивал Умар.

— Возможно, — отвечал я, пытаясь оставаться невозмутимым. Во-первых, наш разговор мог прослушиваться. К тому же я не хотел портить отношения с Умаром. Сейчас я был уверен в одном — Умар человек очень опасный.

— Скоро вы увидите, как я прав, — сказал он. Он еще разок крутанул в руке свой модди, и его лоб снова пошел морщинами.

— А сейчас возвращайтесь к Фридлендер Бею и подумайте о том, что я сказал. Наш разговор еще не окончен. Но если во второй раз не придем к общему мнению, вам придется отойти в

сторону вместе с нашими хозяевами. — Я попытался встать, но он жестом остановил меня. — Это не угроза, мой друг, — спокойно проговорил Умар. — Это мой взгляд на будущее.

— Будущее ведомо одному Аллаху. Он саркастически рассмеялся:

— Если вы придаете такое значение религии, то знайте: в моих руках может сосредоточиться власть, какая даже не снилась шейху Реда. — И он указал мне другую дверь, в южной стене библиотеки. — Вы можете выйти этим путем. Налево по коридору будет главный выход. А я должен вернуться и обсудить дела Республики Сонгей с этой женщиной. Не беспокойтесь о ней. Мой шофер отвезет ее в отель.

— Благодарю вас за участие, — сказал я.

— Ступайте с миром, — сказал он.

Я вышел из библиотеки, руководствуясь указаниями Умара. Слуга Камаль встретил меня по пути и проводил до дверей. Пока мы шли, он по-прежнему хранил молчание. Я спустился вниз по ступенькам к автомобилю и обернулся. Камаль все еще стоял в дверях и смотрел мне вслед, словно я прятал под одеждой столовое серебро.

Я забрался в седан. Кмузу завел мотор и рванул машину с места. Мы выехали через главные ворота. Я не переставал думать о предложении Умара. Абу Адиль находился у власти почти двести лет. За это время на должности Умара перебывало множество людей, и у многих из них наверняка были те же амбиции. Абу Адиль по-прежнему оставался на своем месте, но что случилось с этой молодежью? Может быть, Умар никогда не задумывался над этим вопросом. Видимо, он был вовсе не столь проницательным, каким считал себя.

Глава 10

Иржи Шакнахай был убит во вторник. Я смог выйти на работу только в пятницу. Была священная суббота, и по пути я собирался зайти в мечеть. Правда, было в этом что-то ханжеское. Подумав немного, я сообразил, что такой ничтожный человек, как я, никакой набожностью не сможет завоевать милость Аллаха. Конечно, это был самообман — ведь в молитве больше всего нуждаются как раз грешники, а не святые, — но я чувствовал себя человеком, слишком испорченным для посещения храма. К тому же Шакнахай явил мне пример истинной веры, а я подвел его. Сначала я должен был оправдаться перед ним в своих собственных глазах, а уже затем — в глазах Аллаха.

Жизнь моя напоминала океан: штиль и покой сменялись бурными волнениями. Не важно, что сейчас было относительно тихо; я знал, что вскоре попаду в очередную переделку. Всех я старался убедить в том, что предпочитаю одиночество и нести ответственность хочу только перед самим собой. Я хотел бы, чтобы это было похоже на правду.

Нужны были сила и уверенность — для борьбы с враждебными мне силами. Я не ждал помощи ни от лейтенанта Хайяра, ни от Фридлендер Бея, ни от кого на свете. В это утро пятницы никому не было до меня дела. По священным субботам работали в основном христиане, заменявшие религиозных мусульман. Конечно, присутствовал лейтенант Хайяр: в списке его любимых занятий посещение мечети занимало место после дантиста и налоговой инспекции. Я сразу же направился в его квадратную остекленную кабинку.

Вскоре он поднял глаза на субъекта, назойливо маячившего перед его столом.

— Что еще, Одран? — рявкнул он. Хайяр не видел меня трое суток, но сказал это так, словно я надоедал ему все это время с утра до ночи.

— Хотел узнать, какую работу вы мне приготовили на этот раз.

Хайяр оторвался от экрана компьютера. Он довольно долго смотрел на меня, кривя рот, словно разжевал гнилой финик.

— Ты льстишь себе, — тихо произнес он. — Ты вообще не входил в мои планы.

— Я только хотел предложить свою помощь в расследовании убийства Иржи Шакнахая.

Хайяр поднял брови, откинувшись на спинку стула.

— Каком расследовании? — недоверчиво спросил он. —

Шакнахай был застрелен Полом Яварски. Большего знать не требуется.

Я с трудом удержался, чтобы не наорать на него.

— Разве Яварски у нас в руках?

— У нас? — переспросил Хайяр. — А кто это «мы»? Ты имеешь в виду — Яварски не обнаружен полицейским управлением? Действительно, это так. Но не волнуйся, Одран, он не ускользнет. Еще немного, и мы его сцапаем.

— Каким же образом? Город большой. Вы думаете, он сидит где-нибудь в комнате, ожидая, когда вы заявитесь с ордером на арест? Наверняка он уже в Америке.

— Добросовестная розыскная работа в том и заключается, что рано или поздно мы найдем его, Одран. А у тебя мало веры в нас. Я уверен, что он в городе. Мы уже стягиваем кольцо вокруг него, дело только за временем.

Мне не нравился его тон.

— Скажите это жене и детям Шакнахая, — сказал я. — Их воодушевит ваша уверенность.

Хайяр встал. Я вывел его из себя.

— Ты, кажется, в чем-то обвиняешь меня, Одран? — спросил он, тыча мне в грудь указательным пальцем. — Намекаешь, что я недостаточно добросовестно занимаюсь этим делом?

— Я не говорил этого, Хайяр. Я просто хотел узнать твои планы.

Он зло усмехнулся:

— Думаешь, у меня нет других занятий, кроме как выдумывать, как использовать твои выдающиеся способности? Мы прекрасно обходились без тебя последние дни, Одран. Но раз уж ты здесь, тебе надо чем-то заниматься.

Он снова сел за стол и пролистал кипу бумаг.

— Ага, вот. Я хочу, чтобы ты продолжил расследование, начатое вместе с Шакнахаем.

Меня не обрадовало это задание. Я хотел лично заняться поисками Яварски.

— Но ведь ты велел нам прекратить дело Абу Адиля?

Хайяр прищурился:

— Я ничего не говорил про Абу Адиля. Я велел закрыть дело. Я говорю об этом мерзавце Он Чонге, торговце детьми. Нельзя допустить, чтобы он ушел от ответственности.

Меня пробрал озноб.

— Но ведь Он Чонгом может заняться любой другой, — возразил я. — К тому же у меня есть особые причины интересоваться поимкой Яварски.

— Марид Одран — человек с особой миссией, да? Забудь об

этом. Нет смысла шастать по городу в поисках убийцы Шакнахая. Тем более ты еще не доказал, что отдаешь себе отчет в своих действиях. Поэтому я даю тебе нового напарника, очень крутого парня. У нас не женский добровольнический клуб. Выполняй приказ. Или ты считаешь, что Он Чонг не стоит твоего драгоценного времени?

Я скрипнул зубами. Мне не хотелось заниматься Он Чонгом, но Хайяр был прав насчет важности этого дела.

— Слушаюсь, лейтенант.

Хайяр усмехнулся еще раз. Я снова едва удержался, чтобы не дать ему по морде.

— С этого дня ты работаешь в паре с сержантом Катавиной. Он тебя многому научит.

У меня перехватило дыхание. Из всех людей в участке Катавина я бы выбрал в последнюю очередь. Он был отменный брехун и лентяй. Если мы поймаем Он Чонга, то только благодаря мне, а не выдающимся способностям Катавины.

Лейтенант, казалось, прочел мои мысли.

— В чем дело, Одран? — спросил он.

— Если я скажу, в чем дело, ты изменишь свое решение?

— Нет, — ответил Хайяр.

— Так я и думал.

Хайяр вновь уставился в экран компьютера.

— Передай мой приказ Катавине. Жду в скором времени от вас хороших новостей. Вы с Шакнахаем уже здорово вспугнули этого негодяя, большое вам за это спасибо.

— Я сейчас же займусь этим делом, лейтенант, — пообещал я.

Меня поразила изобретательность Хайяра. Он умело отстранил меня от дел Абу Адиля и Яварски, поручив вместо этого непростое, но в то же время необычайно важное расследование. Я должен был выполнить два официальных поручения и наряду с этим вести свое собственное расследование.

Хайяр больше не обращал на меня внимания, и я, покинув его кабинет, направился на поиски Катавины. Я с радостью обошелся бы и без него, но такой ход событий не представлялся возможным.

Катавина также не обрадовался предстоящему сотрудничеству.

— Хайяр уже поставил меня в известность, — бубнил он мне по пути в гараж к патрульной машине. Катавина попытался уместить большой опыт своей работы в одну бессвязную лекцию. — Ты плохой коп, Одран, — сурово произнес он. — Наверно, из тебя никогда не выйдет полицейского. Я не хочу,

чтобы ты подставил меня, как Шакнахая.

— Что ты имеешь в виду, Катавина? — спросил я.

Он повернулся и посмотрел на меня круглыми глазами:

— Догадайся сам. Будь ты тогда в ясном рассудке, Шакнахай остался бы жив, а я не шел бы сейчас рядом с тобой. Поэтому не мешай мне и делай только то, о чем тебя просят.

Я рвал и метал, но возразить ничего не мог. Чтобы добиться успеха, я должен был расстаться с Катавиной.

Мы сели в патрульную машину, и он долго хранил молчание. Я тоже особой разговорчивости не проявлял. Я решил, что мы вновь направлялись туда, где недавно орудовал Он Чонг. Может, на этот раз нам удастся вытянуть из тех хмурых типов что-нибудь полезное?

Однако у Катавины были другие планы. Он взял курс на запад, совершенно в противоположном направлении. Мы проехали мили полторы по узким извилистым улочкам и переулкам, пока наконец он не остановился перед ветхим жилым домом, самым высоким в квартале. Окна первого этажа были забиты фанерой, а дверь подъезда снята с петель. На стенах внутри и снаружи краской из пульверизатора были выведены имена и лозунги. В подъезде невыносимо воняло: долгое время им пользовались как уборной. Когда мы шли к лифту, под ногами хрустело битое стекло. Все покрывал толстый слой пыли и песка.

— Зачем мы здесь? — поинтересовался я.

— Увидишь, — отрезал Катавина. Он нажал кнопку вызова. Когда спустился лифт, я засомневался, стоит ли входить в него. Состояние дома не внушало мне уверенности, что тросы выдержат наш вес. Когда лифт спросил, какой нам нужен этаж, Катавина ответил: — Восьмой.

Мы ехали молча, не глядя друг на друга; слышалось только поскрипывание тросов.

На восьмом этаже мы вышли, и Катавина повел меня по темному коридору к комнате с номером 814. Он вынул из кармана ключ и открыл дверь.

— Что это? — спросил я, входя за ним в довольно грязное помещение.

— Полицейская комната отдыха, — сказал Катавина.

В квартире была большая гостиная, маленькая кухня и ванная комната. Мебели немного: дешевый журнальный столик, шесть стульев и кожаная кушетка в гостиной, небольшой голографический телевизор и четыре складные койки. На двух из них спали двое полицейских в форме. Я знал их в лицо, но не помнил фамилий. Катавина тяжело упал на кушетку и уставился на меня.

— Выпить хочешь? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Тогда принеси мне виски — на кухне, там найдешь и лед.

Я отправился на кухню и обнаружил целую коллекцию бутылок. Бросив в стакан несколько кубиков льда, я налил на два пальца японской водки и поспешил в гостиную, где вручил стакан Катавине.

— Итак, чем мы займемся? — спросил я, вспомнив полицейский девиз «защита и служба».

— Ты займешься службой, — сказал он, хмыкнув, — а я защитой.

— Защитой чего? — спросил я. Катавина презрительно усмехнулся:

— Собственной задницы. Я не хочу, чтобы меня пристрелили. Пока я тут, меня не достанут.

Я взглянул на двух спящих колов.

— И как долго ты тут пробудешь?

— До конца смены, — сказал он.

— Не возражаешь, если я возьму машину и поработаю?

Сержант взглянул на меня поверх стакана:

— Зачем, черт возьми, тебе это нужно? Я пожал плечами:

— Шакнахай никогда не давал мне водить машину.

Катавина посмотрел на меня, словно я спятил.

— Бери, но смотри не разбей. — Он порылся в кармане, выудил ключи и бросил их мне; — Приезжай за мной в пять.

— Есть, сержант, — сказал я и оставил его перед выключенным телевизором. Спускаясь на лифте в вонючий подъезд, я спросил себя, что же, собственно, собираюсь делать. Я был обязан разыскать нити, ведущие к Он Чонгу, но все чаще на ум мне приходил Шакнахай.

Вчера состоялись похороны, на которые я сначала не хотел идти. Я не знал, смогу ли выдержать это зрелище. К тому же, чувствуя вину, я понимал, что мне там не место. Предстоящая встреча с Индихар и ребятишками тоже не радовала меня.

Тем не менее в четверг утром я, собравшись с духом, отправился в небольшую мечеть, неподалеку от участка.

На церемонии было разрешено присутствовать только мужчинам. Я снял обувь и совершил ритуальное омовение, затем вошел в мечеть и занял место в задних рядах. Другие полицейские, как мне казалось, смотрели на меня с осуждением. Для них я был по-прежнему чужаком, на котором теперь к тому же лежала вина за смерть Шакнахая.

После совместной молитвы пожилой седобородый имам прочел проповедь и хвалебную речь, полную скучных расхожих

фраз о долге, службе и отваге. От этих слов мне легче не стало, и я искренне пожалел, что пошел в мечеть.

Потом мы все встали и гуськом вышли из мечети. В природе была необычайная тишина, нарушаемая лишь щебетом редких птиц и лаем собаки. На высоком ясном небе сияло жаркое солнце. Легкий ветерок шевелил листву деревьев, но воздух все равно был горячим. Над мощеными переулками, неотвязный как туман, витал запах прокисшего молока. День был слишком тяжелым для всякого рода дел. У Шакнахая было много друзей, но сейчас, казалось, все хотели одного — поскорее попасть на кладбище и предать мертвеца земле.

Индихар возглавляла процессию, потянувшуюся из мечети к кладбищу. Она была одета в черное, лицо закрывала темная вуаль, на голове — такой же платок. Вероятно, и она задыхалась от жары. С испуганными и растерянными лицами шли рядом ее трое детей. Чири сказала мне, что у Индихар недоставало денег, чтобы уплатить за место на кладбище Хаф-аль-Хала, где были похоронены родители Шакнахая, и что Индихар не захотела занять ни у меня, ни у нее. Поэтому Шакнахай должен был покоиться на кладбище для бедняков, на западной окраине Будайена. Я шел довольно далеко от нее; Индихар уже перешла бульвар Иль-Жамель и выходила из западных ворот. Жители квартала и случайные иностранные туристы стояли на тротуарах, глядя на процессию. Многие плакали и бормотали молитвы. Скорее всего, они даже не знали, кого хоронят, им это было безразлично.

Нести тело вызвались все бывшие товарищи Шакнахая, поэтому вместо шести человек под гробом копошилась толкающаяся толпа в полицейской форме. Те, кто не мог дотянуться до гроба, маршировали позади и по сторонам, ударяя себя кулаками в грудь и выкрикивая цитаты из Священного Писания, люди пели их, перебирая четки. Я тоже шевелил губами, бормоча древние молитвы, с детства запечатлевшиеся в моей памяти. Через некоторое время меня, как и остальных, охватило странное чувство: смесь отчаяния и праздничного веселья. К своему удивлению, я искренне благодарил Аллаха за то, что он обрушил столько несправедливости и ужаса на наши беззащитные души.

На кладбище я издалека наблюдал, как опускают в землю простой, неказистый гроб. Несколько полицейских, самых близких друзей Шакнахая, по очереди бросили лопатой в могилу землю. Плакальщики произнесли еще несколько молитв, хотя имам отказался сопровождать шествие до самого кладбища. Индихар стояла рядом, мужественно сжимая руки Хакима и

Захры, а восьмилетний малыш Иржи крепко вцепился в другую руку Хакима. Представитель городских властей подошел к Индихар и что-то тихо сказал ей. Она степенно кивнула. После этого перед вдовой продефилировали все офицеры полиции, и каждый произнес слова соболезнования. И только тогда я увидел, как вздрогнули плечи Индихар, и понял, что она плачет. А малыш Иржи безмятежно смотрел на осыпающиеся надгробья и заросшие травой таблички.

Когда церемония похорон закончилась и все разошлись, я решил остаться. Полицейское управление выделило сумму на скромные поминки, устраиваемые в здании участка, у Индихар не было денег даже на это. Индихар скорбела о муже, но еще больше страдала от того, что ее бедность стала известна всем друзьям и знакомым. Для многих мусульман недостойные похороны близких — беда не меньшая, чем сама смерть.

Я не пошел на поминки в участке, и в смятенных чувствах остался рядом со свежей могилой Иржи. Я помолился и процитировал несколько мест из Корана.

— Я обещаю тебе, Иржи, — прошептал я, — что Яварски от меня не уйдет.

Я не питал иллюзий насчет того, что расплата с Яварски успокоит душу Шакнахая или облегчит горе и лишения Индихар с детьми: малышом Иржи, Хакимом и Захрой. Просто я не знал, что еще сказать. Я обвинял себя за тогдашнюю свою медлительность и молился, чтобы никогда больше мне не пришлось стать причиной чужих страданий.

По дороге в участок я продолжал размышлять о похоронах Шакнахая, когда услышал отдаленные раскаты грома. Это удивило меня — грозы редко собираются над нашим городом. Я посмотрел на небо сквозь лобовое стекло, но не увидел ни тучки. По спине у меня поползли мурашки: я подумал, что гром — небесное знамение. Впервые после гибели Шакнахая я ощутил горе в полную силу.

Я начал осознавать, что месть ничего не даст мне. Поимка Яварски и торжество закона не поднимет Шакнахая из гроба и не разрешит для меня загадку, в которой каким-то образом связаны имена Яварски, Реда Абу Адиля, Фридлендер Бея и лейтенанта Хайяра. На меня внезапно снизошло озарение: я понял, что пора мне перестать думать об этой загадке как об одной проблеме с одним простым решением. Наверняка никто из действующих лиц этого спектакля не знает замысла целиком. Я должен преследовать их по отдельности, а затем свести все нити воедино, надеясь в итоге выйти на что-нибудь противозаконное. Если подозрения Шакнахая не оправдаются и окажется, что я

занимался ерундой, мне грозит кое-что похуже, чем позор. Мне грозит гибель.

Я поставил машину в гараж и поднялся в свой бокс на третьем этаже полицейского участка. Хайяр редко выходил из своего стеклянного кабинета, и я не думал, что ему удастся меня поймать. Поймать! Черт возьми, я ведь собирался работать!

С тех пор как я последний раз серьезно работал за компьютером, прошло недели две. Я сел за стол и вставил в дисковод кобальтовую дискету.

— Новый файл, — сказал я.

— Название файла, — подсказал механический голос компьютера.

— «Дело Феникса», — четко произнес я. Информации у меня было немного. Сначала выписал имена из тетради Шакнахая и посмотрел на экран. Не пришло ли время вплотную заняться делом Шакнахая?

Все компьютеры в здании были связаны с центральной базой данных полиции. Проблема заключалась в том, что Хайяр не доверял мне, и я имел доступ к информации самого низкого уровня секретности. Используя свой шифр, я мог получить лишь те данные, какие выдавались любому штатскому, обратившемуся в бюро информации. Правда, за несколько месяцев работы в участке я понемногу разузнал все кодовые слова от вышестоящих сотрудников. Остальные, не имеющие доступа к секретной информации, так или иначе получали ее нелегальным способом. Выбора у них не было — иначе они просто не смогли бы работать.

— Поиск! — сказал я.

— Вхожу в информационный массив, — пробормотал аннамезский компьютер с забавным американским акцентом.

— Бухатта, — Исхак Абдул-Хади Бухатта был записан первым в тетради Шакнахая, — жертва, убийца которой еще не обнаружен.

— Шифр, — потребовал компьютер.

В справочнике у меня был спрятан листок бумаги с кодовыми словами. К тому же шифр самого высокого уровня секретности я держал в памяти. Он представлял собой смесь алфавитно-цифрового и стандартного арабского шифра для информационных символов. Я нажал нужные клавиши.

— Принято, — ответил компьютер. — Поиск задан.

Через тридцать секунд на моем мониторе появилось все дело Бухатты. Я пробежал его биографию и обстоятельства смерти: он был убит выстрелом в упор из статического ружья точно так же, как и Бланка. Я поинтересовался, куда отвезли тело, и в конце файла нашел необходимую информацию в рубрике «Заключение

медэкспертизы». Вскрытия не было, тело Бухатты отправили в больницу Абу Эмир на площади Аль-Ислам.

— Новый поиск? — спросила машина.

— Нет, — ответил я. — Ввод информации.

— База данных?

— Больница Абу Эмир. Компьютер на мгновение замешкался.

— Настоящий шифр действителен, — решил он наконец. После долгой паузы появились данные.

Когда я увидел оглавление больничного файла, я заказал поиск файла Бухатты. Скоро я нашел то, что искал. Точное совпадение с записями Шакнахая. Сердце Бухатты и его легкие были удалены почти немедленно после смерти и пересажены с последующим вживлением в тело Элво Чами. Я полагал, что информация Шакнахая так же точна и в отношении прочих жертв неразгаданных убийств. Через несколько секунд я увидел список из пяти имен, начиная с Чами, Али Масуд и кончая Чами, Зайд.

— Ваш выбор, — спросил компьютер.

— Чами Элва.

Когда файл развернулся на экране, я внимательно изучил его. Чами был средний, абсолютно незапоминающийся человек, не богач и не бедняк. Женат. Семеро детей: пять сыновей и две дочери. Проживал в довольно зажиточном районе на северо-востоке Будайена. Медицинские записи ничего не могли поведать о его разногласиях с законом, но в многочисленных анкетах и справках содержался весьма важный факт: Элво Чами владел небольшим магазинчиком в Будайене, на Одиннадцатой улице, что находится севернее Улицы. Я хорошо знал этот магазинчик. Чами продавал дешевые восточные ковры в одной части магазина, а другую сдавал пожилой чете пакистанцев, торговавших медными украшениями для туристов. Самым интересным было то, что здание магазинчика принадлежало Фридлендер Бею. Чами, скорее всего, служил у него привратником: на втором этаже находился игорный дом, в котором делались крупные ставки.

Следующим номером я разыскал Бланку Матаро, транссексуалку, чей труп обнаружили мы с Шакнахаем. Ее тело было увезено в другую больницу, где произвели трансплантацию почек и печени для тяжело больной женщины, с которой Бланка никогда не встречалась. В этом тоже на первый взгляд не было ничего необычного — многие завещали свои органы в случае внезапной смерчи, — если не одно обстоятельство: реципиентка, видимо, по странному совпадению оказалась племянницей Умара Абдул-Кави.

Полтора часа я читал досье других лиц из списка Шакнахая.

Кроме Чами, двое убитых — Бланка и Андреа Свобик — были так или иначе связаны с Папочкой. Зато я смог доказать, к своему удовольствию, что остальные четверо явно имели отношение к Реда Абу Адилю. Я готов был биться об заклад на крупную сумму, что все упомянутые в списке также имели к нему отношение, но больше это меня не интересовало. Ни Абу Адиль, ни Фридлендер Бей никогда не предстанут перед судом.

Итак, что же я выяснил? Первое: в городе за последние несколько недель произошло по крайней мере четыре нераскрытых убийства. Второе: все жертвы были убиты одинаково — выстрелом из статического ружья с близкого расстояния. Третье: у всех жертв были изъяты здоровые органы и все они значились в списке добровольных доноров после своей смерти. Четвертое: четыре жертвы и четыре реципиента имели прямое отношение либо к Абу Адилю, либо к Папочке.

Я убедился, что предположения Шакнахая подтвердились, хотя Хайяр все равно будет отрицать взаимосвязь этих убийств. Я могу обратить его внимание на тот факт, что все жертвы были застрелены из статического ружья, не повреждавшего внутренние органы, но Хайяр, конечно же, отмахнется от этого. Кроме того, я был уверен, что Хайяр давно знал об этом, именно поэтому он и поручил мне расследовать дело Он Чонга вместо обстоятельств гибели Шакнахая. Моими противниками были люди влиятельные. Но Бог всегда на стороне правого дела, и следовательно, сейчас он был на моей стороне.

— Снова поиск? — спросила машина.

Я заколебался. Мне следовало проверить еще одно имя, но вникать в подробности я уже не хотел. Шакнахай просил меня выяснить, куда его органы отправят после смерти. Кажется, я уже догадывался куда. Частица тела Иржи Шакнахая жила в каком-нибудь служащем, друге или родственнике Абу Адиля или Фридлендер Бея. Мне была неприятна сама мысль об этом, и поэтому я ответил компьютеру:

— Работа закончена. — Уставясь в погасший экран монитора, я задумался, что делать дальше. Я уже боролся с искушением купить у кого-нибудь в участке пару сонниенок, когда у меня на полке зазвонил телефон. Сняв трубку, я откинулся на спинку стула. — Алло.

— Мархаба, — услышал я хриплый голос Моргана.

Это было единственное знакомое ему арабское слово. Я выхватил из коробки англоязычный дэдди и быстренько вставил его.

— Как жизнь, парень? — спросил Морган.

— Нормально, хвала Аллаху. Какие новости?

— Помнишь, я обещал тебе, что в среду узнаю, где прячется Яварски?

— Да, а я еще тогда подивился твоей расторопности.

— Похоже, я действительно переоценил свои силы. — Голос его упал.

— Я был уверен, что Яварски хорошо заметет свои следы.

— Думаю, ему помогли. Я подскочил на стуле.

— Что ты имеешь в виду?

Последовала пауза, прежде чем Морган заговорил снова:

— На улицах идут разговоры о смерти Шакнахая. Многим было бы наплевать, что убили какого-то копа, но нет ни одного человека, который имел бы зуб на Шакнахая. А Яварски кровожаден, как клоп, и никто из тех, кого я знаю, не шевельнул бы пальцем, чтобы помочь ему.

Я зажмурился и потер лоб.

— Тогда почему же мы его до сих пор не поймали?

— Я уже близок к тому. Сдается мне, что полицейские сами прячут эту сволочь.

— Где? И зачем? — Чири ручалась за Моргана, но тут я просто не мог ему поверить.

— Спроси лейтенанта Хайяра. Он пил с Яварски в «Серебряной пальме» пару недель назад.

Говоря словами великого юмориста христианского времени Марка Твена, это было выше моих умственных способностей.

— Как же мог Хайяр, высокий полицейский чин, променять своего коллегу на маньяка и беглого каторжника?

Я почувствовал, как Морган пожал плечами.

— А ты не допускаешь, что Хайяр тоже замешан в этом деле?

Я грустно усмехнулся и услышал в ответ невеселый смех Моргана.

— Не смешно, — заметил я. — Я все время подозревал, что Хайяр темнит, но никогда не видел его вместе с Яварски. Эта новость проливает свет на кое-какие вопросы.

— На какие же?

— На «Дело Феникса». Я сам еще не все выяснил. Постарайся достать Яварски, ладно? Ты узнал о нем хоть что-нибудь?

— Есть кое-что, — откликнулся Морган. — Он ждал приведения смертного приговора к исполнению в камере хартумской тюрьмы. Кто-то тайком принес ему револьвер. И вот однажды Яварски запросто вышел в коридор и наткнулся на двух невооруженных охранников. Застрелив их, он ворвался в тюремную канцелярию и стал палить во все стороны как ненормальный, пока кто-то не передал ему ключи. Так он преспокойно вышел на улицу через парадные двери, где уже

собралась толпа людей, слышавших выстрелы. Он протолкался сквозь толпу и прошел полквартала до ждавшей его машины. Так Яварски слинял, и о нем не было слышно, пока он снова не появился в городе.

— И когда это случилось?

— Он гулял по городу месяц с небольшим. Ну, может, полтора. За это время он совершил два налета и два убийства. Его кто-то узнал в кабаке Мелула и вызвал полицию. Хайяр послал тебя с Шакнахаем. Остальное тебе известно.

— Интересно, — сказал я, — в самом деле его кто-то узнал или Хайяр просто подставил нас?

— Все может быть, парень. Когда мы поймаем Яварски, мы спросим его об этом.

— Верно, — мрачно согласился я. — Спасибо, Морган. Продолжай в том же духе.

— Я достану его, парень. Мне охота заработать остальные деньжата. Позаботься о своей безопасности.

— Заметано. — И я снова повесил телефон на пояс.

Мне помогало то, что я знал больше моих противников. Мои глаза были открыты, и хотя я еще не видел, в каком направлении продвигаюсь, но уже понимал, к каким секретным делам получил доступ. Не надо только быть идиотом, доверяющим всякому встречному-поперечному. Остается надеяться только на самого себя.

Смена закончилась. Я пригнал машину к «комнате отдыха полиции» и забрал сержанта Каталину, который к тому времени был пьян в стельку. Я высадил его у дверей участка, передал автомобиль ночной смене и стал ждать Кмузу. Рабочий день был окончен, но у меня на сегодня оставалось еще немало дел.

Глава 11

Фуад Иль-Манхус был не самым умным среди известных мне людей. Более того, достаточно было взглянуть на Фуада, чтобы утвердиться в мысли: этот парень — идиот. Он был похож на сказочного героя, которому джинн обещал исполнить три желания; и вот сперва он пожелал тарелку бобов, затем ложку, а третьим желанием было помыть тарелку с ложкой.

Он был высоким, но таким худым и изможденным, что смахивал на беженца из концентрационных лагерей Бенгази. Один мой приятель мог обхватить предплечье Фуада большим и указательным пальцами. Суставы Фуада были огромными, распухшими, словно от какой-то ужасной болезни костей или авитаминоза. Он был шатен с длинными пыльными волосами, собранними в высокую прическу типа «помпадур», и носил очки с толстыми стеклами в массивной пластмассовой оправе. Наверно, Фуаду никогда не удавалось скопить денег на покупку себе новых глаз, даже дешевых гватемальских, с поддельными линзами фирмы «Никон». Выражение его лица было вечно растерянным и смущенным, точно у музыканта, отставшего от оркестра на полтора такта.

Иль-Манхус означает что-то вроде «вечно невезучий», но Фуад никогда не возражал даже против такого прозвища. Он был счастлив, когда на него обращали хоть какое-то внимание, и с радостью играл роль дурака. Это у него получалось замечательно. Исключительно талантливо.

Мы с Кмузу сидели за столиком в клубе Чириги, в глубине зала, и вели разговор о моей матери. Фуад Иль-Манхус подошел к нам с картонной коробкой в руках и остановился рядом.

— Индихар разрешает мне приходить сюда днем, Марид, — произнес он своим гнусавым дребезжащим голосом.

— С этим проблем у меня нет, — сказал я, тут же теряя нить разговора. Уловив мой взгляд, он осклабился и потряс картонку. В ней что-то загремело.

— Что у тебя там? — спросил я.

Фуад принял мои слова за приглашение и сел за наш столик. Он потянул свободный стул от соседнего стола, и ножки стула пронзительно заскрипели по полу.

— Индихар сказала, что, если никто не будет жаловаться, я могу здесь посидеть, если все правильно.

— Что это значит — «все правильно»? — нетерпеливо спросил я. Терпеть не могу вытягивать из людей секреты. — Так что у тебя в коробке?

Фуад провел костлявой рукой по волосам и подозрительно покосился на Кмузу. Потом он поставил коробку на стол и открыл крышку. Внутри было около дюжины дешевых позолоченных цепочек. Фуад сунул в коробку длинный указательный палец и поворошил им внутри.

— Видишь? — спросил он.

— Угу, — пробормотал я.

Подняв глаза от коробки, я встретился взглядом с Кмузу. Он допивал свой чай со льдом (мне было стыдно, что я заставил его пить такое количество жидкости в это время дня — я уважал его чувства). Кмузу осторожно опустил стакан на салфетку. Его лицо ничего не выражало, но я чувствовал, что он не одобряет поведение Фуада. Кмузу вообще ничего не одобрял в клубе Чири.

— Где ты взял это, Фуад? — спросил я.

— Смотри, — оскалился он. С зубами ему тоже не повезло.

Я выудил из коробки одну цепочку и попытался рассмотреть ее повнимательнее, но в клубе было слишком темно. Я перевернул ценник, на нем были проставлены цифры — двести пятьдесят киамов.

— Послушай, Фуад, — сказал я с сомнением, — туристы и местные жители жалуются, что приходится платить восемь киамов за стакан. Ты, наверно, сделаешь скидку на свой товар?

— Конечно.

— И сколько же ты за них просишь? Иль-Манхус прикрыл глаза, притворившись, что задумался. Затем он взглянул на меня так, словно просил милостыню.

— Пятьдесят киамов.

Я снова посмотрел в коробку и поворошил пальцем ее содержимое.

— Нет, — покачал я головой.

— Ладно, — сказал Фуад. — Девять киамов, но яа латиф! Я же так ничего не заработаю!

— Может, за десять ты их и продашь, — сказал я. — Ведь ценники из лучших магазинов города.

Фуад выхватил у меня коробку.

— Значит, они стоят больше десяти? Я засмеялся.

— Взгляни, — сказал я Кмузу. — Металл с позолотой. Наверно, не стоит и пятидесяти. Видимо, Фуад украл в шикарном магазине несколько ценников с трехзначной цифрой, привязал ценники к дешевой бижутерии и загоняет их пьяным туристам, рассчитывая, что они не заметят подделки, особенно в темном помещении бара.

— Потому-то я и спросил, можно ли прийти вечером, — сказал Фуад. — Вечером здесь еще темнее. Будет еще лучше.

— Нет, — отказал я. — Если Индихар разрешает тебе обманывать туристов, это ее дело. Но я не позволю тебе этим заниматься, а вечерами я здесь бываю часто.

— Яа Сиди, зловещим тоном произнес Кмузу, — если его поймают за пределами Будайена, ему отрежут руки.

Фуад переполошился не на шутку:

— Ты же не позволишь им сделать со мной такое, Марид?

Я пожал плечами:

— Что касается вора, то руки ему отрезают независимо от того, мужчина это или женщина. Это итог его деяний — наказание, исходящее от самого Аллаха. Всемогущего и Мудрого. Так написано в Священном Коране. Можешь прочитать сам.

Фуад прижал коробку к своей впалой груди.

— Когда-нибудь ты тоже приедешь ко мне с просьбой, Марид! — проблеял он и заковылял к двери, перевернув стул и по пути врезавшись в Пуалани.

— Ничего, переживет, — сказал я Кмузу. — Завтра он будет здесь снова, забыв обо всем.

— Плохо, — помрачнел Кмузу. — Когда-нибудь он нарвется не на того человека, о чем будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

— Это верно. Но Фуад останется Фуадом. В любом случае до конца смены мне надо поговорить с Индихар. Не возражаешь, если я оставлю тебя на пару минут?

— Конечно, яа Сиди. — Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом; меня это всегда раздражало.

— Я скажу, чтобы тебе принесли еще чаю со льдом, — сказал я, направляясь к стойке.

Индихар мыла стаканы. Я намекнул ей, что она может не выходить на работу, пока не почувствует себя лучше, но она сказала, что лучше работать, чем сидеть дома с детьми и киснуть. Ей были нужны деньги, чтобы платить беби-ситтеру, и у нее остались долги от похорон. Девочки ходили вокруг нее на цыпочках, не зная, что ей сказать. Атмосфера в клубе создалась невеселая.

— Что-нибудь нужно, Марид? — спросила она. Ее глаза были заплаканы, под ними чернели круги. Склонившись над раковиной, она не смотрела на меня, не желая встречаться со мной взглядом.

— Еще стаканчик чаю со льдом для Кмузу, больше ничего, — обронил я.

— Хорошо.

Она наклонилась и вытащила из холодильника под стойкой кувшин холодного чая. Наливая в бокал, она так и не взглянула в мою сторону.

Я поискал глазами кого-нибудь из девушек. Сегодня днем работали три новенькие. Я вспомнил имя одной из них.

— Брэнди, — позвал я, — отнеси стакан долговязому парню вот за тем столиком.

— Тому каффру? — переспросила она, коренастая блондинка с толстыми руками, массивными бедрами, большой искусственной грудью и взлохмаченной крашеной шевелюрой. У нее были татуировки на обеих руках, правой груди, левой лопатке, видневшейся в вырезе платья, на щиколотках и даже на попке. Видимо, она стеснялась своих татуировок, потому что в присутствии клиентов накидывала черную шаль, а танцевала в белых гольфах и ярко-красных туфлях на платформе.

— Хочешь, я выбью из него чаевые? Я помотал головой:

— Это мой шофер. Для него бесплатно. Брэнди кивнула и понесла бокал в зал. Я сидел у стойки и от нечего делать вертел на ней круглый пробковый поднос.

— Индихар, — наконец позвал я. Она устало взглянула на меня:

— Я же говорила: не жалей меня. Я поднял руку.

— Я помню. Сейчас я хочу предложить тебе помощь. Прими ее хотя бы ради детей, если не ради себя. Я буду рад оплатить могилу на кладбище, где похоронены твои сват и свекровь. Чири охотно одолжит тебе денег…

Индихар с раздраженным вздохом вытерла руки о полотенце.

— Об этом я тоже не хочу слышать. Мы с Иржи никогда не одалживали денег.

— Разумеется, но сейчас у тебя другая ситуация. Какую пенсию тебе платит полицейское управление?

Она с отвращением отбросила полотенце.

— Треть жалованья Иржи, всего-навсего. И еще с поклонами толкуют мне что-то об отсрочке. Скорее всего, я смогу получать пенсию не раньше чем через полгода. Последнее время мы еле держались на плаву. А теперь я вообще не представляю, как свести концы с концами. Придется подыскивать жилье подешевле.

Я знал, что более дешевого места растить детей, чем Хаф-аль-Хала, быть не может.

— Хм… — пробормотал я. — Послушай, Индихар, ты ведь уже заслужила оплачиваемый отпуск. Давай я заплачу тебе за две-три недели вперед, и ты сможешь посидеть дома с Захрой, Хакимом и малышом Иржи. Или используешь это время, чтобы подработать где-то на стороне…

Брэнди вернулась к стойке и негодующе плюхнулась рядом со мной.

— Сукин сын, не дал мне чаевых.

Я посмотрел на нее. Видимо, по уму она могла бы составить прекрасную пару Фуаду.

— Я тебе говорил, для Кмузу — бесплатно. Я не хочу его надувать.

— Он что, твой любимчик? — язвительно поинтересовалась Брэнди.

Я посмотрел на Индихар.

— Тебе очень нужна здесь эта сучка? — спросил я.

Брэнди соскочила со стула и направилась в гримерную со словами:

— Ладно, замяли.

— Марид, — с восхитительным самообладанием отвечала Индихар, — оставь меня в покое. Не надо денег, отпусков, подарков. Хорошо? Дай мне только делать то, что я считаю нужным.

Спорить с ней я больше не мог.

— Как хочешь, — сказал я и вернулся к столику, за которым сидел Кмузу.

Я искренне хотел помочь Индихар, все более проникаясь к ней уважением. Пропустив пару стаканчиков, чтобы убить время, я просидел в клубе до восьми вечера. Пришла Чири с ночной сменой, и Индихар сняла кассу, заплатила девочкам и ушла, никому не сказав ни слова. Я подошел к стойке поприветствовать Чири.

— Индихар держится молодцом, — заметил я ей.

Она сидела за стойкой и наблюдала за посетителями, которых было общим числом семь-восемь.

— Вчера Индихар исполнилось двадцать, — проговорила Чири каким-то чужим голосом. — Индихар знала Иржи всю свою жизнь. Они вместе выросли в одной небольшой деревеньке. Иржи ей всегда нравился, и, когда родители сказали, что выдадут ее за Шакнахая, она очень обрадовалась.

Чири нагнулась и вытащила свою бутылочку тенде, плеснула с полстакана и отхлебнула.

— Детство Индихар было ничем не примечательным, — продолжала юна. — Ее родители были людьми старомодными, со свойственными возрасту предрассудками. Она выросла в Египте, где согласно словам старцев девушки, пьющие воду из Нила, вырастают чересчур страстными. Они утомляют своих бедных мужей. Поэтому там девушки перед свадьбой подвергаются ритуальному обрезанию.

— Так же, как и во многих мусульманских провинциях?

Чири кивнула.

— Деревенская повитуха совершила обрезание Индихар и

приложила к ране луковицу и соль. После этого Индихар неделю лежала в постели, и мать кормила ее цыплятами и плодами граната. Когда она встала, мать дала ей новое, только что сшитое платье. В подкладку его был зашит клитор Индихар. Они пошли на берег Нила и бросили платье в реку. Меня передернуло:

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Чири отхлебнула еще глоточек тенде.

— Чтобы ты понял, как много значил Иржи для Индихар. Она говорила, как болезненно обрезание, но она радовалась, что прошла через него. Это значило, что она наконец стала взрослой женщиной и могла выйти замуж за Иржи с благоволения родителей и друзей.

— Кажется, меня это не касается, — сказал я.

— Тебя действительно не касается ее финансовое положение. Оставь ее в покое, Марид. У тебя добрые намерения, и после смерти Иржи благородный поступок — предложить помощь вдове, но Индихар не нужны наши деньги, и не стоит донимать ее предложениями о помощи.

Я поник.

— Кажется, теперь я понял, — пробормотал я. — Спасибо, что вразумила.

— С ней все будет в порядке. Если ей случится попасть в беду, обратится к нам. А сейчас познакомь меня с Кмузу. Мне нравится этот парень.

Я удивился:

— Ты хочешь разбудить мою ревность? Кмузу — не компанейский парень, ты проглотишь его с потрохами.

— Я только попробую, — сказала она, сверкнув своей великолепной каннибальской улыбкой. Еще один выстрел в темноте.

— Чири, — сказал я, — как ты думаешь, что значат буквы «А.Л. М.»?

Она на минуту задумалась.

— Ассоциация лесбиянок-матерей. Эта девочка Ханина, что танцевала у Френчи, выписывала их газету. А почему ты спрашиваешь?

Я прикусил губу.

— Нет, не то. Если придет на память что-нибудь другое, дай мне знать.

— О'кей, дорогуша. Это загадка?

— Загадка.

— Подумаю. — Она отхлебнула тенде и оценила свое отражение в зеркальной стенке над моей головой. — А я слышала, ты выбросил все свои лекарства? Вот уж не ожидала,

что ты решишься. Хочешь найти средство поэффективнее?

— Да. Я выкинул таблетки после гибели Иржи. Лицо Чири стало серьезным.

— А-а-а…

Несколько минут прошло в неловком молчании. Наконец я заговорил:

— Временами сильно тянет, но пока я смог удержаться.

— Снизить дозу — одно, но бросить совсем — это уж слишком. Может, это и к лучшему, но я всегда придерживалась умеренности во всем. Кроме того, существует такая гадость, как «абстинентный синдром». Я улыбнулся:

— Ценю твое участие. Но я знаю, что делаю. Чири печально покачала головой:

— Надеюсь, ты не шутишь. Ты даже не представляешь, что это такое — жизнь в трезвом состоянии. Будет очень непривычно.

— Мне будет чудесно, Чири.

— Может, завтра ты будешь проходить мимо Лайлы. У нее есть модди, которые дают ощущение, словно ты принял пригоршню таблеток. У нее полный комплект: соннеинки, «красотки», трифетки, РПМ, — все, что пожелаешь. Включаешь модди и, если потом хочешь иметь ясную голову, выключаешь его и — пожалуйста.

— Хм, что-то не хочется. Чири пожала плечами:

— Как знаешь.

— Сделаешь мне джин с бингарой?

Не хотелось продолжать этот разговор о наркотиках, чтобы не тревожить старых ран.

Чири наполняла мне очередной стаканчик, а я тем временем смотрел на танцующую Ясмин. Ясмин была самой лучшей из коллекции в пятнадцать хромосом, какую я когда-нибудь встречал. Когда мы с ней помирились, она сказала, что жалеет о своих длинных черных волосах, и решила отпустить их снова. Исполняя чувственный танец, она время от времени стреляла в меня глазами и всякий раз при этом улыбалась. Я тоже улыбался в ответ.

— Пожалуйста, босс. — Чири поставила бокал передо мной на поднос.

— Спасибо. — Метнув напоследок в Ясмин пламенный взгляд, я направился с бокалом за столик Кмузу.

— Знаешь, — сказал я своему рабу, — у тебя, оказывается, появилась тайная поклонница. Сказать, кто она?

Кмузу растерялся:

— Что вы имеете в виду, яа Сиди?

Я усмехнулся:

— Кажется, Чирига надеется воспламенить твое сердце.

— Но это невозможно, — ответил он. Вид у него был встревоженный.

— Она тебе не по вкусу? Чири чудесная женщина. Пусть тебя не пугают ее манеры.

— Они меня не пугают, яа Сиди. Просто я не хочу жениться, пока не получу свободы.

Я засмеялся:

— Это совпадает с планами Чири. Не думаю, чтобы она собиралась выходить замуж.

— Я же говорил вам, что я христианин. Чири подошла к столику, прежде чем я успел ответить.

— Как дела, Кмузу? — обратилась она к моему рабу.

— Прекрасно, мисс Чирига, — отвечал Кмузу ледяным тоном.

— Послушай, ты занимался любовью с девушкой, которая носит последний модди Хани Пилар — Медленный, Медленный Ожог? Самый отлетный модди. Так меня изматывает, что еле выползаю из постели.

— Я бы хотел, мисс Чирига…

— Можешь называть меня Чири, дорогуша.

— Я бы хотел, чтобы впредь вы не делали мне подобных предложений.

Чири удивленно посмотрела на меня:

— Разве я делаю ему какое-то предложение? Я просто спросила, занимался ли он любовью…

— Я слышала — Хани Пилар снова разводится? — приблизившись к нашему столику, спросила Рани, одна из ночных дебютанток.

Сегодня никто из посетителей не давал чаевых и не угощал девочек коктейлями. Это был скучный вечер, так что мы с Кмузу оказались самыми интересными посетителями клуба.

Чири загрустила.

— Эй, кто-нибудь, черт возьми, быстро на сцену! — крикнула она, направляясь к стойке.

Лилм, хорошенькая транссексуалка бельгийского происхождения, сняла блузку и отправилась танцевать.

— Кажется, с меня развлечений хватит, — зевая, обронил я Кмузу. — Пойдем домой.

Подошла Ясмин и взяла меня за руку.

— Ты придешь завтра? — спросила она. — Мне надо поговорить с тобой на очень личную тему.

— Может, поговорим сейчас? Она, смутившись, отвела взгляд.

— Нет, — сказала Ясмин. — Не сейчас… Хочу сделать тебе

подарок. — Она вынула свой карманный компьютер Ай Чинг. Ясмин свято верила в него и считала, что он точно предсказал все ужасные события последних месяцев. — Может, он тебе снова понадобится.

— Не думаю, — отозвался я. — Не лучше ли тебе оставить его у себя?

Вложив компьютер в мою ладонь, она поцеловала меня в губы долгим и нежным поцелуем. Странно — этот поцелуй взволновал меня.

Пожелав спокойной ночи Чири и девочкам, мы с Кмузу вышли на улицу в теплую, полную шорохов ночь и направились к воротам, где стоял наш автомобиль. Всю дорогу домой Кмузу доказывал мне, что Чири чрезвычайно наглая и бесстыжая особа.

— Но ты же не станешь отрицать, что она сексапильная?

— Уж этого у нее хватает, яа Сиди, — ответил он и сосредоточился на управлении автомобилем.

Как только мы добрались до поместья Фридлендер Бея, я немедленно поднялся в свою комнату, где попытался расслабиться. Взяв тетрадь Шакнахая, я вытянулся на постели, стараясь привести в порядок свои мысли. Я посмотрел на электронный оракул Ай Чинг — подарок Ясмин и тихо рассмеялся. Непонятно зачем я нажал белую кнопку с буквой «Эйч». Миниатюрное устройство зазвенело, точно колокольчик, и механический женский голос проговорил:

«Гексаграмма Шестая. Ожог. Конфликт. Изменения в первой, второй и шестой строках».

Я выслушал приговор вместе с комментарием, а затем нажал клавишу «Эль», обозначавшую строки. Предостережение сводилось к тому, что у меня сейчас трудный жизненный период, и, если я буду прелагать свой путь к цели силой, то рано или поздно вступлю в конфликт. Все это я знал и без карманного компьютера.

Мне посоветовали не удаляться от дома. Но совет несколько запоздал.

«Если вы решите преодолевать трудности, — предостерегала механическая женщина, — вы добьетесь немногого, но вскоре потеряете и это, оказавшись в положении еще более худшем. Лишь возделывая свой сад и игнорируя могущественных противников, можно избежать беды».

Черт подери, как же мне хотелось возделывать свой сад! Я бы напрочь позабыл про Абу Адиля, Яварски, счел бы смерть Шакнахая нелепой случайностью и позволил бы Папочке свернуть повинную голову Умм Саад руками Говорящих Камней! Я бы оставил своей матери толстый конверт с наличностью,

распрощался бы с клубом Чириги и умчался бы из города на автобусе со скоростью ветра.

Но, к несчастью, все это было несбыточно. Я печально посмотрел на игрушку Ай Чинг и вспомнил о других строках, дающих Вторую гексаграмму: она указывала на благоприятные события. Я нажал клавишу «Си-Эйч»:

«Гексаграмма Семнадцатая. Погоня. Гроза на озере».

Что бы это значило? Меня предупреждали о позитивных переменах в жизни. Все, что нужно было делать, — это Создавать гармоничные отношения с окружающими. Итак, придется приспосабливаться к веяниям времени.

— Предсказание будущего — богохульство, — заявил Кмузу, напомнив о своем существовании. — Любая ортодоксальная религия запрещает гадание.

Я не слышал, как он вошел в комнату.

— Идея синхронизации имеет свою логику, — пожал я плечами. На самом деле мое отношение К Ай Чингу почти не отличалось от отношения к нему Кмузу, но я чувствовал, что моя задача — хоть немного остудить его религиозный пыл.

— Вы имеете дело с опасными людьми, яа Сиди, — сказал он. — Вашими действиями должен руководить здравый смысл, а не эта игрушка.

Я бросил ему маленький электронный оракул Ясмин.

— Ты прав, Кмузу. В руках доверчивого простака она может стать опасной.

— Завтра я верну ее мисс Ясмин.

— Чудесно, Кмузу, — сказал я.

— Вам сегодня еще что-нибудь понадобится?

— Нет, Кмузу, сейчас я запишу для себя кое-что и лягу.

— Тогда спокойной ночи, яа Сиди.

— Спокойной ночи, Кмузу.

Раб вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Я разделся, разобрал постель, снова лег и стал перечитывать имена в тетради: Фридлендер Бей, Реда Абу Адиль, Умар Абдул-Кави, Пол Яварски, Умм Саад, лейтенант Хайяр. Плохие ребята. Затем я составил список хороших ребят: я.

И вспомнил пословицу времен своего алжирского детства: лучше дать деру зазря, чем зазря не дать деру. Спешное отбытие в Шанхай или Венецию было бы в данной ситуации самым разумным выходом.

Кажется, я уснул, размышляя, не стоит ли заблаговременно набить чемоданы деньгами и одеждой и не бежать ли в те края, где ноги благоухают жимолостью. А потом я увидел странный сон про клуб Чириги. Мне снилось, что теперь клубом заправляет

лейтенант Хайяр, а я пришел к нему в поисках Ясмин или Файзы, — словом, какой-то своей юношеской любви. Затем я спорил со своей матерью по поводу того, приносил ли я домой бутылку шербета или нет. А потом я оказался в школе совершенно голым и к тому же совершенно не подготовленным к очень важному экзамену.

А проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечи с криком:

— Проснитесь, яа Сиди!

— В чем дело, Кмузу? — не понял я спросонок. — Что случилось?

— В доме пожар, — сказал он и стал тянуть меня за руку, пока не вытащил из постели.

— Но я не вижу огня. — Зато я почувствовал запах дыма.

— Подвал в огне. У нас мало времени. Надо выбираться из дома.

Я уже совершенно проснулся. Сквозь зарешеченные окна в ярком лунном свете был виден густой столб дыма.

— Со мной все в порядке, Кмузу, — сказал я. — Я разбужу Фридлендер Бея. Весь дом горит или только наше крыло?

— Не знаю, яа Сиди.

— Тогда беги в восточное крыло и разбуди мою мать. Проверь, благополучно ли она выбралась.

— Надо бы еще предупредить Умм Саад.

— Да, верно.

И он выбежал из комнаты. Перед тем как выйти в коридор, я ощупью добрался до телефона на столе и набрал номер городской аварийной службы. Линия оказалась занята, я чертыхнулся и набрал номер еще раз. Снова занято. Я звонил и звонил. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мне ответил женский голос.

— Пожар! — закричал я в трубку. К этому времени я уже пребывал в полном отчаянии. — Горит поместье Фридлендер Бея, то что неподалеку от христианского квартала.

— Спасибо, сэр, — отозвалась женщина. — Пожарная бригада выезжает.

Стало не хватать воздуха. Кислый смрад обжигал ноздри и горло, и я пригнулся, чтобы перевести дыхание. Языков пламени я пока не видел, так что реальной опасности не ощущал. И оказался не прав: когда я надевал джинсы, меня уже обжигала горячая зола, носившаяся в воздухе. В тот момент я еще не почувствовал, что получил ожоги второй степени в области головы, шеи и плеч, которые не были защищены. Волосы на голове сгорели, но борода уберегла лицо от ожогов. С тех пор я поклялся никогда не бриться.

В коридоре я увидел языки пламени. Жар был нестерпимый. Я ринулся, обхватив руками голову, пряча лицо и глаза. Я поджарил себе пятки, не пробежав и десяти футов. Я забарабанил в Папочкину дверь, рискуя погибнуть на пороге его комнаты, что было поступком смелым, но глупым: спасать старика, наверняка уже мертвого.

В голову пришла шальная мысль: вспомнилось, как Фридлендер Бей спрашивал меня, готов ли я вновь наполнить легкие огнем.

Ответа не было, и я заколотил еще сильнее. Огонь лизал мне руки и спину, и я начал задыхаться. Я отступил назад и правой ногой что есть силы ударил в дверь. Ничего не произошло. Она была заперта изнутри, и щеколда, вероятно, расплавилась. Я повторил удар, и дерево затрещало. Стукнул еще раз — дверь упала, ударившись о противоположную стену Папочкиной прихожей.

— О шейх! — закричал я.

Здесь дым был еще плотнее. В воздухе стоял острый запах горелого пластика, и я понял, что Папочку надо выводить как можно быстрее, пока мы не задохнулись в ядовитом дыму. Однако было у меня опасение, что я не застану Фридлендер Бея в живых. Его спальня находилась левее в глубине, и дверь ее тоже была на замке. Я и ее лягнул, ощутив резь в лодыжке и голени. Придется залечивать свои раны потом, если останусь жив.

Папочка не спал, раскинувшись навзничь в своей постели и вцепившись в покрывало. Он следил глазами за каждым моим движением, рот его был открыт, но он не смог издать ни звука. У меня не было времени слушать, что он хочет сказать мне. Я откинул одеяло и взял Фридлендер Бея на руки, как ребенка. Роста он был небольшого, однако значительно потолстел со времен былой спортивной молодости. Несмотря на это, я вынес его из спальни, ощущая невероятную силу, которая, как я понимал, скоро покинет меня.

— Пожар! — кричал я, пересекая прихожую. — Пожар! Пожар!

Говорящие Камни должны были спать в соседних комнатах. Однако разбудить их действием я не мог: для этого мне пришлось бы выпустить Папочку из рук. Оставалось одно: пробиваться сквозь пламя к спасению.

Когда я уже дошел до конца коридора, оба великана подоспели мне на помощь. Оба были в чем мать родила, что ничуть не смущало их. Один из Камней молча принял из моих рук Фридлендер Бея, так же молча взял на руки меня и понес вниз по лестнице на свежий воздух.

Вероятно, один из Говорящих Камней понял, до чего я измучен огнем и усталостью. Находясь в состоянии, близком к обмороку, я был необычайно признателен ему, но в тот момент у меня не нашлось сил даже поблагодарить его. Я пообещал себе, что как только у меня появится возможность, я обязательно отблагодарю Говорящих Камней — может, подарю им парочку неверных на съедение. А как еще можно отблагодарить Гога и Магога, у которых есть все?

Пожарные уже устанавливали свои приспособления, когда ко мне подскочил Кмузу.

— Ваша мать в безопасности, — залопотал он. — В восточном крыле не было пожара.

— Спасибо тебе, Кмузу, — искренне произнес я, еле ворочая языком. Горло по-прежнему жгло едким дымом.

Один из пожарных окатил меня струей чистой воды, завернул в какую-то простыню и снова облил. Затем протянул мне стакан воды:

— Возьми, будет легче дышать. Сейчас поедешь в больницу.

— Зачем? — спросил я, еще не сознавая ущерба, который нанес мне огонь.

— Я поеду с вами, яа Сиди, — подал голос Кмузу.

— А Папочка? — простонал я.

— Ему тоже понадобится медицинская помощь.

— Тогда мы поедем вместе.

Пожарные отвели меня к машине «Скорой помощи». Фридлендер Бей уже лежал там на носилках. Кмузу помог мне влезть в машину. Он наклонился ко мне, а я к нему.

— Пока вы поправитесь, — тихо произнес он, — я постараюсь узнать, кто устроил поджог.

Некоторое время я глядел на него, соображая. Я моргнул и понял, что ресницы у меня сгорели.

— Так ты думаешь — это поджог? — спросил я. Водитель уже захлопнул одну створку задних дверей.

— У меня есть доказательства, — сказал Кмузу, и водитель закрыл вторую створку.

Минуту спустя мы с Палочкой под вой сирены помчались по узким улочкам города. Папочка на носилках не шевелился. Он выглядел беззащитным и жалким. Мне тоже было муторно. Наверно, в наказание за то, что смеялся над Шестой гексаграммой.

Глава 12

Мать принесла мне фисташковых орехов и инжира, но глотать было все еще трудно.

— Тогда лучше отведай вот этого, — сказала она. — Я даже ложку принесла. — Она сняла крышку с пластиковой банки и поставила ее на тумбочку. В продолжение своего визита она была на редкость робкой и застенчивой.

Мне кололи обезболивающее, но сейчас Я не был в таком опьянении, Как случалось раньше. Небольшая доза соннеина из шприца-распылителя куда лучше, чем укол в глаз острой иголкой. У меня, разумеется, заблаговременно был припасен экспериментальный дэдди, блокирующий боль. Я мог включить его и оставаться при этом с абсолютно ясной и трезвой головой. Но включать его я не хотел. И своим заботливым докторам и сестрам я тоже ничего не сказал, потому что не получил бы наркотиков, узнай они… Короче, больница — слишком скучное место для трезвого человека.

Я приподнял голову с подушки.

— Что это? — хрипло спросил я, протягивая руку и принимая банку.

— Кислое верблюжье молоко. — сказала мать. — Тебе оно нравилось, когда ты болел. Когда ты был еще маленький. — В голосе матери мне послышалась совсем не свойственная ей нежность.

Кислое верблюжье молоко вовсе не такое блюдо, при виде которого вы бы подпрыгнули от радости. Я тоже не подпрыгнул. Но я ложку все-таки взял и притворился, что смакую эту кислятину, чтобы доставить радость маме. Может быть, она этим удовлетворится и уйдет. И тогда я вызову сестру и попрошу еще укольчик соннеина, чтобы хорошенько выспаться. В больницах хуже всего то, что приходится уверять всех окружающих в своем хорошем самочувствии и выслушивать посетителей, чьи истории болезней всегда оказываются драматичнее вашей собственной.

— Ты действительно переживал за меня, Марид? — спросила мать.

— Конечно, — сказал я, опять откидываясь на подушки. — Именно поэтому я и послал Кмузу узнать, не грозит ли тебе опасность.

Она грустно улыбнулась и покачала головой: — Наверное, было бы лучше, если бы я сгорела. Тогда тебе некого было бы стыдиться!

— Ну что ты говоришь, мам!

— Ладно, милый. — Она долго глядела на меня, не говоря ни слова. — Как твои ожоги?

Я пожал плечами и тут же вздрогнул от боли.

— Еще напоминают о себе. Сестры мажут меня какой-то белой гадостью два раза в день.

— Наверное, так надо. Пусть мажут.

— Хорошо, мам. Пусть. Молчание опять затягивалось.

— Знаешь, я должна тебе кое-что сказать, — заговорила она наконец. — Я была с тобой не совсем откровенной.

— Да? — Для меня это не было новостью, но я предпочел удержаться от скептических замечаний и выслушать сначала ее объяснения.

Мать опустила взор на свои руки, нервно мнущие льняной платок.

— Я знаю про Фридлендер Бея и Реда Абу Адиля гораздо больше, чем сказала тебе тогда.

— А-а-а…

Она взглянула на меня.

— Я знала их гораздо раньше. Еще до твоего рождения, совсем молодой. Тогда я была хорошенькой. Я хотела уехать из Сиди-бель-Аббис в какой-нибудь большой город, вроде Каира или Иерусалима, чтобы стать звездой голографии. Для этого я была готова носить модди, не такие, как у Хани Пилар, секс-бомбы, а что-нибудь вполне респектабельное.

— И Папочка или Абу Адиль пообещали помочь тебе пробиться?

Она снова посмотрела на свои руки.

— Я приехала сюда, в этот город. У меня не было денег, и поначалу я голодала. Потом встретила одного человека, который позаботился обо мне. Он-то и познакомил меня с Абу Адилем.

— И чем же помог тебе Абу Адиль?

Она взглянула на меня — теперь по ее щекам катились слезы.

— А ты как думаешь? — с горечью спросила она.

— Он обещал жениться на тебе? Она молча кивнула.

— И ты забеременела от него?

— Нет. В конце концов он просто посмеялся надо мной и купил мне обратный автобусный билет до Сиди-бель-Аббис. — Лицо ее исказилось от ярости. — Я ненавижу его, Марид!

Я кивнул, уже сожалея о том, что дал ей начать свою исповедь.

— Значит, Абу Адиль — не мой отец, да? А как насчет Фридлендер Бея?

— Папочка хорошо относился ко мне, когда я приехала в город. Поэтому я была рада услышать, что ты принят в его доме.

Хотя ты и вправду разозлил меня тогда, в Алжире.

— Есть люди, которые ненавидят Фридлендер Бея, — сказал я.

Она вновь окинула меня взором и продолжила:

— В конце концов я вернулась в Сиди-бель-Аббис, где несколько лет спустя встретила твоего отца.

Годы летели. Потом родился ты. Когда ты немного подрос, мы уехали из Алжира. Прошло еще несколько лет. И вот однажды, уже после твоего приезда, я получила от Абу Адиля письмо. Он писал, что не забывает обо мне и хочет вновь увидеть меня.

Она опять замолчала, видимо, остановленная волнением.

— Я поверила ему, — сказала она наконец. — Не знаю почему. Может быть, я надеялась начать жизнь сначала, перечеркнув все потерянные годы, исправить ошибки. И вот — снова влипла.

Я зажмурился, потер глаза и снова заглянул в искаженное горем лицо.

— И что же ты сделала на этот раз?

— Я снова приехала к Абу Адилю в тот большой дворец среди трущоб. Поэтому-то я знаю все о нем и Умм Саад. Остерегайся этой женщины, мальчик. Она работает на Абу Адиля и замышляет погубить Папочку.

— Я знаю. Мать растерялась:

— Ты уже знаешь? Откуда? Я улыбнулся:

— Приятель Абу Адиля рассказал мне. Они уже списали эту даму в утиль. Она вычеркнута из их планов.

— Все равно, — предостерегающе подняв палец, сказала мать, — берегись ее. У нее теперь свои планы. Пожар — ее рук дело.

— Да, ж так думаю.

Ты знаешь что-нибудь о модди Абу Адиля? О его теперешнем модди?

— Да. Этот сукин сын Умар мне все рассказал. Я мог бы заполучить его на несколько минут.

Она глубокомысленно пожевала губами.

— Может быть, я для тебя могу что-нибудь сделать? Из нашей беседы я почерпнул немало важного для себя. Она, можно сказать, ответила на все мои вопросы.

— Ладно, мама, все это — пустяки, — постарался я успокоить ее.

Она опять заплакала.

— Я так виновата, Марид. Виновата во всем, что наделала, и еще в том, что была тебе плохой матерью.

О Боже, где мне было взять силы, чтобы перенести этот

приступ раскаяния?

— Мне тоже очень жаль, мама, что я никогда не оказывал тебе должного уважения, — пробормотал я, удивляясь тому, что слова мои были совершенно искренними.

— Уважения, которого я никогда и не заслуживала.

Я замахал руками.

— Давай не будем выяснять, кто виноват больше. Помиримся — и все.

— Быть может, мы сможем начать новую жизнь? — робко предположила она.

В чем лично я сильно сомневался. Трудно начинать все заново после всего, что произошло между нами. Но я должен был дать ей такую возможность.

— Я готов, — откликнулся я. — Ты же знаешь, я не люблю вспоминать прошлое.

Она криво улыбнулась:

— Мне нравится жить у Папочки вместе с тобой, мой мальчик. Временами мне кажется, что я больше не вернусь в Алжир и… ну, ты понимаешь…

Я глубоко вздохнул.

— Мама, я обещаю тебе, — произнес я, — что ты никогда не вернешься к старой жизни. С сегодняшнего дня о тебе будет заботится твой сын.

Она встала и направилась ко мне с распростертыми объятиями, но я пока еще не был готов к проявлению сыновних чувств. У меня вообще с этим проблемы: я всегда был очень сдержан. Конечно, я позволил ей поцеловать меня в щеку и обнять. При этом она что-то пробормотала. Я слегка похлопал ее по спине. Это все, на что я был способен. После этого Эйнджел Монро снова села на свое место.

Она вздохнула:

— Я очень счастлива, Марид. Я не заслужила такого счастья. Мне не надо ничего, кроме обыкновенной, нормальной жизни.

Что бы ей стоило сказать мне об этом раньше?

— И чем бы ты хотела заниматься? — спросил я. Мать нахмурилась.

— Я даже не знаю. Чем-нибудь полезным. Каким-нибудь настоящим делом.

Я представил себе Эйнджел Монро в должности больничной разносчицы передач и немедленно отогнал это нелепое видение.

— Абу Адиль пригласил тебя в город шпионить за Палочкой, да?

— Да, я была полной идиоткой, поверив ему.

— И в каких же отношениях вы расстались? А шпионить за

ним в нашу пользу тебе не будет в тягость?

— Я дала ему понять, что его идея мне не по душе, — задумчиво произнесла она. — Если я сейчас вернусь к нему, он может не поверить в мое раскаяние. А может, и поверит. У него большое самомнение. Все мужчины таковы: думают, что женщины ради них готовы броситься в огонь. Наверно, я смогу убедить его. — Она хитро улыбнулась. — Ведь я была хорошей актрисой. Халид даже говорил, что очень хорошей.

Я вспомнил Халида — он был ее сутенером.

— Я подумаю об этом, мама. Не хочу втягивать тебя в опасную игру, но мне хотелось бы иметь оружие, о котором не знает Абу Адиль.

— Во всяком случае, я многим обязана Папочке. Я должна расплатиться с Абу Адилем за то, что он так обошелся со мной, и отблагодарить Папочку за его доброту. К тому же он приютил меня под своим кровом…

Я был не настолько безумен, чтобы дать ей возможность принять участие в развитии событий, но для меня она могла стать незаменимым источником информации.

— Мам, — как бы между прочим спросил я, — ты не знаешь, что означают буквы «АЛ.М»?

— «А.Л.М.»? Понятия не имею. «Ассоциация льняных моделей»? Это профсоюз жуликов, но я даже не знаю, есть ли у них отделение в нашем городе.

— Не ломай голову. А «Дело Феникса» что-нибудь говорит тебе?

Она вздрогнула едва заметно.

— Нет, — выдавила она, — я никогда об этом не слышала.

Однако что-то в ее голосе убедило меня в обратном. Что же скрывала она на этот раз? Оптимизм, внушенный мне предшествующим разговором, иссяк, и я засомневался, в какой мере могу доверять ей. Сейчас еще не пришло время заниматься «Делом Феникса», но когда я выйду из больницы, час истины наконец пробьет.

— Мам, — пробормотал я сквозь зевоту, — кажется, я засыпаю.

— Ну, тогда я пошла, мальчик мой. — Она встала и засуетилась вокруг меня, поправляя простыни. — Я оставлю тебе верблюжье молоко.

— Чудесно!

Она наклонилась и снова поцеловала меня.

— Приду завтра. А сейчас я навещу Папочку.

— Передай ему привет и скажи, что я молюсь о его здоровье.

Мать направилась к выходу, в дверях обернулась и помахала

рукой. После чего исчезла окончательно.

Едва она ушла, в голове моей промелькнула мысль, внезапная, как озарение: ведь единственным человеком, знавшим о том, что я поехал в Алжир навестить мать, был Саид Халф-Хадж. Это он познакомил мамочку с Реда Абу Адилем. Это он привез ее в город шпионить за Папочкой и мной. Саид, вне всяких сомнений, работал на Абу Адиля. Он продал меня с потрохами.

Я пообещал себе еще один час истины, который Халф-Хадж запомнит по гроб жизни.

Какова бы ни была цель конспирации и значение слов «Дело Феникса», все это должно иметь огромное значение для Абу Адиля. Вот уже несколько месяцев он засылал к нам шпионов в лице Сайда, Кмузу и Умм Саад. Я подумал, сколько еще может оказаться невыделенных соглядатаев, кроме уже известных мне.

В конце дня, перед ужином, зашел Кмузу. Одет он был в черный костюм с белой рубашкой, без галстука. В таком наряде Кмузу походил на агента похоронного бюро. Выражение его лица было торжественно-суровым, словно одна из сестер в коридоре только что ему шепнула о том, что положение мое безнадежно, или что на голове у меня никогда больше не отрастут волосы, или что мне придется всю оставшуюся жизнь ходить обмазанным этой жуткой белой дрянью.

— Как вы себя чувствуете, яа Сиди? — спросил раб.

— Страдаю от затяжного синдрома послепожарного стресса, — отвечал я. — Кстати, не разбуди ты меня тогда среди ночи, мне бы сейчас и вовсе не пришлось страдать.

— Если бы вы не пользовались приставкой для улучшения сна, пожар непременно разбудил бы и вас.

Об этом я как-то не подумал..

— Может быть, — пробормотал я. — В любом случае я обязан тебе жизнью.

— Вы спасли хозяина дома, яа Сиди. Он дает мне убежище и защищает меня от Реда Абу Адиля. Мы квиты.

— Все равно я чувствую себя в долгу перед тобой. — Тут я кстати задумался, во сколько я в самом деле оцениваю свою жизнь. Могу ли я вознаградить его по достоинству чем-нибудь равноценным? — Ты не возражаешь, если я подарю тебе свободу? — спросил я.

Брови Кмузу сошлись в одну линию.

— Вы же знаете, что больше всего на свете мне нужна свобода. Но, как вам должно быть известно, только хозяин дома может решить этот вопрос.

— Я попрошу Папочку, — пожав плечами, отвечал я. — Может, у меня что-нибудь получится.

— Я буду вам чрезвычайно признателен, яа Сиди. — Лицо Кмузу почти ничего не выражало, но я знал, что в душе он был взволнован донельзя.

Мы поговорили еще немного, и вскоре Кмузу собрался уходить. Он успокоил меня, заверив, что моя мать и все наши слуги в безопасности, иншаллах. Дом сторожили два десятка вооруженных охранников. Конечно, они не заметили злоумышленников и не смогли предотвратить поджог. Заговор, шпионаж, поджог, покушение на жизнь — столь недвусмысленным образом Папочкины враги выражали свое недовольство.

Когда Кмузу удалился, я в скором времени заскучал и включил голографический телевизор, Привинченный к тумбочке неподалеку от кровати. Телевизор был плохонький, что сказывалось на изображении: оно вытянулось по вертикали. Актеры, разыгрывающие современную центральноевропейскую пьесу, по колено утопали в тумбочке. Изображение шло с субтитрами, которые, к сожалению, были утрачены, как и нижние конечности актеров. Когда лица показывали крупным планом, я видел лишь их верхнюю часть.

Вначале я подумал, что сойдет и так. Дома я редко смотрел экран. Но в больнице, где царит скука и тишина, я с удивлением обнаружил, что включаю его снова и снова. Перебрав сотню международных каналов, я не нашел ничего интересного. Либо причиной был я сам, напичканный наркотиками до одурения, либо укороченные фигурки с ампутированными ногами, бродившие по тумбочке и лопотавшие на десятке разных языков, но сосредоточить внимание мне так и не удалось.

Поэтому, спешно покинув тюрингскую трагедию, я дал телевизору приказ на отключение, после чего выбрался из постели и оделся, испытав определенные неудобства: больничный халат прилипал к местам ожогов, измазанным белой вонючей дрянью. Я сунул ноги в зеленые бумажные шлепанцы — казенное достояние — и направился к дверям. Там я повстречал санитара, несущего поднос с моим завтраком. И слюнки у меня потекли еще до того, как я разглядел, что в тарелках.

— Ну, что там у нас сегодня? — поинтересовался я.

Санитар поставил поднос на тумбочку.

— Чудесная жареная печенка, — объявил он. По тону санитара я понял, что ожидать особых деликатесов не приходится,

— Позавтракаю попозже. — Я вышел из комнаты в коридор. У дверей лифта меня спросили, какой этаж мне нужен. Я попросил назвать номер палаты Фридлендер Бея.

— Палата номер один, — последовал ответ.

— На каком этаже она находится? — спросил я.

— Этаж двадцатый.

Самый верхний. Наша больница одна из трех в городе, оборудованных ВИП-квартирами. Примерно год назад в этой самой больнице мне делали операцию на головном мозге. Тогда мне нравилось лежать в отдельной палате, но необходимости в целой квартире из нескольких комнат я не чувствовал. Мне было не до развлечений.

— Вам нужен двадцатый этаж? — спросил лифт.

— Да, — ответил я.

Мне попался умственно-отсталый лифт. Я стоял, представляя собой затейливую фигуру для всякого постороннего наблюдателя, а лифт тем временем не спеша дрейфовал с пятнадцатого этажа на двадцатый. Я тщетно искал положение, в котором одежда не прилипала бы к телу. Кроме того, меня уже начинало тошнить от сильного мятного запаха белой мази.

Я вышел на двадцатом этаже и первое, что увидел, была дородная женщина с толстой шеей, выглядывающей из белого халата. Она сидела в кабинете передвижного дежурного поста сестры-сиделки. Рядом с ней возвышался мускулистый мужчина в форме сил безопасности Евроармии. На бедре у него висел огромный револьвер в кобуре; мужчина посмотрел на меня, словно решая, застрелить меня сразу или на время оставить в покое.

— Вы — пациент этой больницы, — сказала медсестра не то спрашивая, не то утверждая. Она была: не умнее лифта.

— Палата 1540, — честно сказал я.

— А это двадцатый этаж. Что вы здесь делаете?

— Хочу навестить Фридлендер Бея.

— Минутку. — Она нахмурилась и сверилась с экраном компьютера. Ясное дело — такой проходимец, как я, не числился в списке ее фаворитов.

— Ваше имя?

— Марид Одран.

— Вот, нашла. — Она взглянула на меня. Ну теперь-то, когда меня опознали, она же должна была проявить ко мне хоть толику уважения! Ничуть не бывало. — Заин, проводи мистера Одрана в палату номер один, — велела она охраннику.

Заин кивнул.

— Сюда, сэр! — указал он.

Я последовал за охранником по паркету коридора, свернул направо за угол и остановился у дверей квартиры номер один.

Я не удивился, увидев там стоявшего на страже одного из

Камней.

— Хабиб? — спросил я, надеясь, что хоть один мускул дрогнет на его лице. Я проскользнул мимо него, опасаясь, как бы он ненароком не ухватил меня своей могучей дланью, однако, похоже, все двери передо мной были раскрыты. Наверное, сейчас Говорящие Камни видели во мне заместителя Фридлендер Бея.

Шторы в квартире были задернуты, свет — выключен. Повсюду благоухали цветы в вазах и изысканных горшках. В воздухе стоял одуряющий сладкий запах. Если бы это были мои апартаменты, я бы непременно попросил сестру отнести часть цветов другим больным.

Папочка неподвижно лежал в кровати. Выглядел он скверно. Я знал, что ожоги у него были те же, что и у меня: лицо и руки покрывала такая же белая мазь. Волосы Фридлендер Бея были аккуратно причесаны, однако, судя по щетине, его не брили несколько дней, очевидно, из-за ожогов на лице. Он дремал с полуоткрытыми глазами. Соннеин одолел его: видно, ему приходилось терпеть побольше моего.

Бросив взгляд в приоткрытую дверь соседней комнаты, я заметил Юсефа, дворецкого Папочки, и его камердинера Тарика. Они перебрасывались в карты за столом. Заметив меня, они было встали, но я приветливо махнул им рукой, поощряя продолжать игру. Я сел на стул возле Папочки.

— Как твое самочувствие, о шейх? — спросил я. Фридлендер Бей открыл глаза, и я понял, что он борется с дремотой.

— Обо мне тут хорошо заботятся, мой племянник, простонал он.

В его словах не содержалось ответа на мой вопрос, но я не стал повторяться.

— Ежечасно я молюсь о твоем выздоровлении. Он сделал попытку улыбнуться.

— Хорошо, что молишься, — с трудом переводя дыхание, отвечал он. — Ведь ты рисковал своей жизнью, чтобы спасти меня.

Я развел руками:

— Я только выполнял свой долг.

— И пострадал из-за меня.

— Это пустяки. Главное — что ты жив.

— Я в неоплатном долгу перед тобой, — устало проговорил Фридлендер Бей.

Я покачал головой:

— Я выполнял волю Аллаха и был лишь орудием в Его руках.

Папочка нахмурился. Видимо, несмотря на уколы соннеина, он испытывал неприятные ощущения.

— Как только я встану на ноги и мы вернемся домой, ты позволишь мне вознаградить тебя должным образом.

Ну нет, подумал я, не хватало мне еще одного Папочкиного подарочка!

— А сейчас, — спросил я, — не потребуется ли тебе моя помощь?

— Скажи мне, как начался пожар?

— Грубая работа, о шейх! — возмущенно воскликнул я. — Сразу же после того, как нас увезли, Кмузу нашел спички и обгоревшие тряпки, пропитанные горючей жидкостью.

Папочкино лицо стало мрачным, в глазах засветилось пламя.

— Этого я и боялся. Какие у вас есть еще улики? Кого ты подозреваешь, племянник?

— Пока никого, но как только выйду из больницы, займусь этим.

Казалось, Папочка остался доволен моим ответом.

— Ты должен пообещать мне, — сказал он.

— Что, о шейх?

— Когда узнаешь, кто совершил поджог, ты убьешь его. Пусть знают: нас не напугаешь.

Я заранее знал, что Папочка попросит об этом. Скоро мне придется заводить тетрадь, чтобы записывать имена и адреса тех, кого я должен убить по его просьбе.

— Да, — пообещал я, — он умрет.

Я вовсе не обещал, что убью сукиного сына собственноручно. Скорее я имел в виду, что все мы смертны. Может быть, я препоручу это дело Говорящим Камням. Они напоминали ручных леопардов. Время от времени их надо было спускать с привязи — поохотиться.

— Хорошо, — согласился Фридлендер Бей, закрывая глаза.

— Я хотел бы обсудить еще два вопроса, о шейх, — нерешительно заговорил я.

Он снова открыл глаза. Сейчас Фридлендер Бей как никогда походил на умирающего.

— Прости меня; племянник, что-то я неважно себя чувствую. Еще до пожара мне было скверно. А сейчас стало еще хуже.

— Здешние доктора разобрались, в чем дело?

— Они ничего не смыслят. Назначают все новые и новые анализы. Я страдаю от их невежества и неуважительного отношения.

— Доверься им, о шейх, — посоветовал я. — Меня здесь лечат совсем неплохо.

— Да, но ты же не дряхлый старик, который тщетно цепляется за жизнь. Каждая из их варварских процедур отнимает

у меня год жизни.

Я улыбнулся:

— Ты преувеличиваешь, о шейх. Они должны найти причину твоего недомогания и устранить ее. К тебе вернутся прежние силы.

Палочка нетерпеливо махнул рукой, показывая, что не хочет продолжать разговор на эту тему.

— И что же ты хотел спросить у меня?

Я медлил, думая, как бы поделикатнее задать ему два весьма щекотливых вопроса.

— Первая просьба касается моего слуги Кмузу, — сказал я. — Ты утверждаешь, что я спас тебя из огня, но Кмузу точно так же спас меня. Я обещал ему, что попрошу у тебя награды за это.

— Конечно, сынок. Он заслужил ее.

— Я тут додумал… не подаришь ли ты ему свободу?

Папочка молча осмотрел меня. Лицо его не выражало никаких эмоций.

— Нет, — медленно проговорил он, — еще не время. Я придумаю для него какую-нибудь другую заслуженную награду.

— Но…

Тут Фридлендер Бей жестом прервал меня. Даже болезнь не сломила его воли, и я не осмелился настаивать.

— Конечно, о шейх, — смиренно произнес я. — А вторая просьба касается вдовы и детей Иржи Шакнахая, офицера полиции, с которым мне довелось работать. У его семьи сейчас серьезные финансовые затруднения, и мне хотелось бы сделать для них что-нибудь большее, чем просто предложить денег. Я прошу твоего разрешения пожить им в нашем доме, хотя бы некоторое время.

Папочка ясно давал мне понять, что разговор окончен.

— Мой милый мальчик, — еле слышно прошептал он, — пусть будет так, как ты хочешь. Это хорошее решение. Я поклонился.

— Больше не смею беспокоить тебя. Пусть Аллах дарует тебе мир и благополучие.

— Я буду скучать без тебя, сынок.

Я встал и заглянул в другую комнату. Юсеф и Тарик, казалось, целиком ушли в карточную игру, но я был уверен, что они не пропустили ни единого слова из нашего разговора. Когда я был у дверей, Папочка уже вовсю храпел. Я постарался прикрыть за собой дверь как можно тише.

Лифт доставил меня на мой этаж, и я снова улегся в постель. С удовлетворением отметив, что завтрак из печени уже унесен, я снова включил телевизор, но тут в палату вошел доктор

Йеникнани — в прошлом ассистент нейрохирурга, проводившего операцию на моем мозге. Доктор Йеникнани был смуглым, свирепого вида турком, изучавшим философию и суфийский мистицизм. Мы подружились с ним в период моего первого пребывания здесь, и я был рад видеть его снова. Взглядом отключив телевизор, я обернулся к доктору.

— Как себя чувствуете, мистер Одран? — спросил доктор Йеникнани.

Он подошел к моей постели и улыбнулся. Его зубы едва ли можно было назвать белыми даже на фоне смуглого лица и пышных черных усов.

— Можно присесть?

— Будьте как дома, — пригласил я. — Итак, вы пришли сообщить мне, что мои мозги окончательно испеклись на пожаре, или же это просто дружеский визит?

— У вас там особенно нечему испекаться, — оптимистически начал доктор Йеникнани. — Нет, я просто хотел поинтересоваться, как вы себя чувствуете и не смогу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Благодарю. Мне ничего не нужно. Поскорее бы выбраться отсюда.

— Все говорят то же самое. Можно подумать, мы находимся здесь специально для того, чтобы мучить людей.

— Раньше я проводил отпуск в более приятных местах.

— У меня к вам предложение, мистер Одран, — перебил мой поток красноречия доктор Йеникнани. — Не желаете ли вы приостановить процессы старения в вашем организме? Предотвратить угасание функций мозга, ухудшения памяти? Есть возможность.

— Ага, — задумчиво кивнул я. — Снова какая-нибудь ловушка?

— Никоим образом. Доктор Лизан разработал технологию, которая позволяет добиться всего вышеперечисленного. Представьте, что вам никогда не придется беспокоиться насчет возрастного старения вашего мозга. Ваши мыслительные процессы в двести лет останутся теми же, что и сейчас.

— Звучит заманчиво, доктор Йеникнани. Вы, конечно, имеете в виду не витаминные добавки, а нечто другое?

Доктор ответил с печальной улыбкой:

— Нет, не совсем. Доктор Лизан работает с дополнением функций коры головного мозга. Он окутывает мозг сетью микроскопических проводов. Они выполнены из золота и присоединены к тем самым органическим волокнам, которые соединяют ваш имплантат с центральной нервной системой.

— Угу. — Все это звучало для меня достаточно дико.

— Органические нити передают электрические импульсы коры головного мозга золотой сети и затем — в обратном направлении. Сеть выполняет функцию своеобразного искусственного хранилища информации. Первые экспериментальные результаты показали, что она увеличивает в три-четыре раза число нейронных связей головного мозга.

— Вроде встроенного блока дополнительной памяти в компьютере, — догадался я.

— Слишком поверхностная аналогия, — не согласился доктор Йеникнани. От моих глаз не укрылось, что он даже несколько разнервничался, рекламируя свое изобретение. — Природа памяти, как вам известно, голографична, и мы предлагаем вам не просто множество пустых ячеек для хранения мыслей и воспоминаний, но более совершенную множественную систему. Ваш мозг и так хранит каждое воспоминание одновременно в нескольких местах, но поскольку клетки мозга старятся и умирают, стираются и эти воспоминания и приобретенные навыки. А с дополнением функций коры головного мозга появляется возможность в несколько раз повысить число таких информативных участков. Ваш разум будет защищен от склероза и деградации, правда, это не исключает травматических повреждений.

— Итак, все, что от меня требуется, — заговорил я по-прежнему с некоторым сомнением, — это разрешить вам и доктору Лизану запихнуть мои мозги в авоську, точно капусту на рынке.

— Да. При этом вы ничего не почувствуете, — усмехнулся моему сравнению доктор Йеникнани. — В дополнение к этому могу вам обещать, что операция во много раз ускорит ваши мыслительные процессы. У вас будет реакция супермена. Вы станете…

— А сколько людей уже подверглись подобной операции и как они чувствуют себя сейчас?

Он пошевелил перед глазами своими длинными пальцами хирурга.

— Мы пока еще не проводили операций на людях, — проговорил он. — Но работа с крысами дала многообещающие результаты.

Я вздохнул с облегчением:

— А я было подумал, что вы хотите меня надуть.

— Я хочу, чтобы вы помнили, мистер Одран, — внушительно сказал доктор Йеникнани, — что ближайшие два года нам придется искать отважных добровольцев, которые помогут нам

раздвинуть границы возможного в медицине. Я похлопал по своим имплантатам.

— Только на этот раз меня не окажется в их рядах. Я и так уже много сделал для медицины.

Доктор Йеникнани пожал плечами, откинулся на спинку стула и внимательно оглядел меня.

— Я понимаю, почему вы спасли жизнь вашего патрона, — сказал он. — Когда-то я объяснял вам, что смерть — лишь преддверие рая, и поэтому ее не нужно бояться. Такой же истиной является утверждение, что жизнь как средство примирения с Аллахом предпочтительнее смерти, если, конечно, мы хотим следовать по пути истины. Вы мужественный человек.

— Не говорите мне, что я совершил подвиг, — с решительным жестом отвечал я. — В то время я даже не думал об этом.

— Конечно, вы не столь щепетильно следуете заветам Пророка, — заметил доктор Йеникнани, — но по-своему вы весьма религиозный человек. Двести лет назад один философ заметил, что религии мира похожи на фонарь с разноцветными гранями, а Бог — это пламя внутри фонаря. — Он встал и пожал мне руку. — Я откланиваюсь, с вашего разрешения.

Всякий раз в разговоре со мной доктор Йеникнани цитировал суфийских мудрецов, видимо, чтобы оставить больному пищу для размышлений на досуге.

— Мир вам, — ответил я.

— И вам того же, — сказал он, покидая палату.

Позже я поужинал печеным ягненком, горохом с куриной подливкой и бобами с луком и помидорами, которые были бы совсем хороши, если бы кто-нибудь напомнил поварам о существовании соли и лимонного сока. После ужина меня снова одолела скука. Я включил телевизор, выключил его, некоторое время тупо смотрел на стену и опять включил. Наконец, к моему величайшему облегчению, около моей постели зазвонил телефон. Я снял трубку, вознося хвалу Аллаху.

Я узнал голос Моргана. Со мной не было англоязычного дэдди, а Морган даже не мог спросить по-арабски, где здесь туалет. Поэтому единственными словами, которые я понял, были «Яварски» и «Абу Адиль». Я пообещал, что немедленно поговорю с ним, как только выйду из больницы, и, сообразив, что все равно не смогу понять его ответа, повесил трубку.

Я лег на кровать и уставился в потолок. По правде говоря, меня не удивило, что между Абу Адилем и сумасшедшим американским киллером существовала связь. Сейчас я не удивился бы, даже узнав, что Яварски — мой некогда проданный брат.

Глава 13

В больнице я провел почти целую неделю. Там я смотрел телевизор, много читал, и, несмотря на мое нежелание кого-либо видеть, меня навестили Чири, Ясмин и Лили, влюбленная в меня транссексуалка. Меня также ожидало два сюрприза: корзина фруктов от Умара Абдул-Кави и визит шести абсолютно неизвестных мне людей, жителей Будайена и кварталов, прилегающих к полицейскому участку. Среди них я узнал молодую женщину с ребенком, которой я дал денег в тот день, когда мы с Шакнахаем были отправлены на поиски Он Чонга.

Она оказалась такой же робкой и нерешительной, как тогда, на улице.

— О шейх! — произнесла женщина дрожащим голосом, ставя на мою тумбочку накрытую платком корзину. — Мы все молим Аллаха о вашем здоровье!

— Мне помогли ваши молитвы, — улыбаясь отвечал я, — потому что меня сегодня выписывают из больницы.

— Хвала Аллаху, — сказала женщина. Она обернулась к сопровождавшим ее людям. — Это родители детей, которых вы ежедневно одариваете деньгами на улицах и у полицейского участка. Они благодарят вас за щедрость.

Эти мужчины и женщины жили в такой же бедности, в какой прожил и я большую часть своей жизни. Казалось странным, что они не испытывали ко мне никакой зависти. Ведь мы иногда бываем так неблагодарны к нашим благодетелям. Еще в молодости я узнал, какое унижение принимать милостыню, особенно в таких стесненных обстоятельствах, когда гордость представляется излишней роскошью.

Конечно, все зависит от того, каким образом подают милостыню. Никогда не забуду, как я в детстве встречал Рождество. Местные алжирские христиане собирали корзинки с едой для меня, моей матери и моего маленького брата. Они входили в нашу жалкую развалюху и радушно улыбались, явно гордясь своим благородным поступком. Они смотрели сначала на маму, потом на меня и Хусейна, ожидая благодарности. Сколько раз я мечтал швырнуть эти проклятые консервы им в лицо.

Я опасался, что родители этих детей испытывают ко мне подобные чувства. Хорошо бы напомнить им, что они вовсе не обязаны выражать мне благодарность за добрые дела.

— Рад был помочь вам, друзья мои, — сказал я. — Но мною на самом деле двигали эгоистические побуждения. В Священном Коране сказано: «Те деньги, которые вы пустите на ветер, должны

быть отданы родителям, ближайшим родственникам, сиротам, нищим и странникам. Горе вам, ибо что вы делаете с вашими деньгами! Аллах видит все!» Поэтому если я и трачу несколько киамов на добрые дела, то этим только облегчаю свою совесть после ночной пирушки с двумя белокурыми близнецами из Гамбурга.

Я заметил, что кое-кто из моих визитеров заулыбался. Это внушило мне уверенности.

— Даже если это так, — сказала молодая мать, — мы все равно благодарны вам.

— Меньше года назад я сам был беден. Иногда мне приходилось есть через день. Порой мне было негде ночевать, и я спал в парках и заброшенных домах. Теперь удача улыбнулась мне, и я всего-навсего возвращаю долг. Вспоминаю, с какой добротой все относились ко мне, когда я был в беде. — Все это было далеко от истины, но с моей стороны звучало чертовски благородно.

— А теперь мы покинем вас, о шейх, — сказала женщина. — Вам, наверное, пора отдохнуть. Мы просто хотели узнать, не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь… Мы были бы рады помочь вам.

Я внимательно посмотрел на нее, оценивая искренность ее намерений.

— Я тут разыскиваю двух молодцов, — заговорил я, — Он Чонга, торговца детьми, и убийцу Пола Яварски. Если вы что-нибудь узнаете о них, я буду весьма благодарен за информацию.

— Пусть Аллах дарует тебе мир и благополучие, шейх Марид Аль-Амин, — пробормотала женщина, пятясь к дверям.

Я заслужил эпитет! Она назвала меня Маридом Правдолюбивым.

— Аллах Йизалимак, — ответил я. И был искренне рад, что они наконец ушли.

Через час заявилась сестра и сообщила, что мой лечащий врач подписал распоряжение о выписке из больницы. Прекрасно! Я позвал Кмузу, и он принес мне чистую одежду. Новая кожа оставалась чрезвычайно чувствительной и уязвимой, отчего процесс одевания стал сущим мучением. Но я все равно был счастлив возможности вернуться домой.

— Этот американец Морган хочет видеть вас, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Он должен что-то сообщить вам.

— Кажется, меня ждут хорошие новости, — заметил я, забираясь в автомобиль. Кмузу закрыл за мной дверцу, обошел автомобиль и сел на сиденье водителя.

— Вас еще ждут некоторые деловые вопросы. У вас на столе лежит большая сумма денег.

— Догадываюсь. Там должно быть два пухлых конверта, один от Фридлендер Бея, второй — моя доля выручки от клуба Чири.

Кмузу покосился на меня.

— У вас уже есть план, как потратить эти деньги, яа Сиди? — спросил он.

Я улыбнулся:

— Держишь темную лошадку?

Кмузу нахмурился. Я вспомнил, что он начисто лишен чувства юмора.

— Вы теперь очень богаты, яа Сиди. С этими деньгами у вас более ста тысяч киамов. С таким богатством можно совершить много добрых дел.

— А я и не знал, Кмузу, что ты ведешь такой строгий учет моих финансов. — Я уже подумывал о добрых делах. Бесплатная клиника для бедных в Будайене или благотворительная столовая были на мой взгляд самыми подходящими ориентирами. Моя реакция не на шутку растрогала Кмузу.

— Ах, как неожиданно, как замечательно! — воскликнул он. — Я всей душой одобряю ваше решение!

— Вот и хорошо, — кисло выдавил я, обдумывая, как построить дальнейшую речь новоявленного филантропа. — Не хочешь ли ты сам заняться этим? Все мое время отнимают дела Абу Адиля и Яварски.

— Я буду чрезвычайно рад. Не думаю, что у вас хватит денег на клинику, яа Сиди, но обеды для бедных — благородный жест.

— Хочется, чтобы это стало не просто жестом. Когда у тебя будут готовы планы и смета, дашь взглянуть.

Самым замечательным в этом разговоре было то, что наконец мне удастся направить энергию Кмузу в другое русло и держать его на некотором расстоянии.

Когда я вошел в дом, Юсеф осклабился и ответил мне поклоном.

— Приветствую вас у себя дома, о шейх! — торжественно возгласил он. После некоторой борьбы он отнял у Кмузу мой чемодан, и вдвоем они проследовали за мной по коридору.

— Вашу квартиру еще ремонтируют, яа Сиди, — тараторил по пути Кмузу. — Я перенес вещи в западное крыло. Квартирка на первом этаже, подальше от вашей матери и Умм Саад.

— Спасибо, Кмузу. — Я уже целиком ушел в мысли о предстоящей работе. Тратить драгоценное время на выздоровление я больше не мог. — Морган все еще там или мне позвонить ему?

— Он в приемной офиса, — встрял Юсеф. — Все в порядке?

— Да. Юсеф, отдай чемодан Кмузу. Он отнесет его в нашу

временную квартиру. И открой кабинет Фридлендер Бея. Не думаю, что шейх станет возражать.

Юсеф размышлял с минуту.

— Конечно, — выдавил он наконец. Я улыбнулся:

— Вот и хорошо. Пока он выздоравливает, его делами займусь я.

— Ну, а я тем временем пойду, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Можно мне приступать к работе над нашим проектом благотворительности?

— Еще бы. И как можно скорее, — поощрил я. — Ступай с миром.

— Да будет с вами Аллах, — ответил Кмузу и направился к крылу, где жили слуги. Мы же. с Юсефом проследовали в Папочкин кабинет.

Юсеф на пороге замялся.

— Можно мне впустить американца? — спросил он.

— Нет, пусть подождет пару минут, — ответил я. — Мне нужно включить англоязычную приставку, иначе я не пойму ни слова. Не окажешь ли такую любезность? — Я объяснил Юсефу, где она лежит. — Когда вернешься, впусти Моргана.

— Слушаюсь, о шейх. — И Юсеф поспешил выполнять мои распоряжения.

Сев в кресло Фридлендер Бея, я почувствовал неприятное волнение, словно бы занял место нечистой силы. Во всяком случае, ощущение не из приятных. У меня не было желания играть роль визиря Владыки криминального мира или законного представителя международной власти. Сейчас я был «шестеркой» у Папочки, но не приведи Бог, если с ним что-нибудь случится: я всегда оставался под рукой, чтобы стать его преемником. Но у меня-то были другие планы на будущее!

Несколько минут я просматривал бумаги на Папочкином столе, но не нашел ничего «жареного» и компрометирующего. Я уже собирался порыться в ящиках стола, когда вернулся Юсеф.

— Я принес всю коробку, яа Сиди.

— Спасибо, Юсеф. Позови Моргана.

— Слушаюсь, о шейх. — Мне начинало нравиться раболепие слуг, что тоже было плохим знаком.

Я подключил англоязычный дэдди как раз в тот момент, когда в кабинет вошел огромный блондин американец.

— Как дела, парень? — спросил он, усмехаясь. — Я не бывал здесь раньше. У тебя тут ничего — уютно!

— У Фридлендер Бея уютненько, — уточнил я, приглашая Моргана располагаться поудобнее. — Я всего-навсего мальчик на побегушках.

— Как скажешь. Хочешь услышать новости? Я откинулся на спинку стула.

— Где Яварски? — спросил я напрямик. Лицо Моргана вытянулось.

— Пока не знаю, парень. Я поговорил со всеми, но так ничего и не выяснил. Не думаю, чтобы он сбежал из города. Видимо, он где-то здесь, но уж больно хорошо спрятался.

— Это на него похоже. Ну, и какие же у тебя новости?

Морган поскреб небритый подбородок.

— Я нашел человека, который знает типа, работающего на Реда Абу Адиля. Этот человек занимается контрабандой. Во всяком случае, мой друг утверждает, что его знакомый слышал, как Пол Яварски грозился его обчистить. Похоже на то, что твой дружок Абу Адиль помог Яварски испариться.

— Из-за него погибли двое полицейских, но это Абу Адиля мало волнует.

— Точно. Абу Адиль нанял Яварски через эту контрабандную фирму и организовал его приезд в город. Не знаю, чего добивался Абу Адиль, но ты же знаешь профессию Яварски. Мой друг называет Яварски выпускником на тот свет.

— И сейчас Абу Адиль прилагает все усилия, чтобы Яварски не засекли?

— Вот именно.

Я закрыл глаза, обдумывая сказанное Морганом. Теперь все встало на свои места. У меня не было прямых доказательств, что именно Абу Адиль нанял Яварски для убийства Шакнахая, но в глубине души я был твердо убежден, что это его рук дело. К тому же я знал, что Яварски убил Бланку и остальных из черного списка в тетради Шакнахая. И я понимал, что двурушничество лейтенанта Хайяра помешает полиции найти Яварски. Даже если Яварски будет пойман, до суда дело не дойдет.

Я открыл глаза и посмотрел на Моргана.

— Продолжай поиск, парень, — напутствовал я его, — не думаю, что кто-нибудь еще этим занимается.

— А деньжата?

Я остолбенело уставился на него:

— Что?

— Мне что-нибудь причитается? Разозлившись, я вскочил с места.

— Ни черта тебе не причитается! Я обещал тебе остальные пять сотен, когда ты найдешь Яварски. Таковы были условия.

Морган встал.

— Ну ладно, парень, успокойся. Я не в претензии.

Я тоже смутился.

— Извини, Морган, — пробормотал я, — все эти дела просто сводят меня с ума. Ты тут ни при чем.

— Понимаю. Ведь вы с Шакнахаем были друзья. Хорошо, я продолжу поиски.

— Спасибо, Морган. — Я вышел с американцем из кабинета и проводил его до выхода. — Мы не дадим им легко отделаться.

— Их ждет расплата, верно, парень? — Морган, усмехаясь, опустил свою лапу на мое обожженное плечо. Я вздрогнул.

— Верно.

Я дошел с ним до поворота. Мне хотелось как можно скорей улизнуть из дома: если я сделаю это сейчас, то Кмузу не потащится за мной.

— Ты, случаем, не в Будайен? — спросил я.

— Нет, у меня другие планы. До скорого, парень!

Я вернулся и вывел машину из гаража. Самое время навестить свое заведение и посмотреть, на месте ли оно.

В клубе еще дежурила дневная смена и было пять или шесть посетителей. Индихар нахмурилась и отвела взгляд, когда я посмотрел в ее сторону. Я решил сесть за столик, а ие на свое обычное место за стойкой. Ко мне подошла Пуалани.

— Стаканчик «Белой смерти»? — спросила она.

— «Белой смерти»? А что это? Она пожала худыми плечами.

— Так Чири называет эту жуткую смесь джина и бингары, которую ты пьешь. — И она состроила гримасу отвращения.

— Да, принеси «Белой смерти». — Название мне понравилось.

На сцене Брэнди танцевала под пропагандистскую музыку сикхов, по необъяснимой прихоти моды эти ритмы стали пользоваться бешеной популярностью. Я же просто ненавидел эту музыку, как ненавидел и политические лозунги, даже самые ритмичные и удобно укладывающиеся в два музыкальных такта.

— Пожалуйста, босс, — сказала Пуалани, бросив передо мной салфетку пришлепнув ее стаканом. — Ты не против, если я присяду?

— Садись.

— Я хотела тебя о чем-то спросить. Я давно думала сделать себе имплантат, чтобы пользоваться модди… — Склонив голову, она посмотрела на меня выжидательно, словно я мог не понять сказанного.

— Хм… — произнес я. С Пуалани можно общаться только односложно, иначе разговор будет продолжаться всю оставшуюся жизнь.

— Все говорят, что ты знаешь об этом больше других. Не можешь ли ты рекомендовать мне кого-нибудь?

— Врача?

— Ну да.

— Врачей, делающих такую операцию, много. И. почти на всех можно положиться.

Пуалани капризно надулась:

— Я-то думала, ты посоветуешь мне врача, к которому я могу пойти по твоей рекомендации.

— Доктор Лизан не занимается частной практикой, но его ассистент доктор Йеникнани вполне надежный человек.

Пуалани бросила на меня быстрый взгляд: — Ты запишешь для меня его фамилию?

— Конечно. — Я нацарапал фамилию и телефон на салфетке.

— А ты не знаешь, — спросила она, — искусственной грудью он не занимается?

— Не знаю, лапочка.

Пуалани уже истратила небольшое состояние на телесные трансформации. У нее была очаровательная попка, округленная посредством силикона, подчеркнутые с его же помощью скулы, форму носа и подбородка она также изменила. Кроме того, у нее имелись имплантированные груди. Пуалани обладала потрясающей фигурой, и. увеличивать грудь с ее стороны было бы ошибкой. Но я уже давно убедился, что спорить с танцовщицами по поводу размеров их бюста бесполезно.

— Спасибо тебе, — вздохнула она, явно разочарованная.

Я отхлебнул «Белой Смерти». Пуалани и не собиралась уходить. Я ждал, что она скажет еще:

— Ты знаешь Индихар? — спросила Пуалани.

— Конечно.

— Она в беде. У нее отчаянное положение.

— Я пытался дать ей взаймы, но она не берет. Пуалани покачала головой:

— Она не возьмет, но, может быть, ты найдешь другой способ помочь ей? — Она встала и побрела к столику, за которым сидели два азиата в матросских шапочках.

Временами так хочется уйти из реального мира с его проблемами! Я пригубил еще из своего стакана, затем встал и направился к бару. Индихар меня заметила и приблизилась.

— Принести тебе чего-нибудь, Марид? — спросила она.

— Скажи, пенсия Иржи тебя не очень спасает? Она раздраженно взглянула на меня, отвернулась и отошла к другому концу стойки.

— Мне не нужны твои деньги, — сказала она. Я подошел поближе.

— Речь не о деньгах. Как бы ты посмотрела на предложение

надомной работы, которой можно заниматься, когда захочешь, и попутно присматривать за детьми. Не надо будет платить бебиситтеру.

Индихар обернулась.

— О чем ты? — недоверчиво спросила она. Я улыбнулся:

— У меня идея поселить тебя вместе с малышами Иржи, Захрой и Хакимом в пустующей квартире Папочкиного дома, сэкономите кучу денег.

Она задумалась.

— Даже не знаю… А на что я там?

Мне необходимо было срочно придумать какую-нибудь вескую причину:

— Это из-за моей матери. Нужно, чтобы кто-нибудь присматривал за ней. Я буду платить тебе, сколько скажешь.

Индихар хлопнула по стойке рукой.

— У меня уже есть работа, забыл?

— Ну, — откликнулся я, — если дело за этим, ты уволена.

Ее лицо побелело.

— О чем ты говоришь, черт возьми?

— Подумай, Индихар. Я предлагаю тебе прекрасную бесплатную квартиру с питанием плюс еженедельно солидную сумму денег и сокращенный рабочий день, учитывая, что моя мамочка не способна на сумасшедшие поступки. Ты сможешь присматривать за детьми, тебе не надо будет раздеваться и танцевать и к тому же иметь дело с пьяными придурками и ленивыми коровами вроде Брэнди.

Ее брови поползли вверх.

— Марид, я смогу дать тебе окончательный ответ, — сказала Индихар, — когда разберусь, в какую авантюру ты хочешь меня втянуть. Все это слишком заманчиво, дорогой, чтобы быть правдой, если, конечно, у тебя сейчас нет модди Санта-Клауса.

— Ладно, подумай, поговори с Чири. Ты ей доверяешь. Послушай, что скажет она.

Индихар кивнула. Она все еще смотрела на меня с недоверием.

— И запомни: даже если я соглашусь, — заявила она, — я не стану с тобой трахаться.

Я вздохнул:

— Хорошо, — и вернулся за свой столик. Минуту спустя рядом со мной сел Фуад Иль-Манхус.

— Однажды утром я проснулся, — проблеял он своим гнусавым голосом, — а моя мама говорит мне: «Фуад, у нас кончились деньги, поймай одного цыпленка и продай его».

Он завел одну из своих старых сказок. Фуаду так недоставало

внимания, что он готов был сделать из себя посмешище, лишь бы развеселить меня. Самое грустное заключалось в том, что даже самые фантастические истории Фуада имели вполне реальную основу.

Он не сводил с меня глаз, пока не убедился, что я все понял.

— Так я и сделал. Пошел в мамочкин курятник и стал гоняться за цыплятами, пока не поймал одного. Я нес его под гору, потом в гору, потом через мост, потом по улице, пока не пришел на птичий рынок. Раньше я никогда не продавал цыплят, поэтому не знал, как мне быть дальше. Весь день я простоял на площади, пока торговцы не стали сгребать деньги и ящики и грузить непроданный товар на телеги. Я уже слышал вечерний призыв к молитве и понял, что времени осталось немного.

Я подошел к одному человеку и сказал, что хочу продать цыпленка. Он посмотрел на него и покачал головой:

— У этого цыпленка совсем нет зубов.

Я тоже осмотрел цыпленка, и, клянусь Аллахом, покупатель был прав. У цыпленка не было ни единого зуба. Поэтому я спросил:

— Сколько же вы мне за него дадите? И человек дал мне горсть медяков.

И я отправился домой; одну руку я держал в кармане, а в другой нес медяки. Когда переходил по мосту через канал, огромная туча комаров собралась над моей головой. Я замахал руками, чтобы разогнать их, и так перебежал через мост. На другой стороне я увидел, что денег у меня больше нет. Я уронил все медяки в воду.

Фуад осторожно кашлянул.

— Эх, стаканчик бы пива, Марид, — намекнул он. — Так пить охота!

Я махнул рукой Индихар,

— Платишь ты? — спросил я. Его длинное лицо еще больше вытянулось. Вид у него был как у щенка, которому вот-вот зададут трепку. — Шутка, — сказал я. — Сегодня я угощаю. Хочу послушать, чем кончилась эта история.

Индихар поставила перед сказочником кружку пива и осталась, чтобы дослушать историю.

— Бисмиллах, — пробормотал Фуад и сделал большой глоток. Он поставил кружку, взглянув на меня с благодарностью. — Когда я пришел домой, моя мама была в ярости. У меня не было ни цыпленка, ни денег.

— В следующий раз, — сказала она, — клади выручку в карман.

— Ах, как же я сам не догадался!

На следующее утро мама разбудила меня и велела отнести на базар другого цыпленка. Я оделся и отправился в курятник, поймал одного и понес сначала под гору, потом в гору, потом через мост, потом по улице на базар. На этот раз я не стоял целый день на солнцепеке, а сразу пошел к торговцу и показал ему второго цыпленка.

— Этот такой же, как вчерашний, — сказал он. — И к тому же он весь день будет занимать у меня место на телеге. Но знаешь, что я сделаю? Я дам тебе взамен цыпленка большой кувшин меда.

Сделка была удачной, потому что у моей мамы оставалось еще четыре цыпленка, но совсем не было меда. Поэтому я взял кувшин и пошел домой. Но только я перешел через мост, как вспомнил, что говорила моя мама. Я открыл кувшин и вылил мед в карман. И у самого дома я обнаружил, что весь мед вытек.

Моя мама рассердилась пуще прежнего.

— В следующий раз, — сказала она, — неси его на голове.

— Ах, как же я сам не догадался!

На третье утро я поймал другого цыпленка, понес его на базар и показал торговцу.

— У вас что — все цыплята такие плохие? — спросил он. — Ну, так и быть, во имя Аллаха, я отдам тебе свой ужин за этого цыпленка. — И торговец дал мне творога.

Я вспомнил, что говорила мне мама, и положил творог на голову. Я пошел сначала по улице, потом через Мост, потом под гору, потом в гору. Когда я пришел домой, моя мама спросила, что мне дали за цыпленка.

— Творог на ужин, — сказал я.

— Где же он? — спросила она.

— На голове, — сказал я.

Она посмотрела на меня и потащила мыться. Она вылила на мою голову целый кувшин холодной воды и стала скрести ее жесткой щеткой. Все это время она кричала на меня и ругала за то, что я положил творог на голову.

— Ах, как же я сам не догадался!

И вот на следующее утро я пошел в курятник и поймал самого хорошего, жирного цыпленка. Я вышел из дома, тюка моя мама еще спала, и понес цыпленка под гору, потом по улице, на птичий рынок.

— Доброе утро, друг мой! — встретил меня торговец. — Я вижу, ты принес еще одного старого беззубого цыпленка.

— Это очень хороший цыпленок, — возразил я, — и я хочу получить за него хорошую цену.

Торговец внимательно осмотрел цыпленка, что-то пробормотал себе под нос.

— Знаешь, — сказал он наконец, — у него слишком часто натыканы перья.

— А разве так не должно быть? — спросил я. Торговец указал на груду ощипанных цыплят без головы:

— Видишь, они без перьев?

— Вижу, — отвечал я.

— Ты когда-нибудь жарил цыпленка с перьями?

— Никогда, — сказал я.

— Тогда послушай меня. Чтобы выдернуть перья, требуется много времени и сил. Я могу предложить тебе за маленького цыпленка вот этого большого сильного кота.

Я подумал, что это неплохая сделка, потому что кот будет ловить мышей и крыс, которые бегают в курятник и воруют у цыплят корм. Я вспомнил, что говорила мне мама, и осторожно взял кота в руки. Когда дорога шла под гору, кот начал рычать, плеваться, извиваться и царапаться. Я не смог удержать его в руках, он вырвался и убежал.

Я знал, что моя мама снова рассердится.

— В следующий раз, — сказала она, — привяжи его на веревку и тащи за собой.

— Ах, как же я сам не догадался!

У нас оставались только два цыпленка, и на следующее утро мне пришлось долго ловить одного, хотя мне было все равно, какого поймать. Когда я добрался до базара, торговец был очень рад меня видеть.

— Хвала Аллаху, сегодня утром мы оба в добром здравии, — улыбаясь, сказал он. — Я вижу, у тебя цыпленок.

— Да, — сказал я и положил цыпленка на покосившуюся доску, служившую ему прилавком.

Торговец взял цыпленка, взвесил его в руках и постучал по Нему пальцем, как по спелой дыне.

— Эта курочка несет яйца? — спросил он.

— Конечно! Это лучшая несушка у моей мамочки.

Торговец покачал головой и нахмурился:

— Видишь ли, это плохо. От каждого снесенного яйца курочка худеет. Она была бы хороша, если бы не несла яиц. Ты вовремя принес ее мне, пока она не растаяла, как дым.

— Но яйца тоже стоят денег, — сказал я.

— Яиц я пока не вижу. Знаешь, я предложу тебе этого убитого ощипанного цыпленка, готового к жарке, взамен твоей несушки. Другие торговцы птицей не дадут тебе больше. Когда они услышат, что твоя курочка — хорошая несушка, ты не получишь за нее даже двух медяков.

Мне повезло, что я так понравился этому человеку, иначе он

не открыл бы мне столько секретов. Поэтому я обменял свою дешевую несушку на ощипанного цыпленка, хотя, на мой взгляд, он выглядел тощим, был какого-то необычного цвета и даже имел странный залах.

Я вспомнил, что говорила мне мама, обвязал цыпленка веревкой и потащил домой.

Вы бы только слышали, как кричала на меня мама, когда я пришел. От бедного ощипанного цыпленка остались одни косточки.

— Клянусь зеницей ока, — кричала она, — ты глупее всех на земле ислама! В следующий раз неси его на плече.

Ах, как же я сам не догадался!

И вот остался только один цыпленок, и я пообещал себе, что завтра окажусь удачливее. На этот раз я не ждал, пока моя мама разбудит меня. Я встал пораньше, умылся, надел свою лучшую одежду и пошел в курятник. Целый час я гонялся за лучшим мамочкиным цыпленком. Его звали Муна. Наконец я схватил бьющуюся птицу, вынес ее из курятника и понес под гору, потом в гору, потом через мост по улице на рынок.

Но в то утро торговца птицей не оказалось на месте. Я постоял несколько минут, удивляясь, куда мог подеваться мой друг. Наконец ко мне вышла девушка. Она была скромно одета, как подобает истинной мусульманке, лицо ее было спрятано под покрывалом. Когда девушка заговорила, по ее голосу я понял, что Она, вероятно, самая прекрасная из всех женщин, которых я когда-либо встречал.

— Так можно нажить себе кучу неприятностей, — заметил я Фуаду. — Я уже совершил много подобных ошибок, влюбляясь по телефону.

Фуад нахмурился, недовольный тем, что я перебил его, и после моих слов продолжил свой рассказ:

— Она была, вероятно, самой прекрасной из всех женщин, которых я когда-либо встречал. И тут девушка сказала мне:

— Вы — тот самый джентльмен, который каждое утро продавал моему отцу цыпленка?

— Наверно, — сказал я. — Но я не знаю, кто ваш отец. Это его лавка? — Девушка ответила, что его. — Тогда я тот самый джентльмен, а это — мой последний цыпленок. И где же ваш отец сегодня?

В ее глазах заблестели слезы. Она грустно посмотрела на меня (я мог видеть лишь нижнюю часть ее лица) и сказала:

— Мой отец серьезно заболел. Доктор говорит, что он не доживет до вечера.

Я был очень расстроен.

— Да помилует Аллах твоего отца и дарует ему здоровье. Ведь если он умрет, мне сегодня придется продавать своего цыпленка кому-нибудь другому.

Девушка ничего не ответила, ей, вероятно, было безразлично, куда я дену своего цыпленка. Помолчав, она сказала:

— Мой отец велел мне разыскать вас. Его мучают угрызения совести. Он говорит, что обманывал вас, и хочет загладить свою вину, прежде чем предстанет перед Аллахом. Он просит вас принять в подарок осла, который верно служил ему десять лет.

Я отнесся к этому предложению с недоверием, ведь я не был знаком с девушкой так долго, как с ее отцом.

— Если я правильно вас понял, вы предлагаете своего чудесного осла взамен моего цыпленка?

— Да, — отвечала она.

— Я должен подумать. Ведь я уже говорил, что это наш последний цыпленок.

Я думал о ее предложении, думал еще и еще и решил, наконец, что на этот раз моя мама не рассердится. Я уверился, что уж эта сделка наверняка обрадует ее.

— Ладно. — Я взял осла за повод. — Забирайте цыпленка и скажите своему отцу, что я буду молиться о его здоровье, чтобы завтра он вернулся в свою лавку, иншаллах.

— Иншаллах, — сказала девушка и потупилась. Она ушла с последним цыпленком моей мамочки, и больше я ее никогда не видел. Я часто думаю о ней. Наверное, она — единственная женщина, которую я любил.

— Да, наверно, — рассмеялся я. Фуад был неважным шутником: юмор у него всегда плавал на поверхности. Каждый вечер Фуада можно было увидеть в квартале красных фонарей, у Фатимы и Насира. Никто из моих знакомых не рискнул бы пойти туда в одиночку, Фуад же проводил там значительную часть своего досуга, то и дело влюбляясь и вырывая с корнем свою очередную любовь.

— И вот, — продолжал он, — я уже было повел осла домой, как вдруг вспомнил, что говорила мама. Поднатужившись, я с большими усилиями поднял осла на плечи. Честно говоря, я никак не мог понять, почему моя мама пожелала, чтобы я доставил товар таким образом.

Шатаясь, я брел домой с ослом на плечах, и по дороге под гору я проходил мимо прекрасного дворца шейха Салмана Мубарака. Должен вам сказать, что шейх Салман жил в этом огромном дворце вместе со своей красавицей дочкой, ей было шестнадцать лет, и со дня своего появления на свет она ни разу не засмеялась. Она даже не умела улыбаться и, хотя говорить

умела не хуже нас с вами, не произнесла ни единого слова со дня смерти своей матери, почившей, когда дочери исполнилось три года. Доктора сказали, что, если ее рассмешить, она заговорит снова, или же, наоборот — если заставить ее заговорить, она опять сможет смеяться. Шейх Салман сулил много денег тому, кто поможет его дочери. Вдобавок он обещал отдать ее замуж за этого человека. Один за другим юноши пытались совершить чудо, но прекрасная девушка по-прежнему сидела у окна, с печалью глядя на происходившее вокруг.

Как раз в это время я проходил с ослом на плечах. Должно быть, он выглядел забавно, брюхом кверху, с барахтающимися в воздухе копытами. Мне сказали, что сначала дочка шейха в недоумении смотрела на меня и на осла, а потом от души, рассмеялась, немедленно обрела дар речи и стала громким голосом звать своего отца. Шейх был так благодарен мне, что сам выбежал мне навстречу.

— И он выдал за тебя свою дочь? — спросила Индихар.

— Разумеется, — ответил Фуад.

— Какая романтическая история, — сказала она.

— Женившись на ней, я стал самым богатым человеком в городе после самого шейха. И моя мама наконец осталась довольна и не жалела о том, что у нее не осталось ни одного цыпленка. Она поселилась во дворце со мной и моей женой.

Я вздохнул.

— Насколько правдива эта история, Фуад? — спросил я.

— Ох, — сказал он, — я совсем позабыл. Шейх почему-то торговал каждый день на рынке битой птицей. Не знаю, для чего он это делал. А его дочка действительно оказалась красавицей.

Индихар наклонилась, выхватила у Фуада недопитую кружку пива и опорожнила её.

— Я думала, торговец птицей умер, — сказала она.

Фуад нахмурился:

— Да, он был при смерти, но когда услышал, что его дочь смеется и называет его по имени, произошло чудо, и шейх выздоровел.

— Хвала Аллаху, источнику благодати, — произнес я.

— Я все это придумал — про шейха Салмана и его прекрасную дочь, — сказал Фуад с улыбкой.

— Хм… — задумчиво отозвалась Индихар. — А твоя мать действительно разводит цыплят?

— Да, конечно! — воскликнул он. — Правда, сейчас у нас не осталось ни одного.

— Ты их продал?

— Я сказал маме, что пришло время завести цыплят

помоложе, у которых еще не выпали зубы.

— Ну, я иду вытирать столы, — изрекла Индихар и удалилась.

Я влил в себя остатки «Белой смерти». После рассказа Фуада мне захотелось пропустить еще стаканчика три-четыре.

— Еще пива? — предложил я. Он встал.

— Спасибо, Марид, но я должен идти зарабатывать деньги. Хочу купить своей девушке золотую цепочку.

— А почему ты не подаришь ей одну из тех, которые продаешь туристам?

Фуад взглянул на меня с ужасом.

— Она выцарапает мне глаза! — Видимо, ему попалась красотка с характером. — Между прочим, Халф-Хадж просил меня показать тебе вот что. — Вытащив из кармана, Фуад положил передо мной блестящую стальную штуковину около шести дюймов длиной. Пустая обойма от автоматического пистолета.

Сейчас немногие пользуются старинным оружием, но у Пола Яварски был пистолет сорок пятого калибра. И эта обойма вполне могла принадлежать ему.

— Где ты раздобыл это, Фуад? — спросил я небрежно, поигрывая обоймой.

— В переулке за клубом Веселого Че. Я там иногда находил монеты. Они выкатываются из карманов публики, когда она идет по переулку. Сперва я показал эту штуку Саиду, а он велел отдать ее тебе.

— Я никогда не слыхал о Веселом Че.

— Тебе он не понравится. Жуткое место. Я туда и не захожу, а просто прогуливаюсь по переулку.

— Ясно. Где это?

Фуад закрыл один глаз и задумался:

— Хамидийя. Улица Акнули.

Хамидийя. Маленькое королевство Реда Абу. Адиля.

— А почему Саид решил, что я заинтересуюсь этой штукой? — спросил я.

Фуад пожал плечами:

— Он не сказал мне. Ну и как? Ты заинтересовался?

— Да, спасибо тебе, Фуад. С меня еще стаканчик.

— Правда? Тогда, может быть…

— В другой раз, Фуад! — Я рассеянно махнул рукой. Думаю, он понял намек и вскоре ушел.

Мне предстояло о многом подумать. Был ли это ключ к тайне? Действительно ли Пол Яварски спрятался у Абу Адиля? Или же Саид Халф-Хадж заманивал меня в ловушку, не зная, что я уже раскусил его?

Выбора у меня не оставалось. Ловушка это или нет, я должен туда идти. Но не сейчас.

Глава 14

Я подождал до утра и пошел. У меня было неприятное чувство, что мне брошен вызов, но в то же время я не испытывал страха. Я был уверен, что не найду Яварски, используя традиционные методы сыска. А если я сам положу голову на плаху, палач обязательно появится.

Может, эта обойма вовсе не от пистолета Яварски, и у Веселого Че меня ожидает компания молодчиков в идеально сшитых кафтанах.

Я размышлял об этом, идя по Улице мимо клуба Френчи Бенуа по направлению к кладбищу. Я чувствовал, что события стремительно близятся к завершению, но не мог предугадать, будет их исход счастливым для меня или нет. Я пожалел, что со мной нет Шакнахая, он бы дал мне совет, — и вообще мне следовало бы побольше у него учиться, пока он был жив. Первое, что я собирался сделать, — это навестить его могилу.

У входа на кладбище среди неровных бетонных плит на корточках сидели несколько человек. Заметив меня, они тут же вскочили: старики, продающие кока-колу и шараб из помятых холодильников на багажниках велосипедов, беззубые старухи, с улыбкой сующие мне в лицо букеты поникших, цветов, ребятишки, орущие: «О щедрый, о милосердный!» — бросаясь мне прямо под ноги. Порой я игнорирую хорошо организованное, шумное попрошайничество — в такие минуты все мое сочувствие пропадает.

Я протолкался сквозь толпу, остановившись лишь для того, чтобы купить букетик увядших цветов за пару киамов, и через кирпичную арку вошел на территорию кладбища.

Могила Шакнахая находилась через аллею, у стены в западной части кладбища. Земля на могиле была еще свежей, но кое-где уже начала пробиваться трава. Я нагнулся и положил букетик в изголовье, обращенное по мусульманской традиции в сторону Мекки.

Выпрямившись, я бросил взгляд на Шестнадцатую улицу поверх могил, по воле случая оказавшихся по соседству. Могилы мусульман были отмечены звездой и полумесяцем, христиан — крестом, виднелись там и несколько щитов Давида. Многие могилы не имели ни того, ни другого. Шакнахай покоился под высокой плоской плитой, на которой были выбиты его имя, дата рождения и смерти. Когда-нибудь плита перевернется или ее украдет бедняк, у которого не найдется денег на памятник. Имя Шакнахая сотрут наждаком или стекловатой, и плита послужит

надгробием кому-то другому, пока ее не украдут снова. Я подумал, что надо бы заказать хорошо укрепленное надгробие — Шакнахай заслужил его.

Мальчик в длинном одеянии и тюрбане потянул меня за рукав.

— О брат печали, — тонким голосом протянул он, — я могу почитать Коран.

Это был один из юных шейхов, знающих наизусть весь Коран. Наверное, он кормил своих родителей чтением священной книги на кладбище.

— Я дам тебе десять киамов. Помолись за моего друга.

Мальчик поймал меня в мгновение слабости.

— Десять киамов, эфенди! Вы хотите, чтобы я прочитал всю Книгу целиком?

Я положил руку на его тощее плечо.

— Нет. Только что-нибудь утешительное о загробной жизни.

Мальчик нахмурился. — Там очень много про Ад и вечное пламя, — пробормотал он.

— Знаю, но об этом не надо.

— Хорошо, эфенди. — И он начал нараспев читать старинные слова. Я оставил его у могилы Шакнахая и побрел к выходу.

Под низкой белой плитой, которая уже начала крошиться, покоилась моя подруга и возлюбленная Никки. Ее семья могла бы перевезти тело для погребения домой, но близкие предпочли оставить ее тут. Никки была транссексуалкой, и ее семья не хотела лишних толков. Эта одинокая могила странным образом соответствовала ее тяжелой безрадостной жизни. На моем столе в участке лежал маленький медный жук скарабей, некогда принадлежавший Никки, Не проходило дня, чтобы я не вспомнил о ней.

Я миновал могилы Тамико, Деви и Селимы, черных сестер — вдов шиита Хасана, сукиного сына, который чуть было не убил и меня. Расхаживая по узким, мощенным кирпичом дорожкам в столь горестном расположении духа, я вспомнил, что вовсе не собирался провести остаток дня таким образом. Стряхнув с себя нарастающее уныние, я направился на Улицу. Когда я, уходя, обернулся, юный шейх все еще стоял у могилы Шакнахая, нашептывая священные слова. Я был уверен, что, даже если я уйду, он останется там, пока не наговорит на десять киамов.

Мне пришлось снова пробиваться сквозь толпу попрошаек, но на этот раз я бросил им пригоршню монет. Пока они дрались за милостыню, мне удалось улизнуть. Сняв с пояса телефон, я назвал код Саида Халф-Хаджа. Я уже был готов отключить аппарат, когда он наконец отозвался:

— Мархаба, — сказал он.
— Это Марид. Как дела?
— Прекрасно. Что случилось?
— Ничего особенного. Меня выписали из больницы.
— Рад слышать.
— Ну и скучища там! Ты сейчас с Жаком и Махмудом?
— Да. Сидим у Курана. Заходи.
— Зайду. Ты мне нужен.
— Зачем?
— Потом расскажу. Буду через полчаса. Ма-ассалаама.
— Аллах Йизалимак.

Я повесил телефон на ремень. Весь путь до клуба Чириги я проделал пешком и внезапно почувствовал, что ужасно хочу зайти туда и попросить у Индихар и девочек несколько соннеинок или трифеток. Это чувство ничуть не напоминало похмелье, оно было сродни чудовищному голоду. Требовалась сильная воля, чтобы его победить. Гораздо проще было бы сдаться и признать свою слабость. Я поступил бы так, если бы позже мне не потребовалась ясная голова.

Не доходя до Пятой улицы, я остановился, пораженный необычным зрелищем. Лайла, старая ведьма, владелица магазина модификаторов, стояла посреди Улицы и пронзительным голосом выкрикивала проклятия в адрес Сафии, Леди с Ягненком, которая стояла неподалеку и орала не менее громко. Они напоминали двух героев американского фильма, кричащих, рычащих и угрожающих друг другу. По улице прошла группа туристов; они остановились и некоторое время растерянно наблюдали эту сцену, а затем повернули назад к восточным воротам. Я хотел последовать их примеру. Я буквально кожей ощущал зеленые лучи, исходившие из глаз женщин.

Мне не удалось разобрать, что именно они кричали с таким надрывом в голосе; должно быть, они вопили не по-арабски. Не знаю, был ли трансплантат у Леди с Ягненком, но Лайла никогда не выходила без модди и целой пригоршни дэдди. Насколько мне известно, она запросто могла поболтать даже на языке древних этрусков.

Однако вскоре обе устали. Сафия ушла первой, сделав напоследок непристойный жест и направившись по Улице к бульвару Иль-Жамель. Лайла поглядела ей вслед, выкрикнув несколько заключительных ругательств. Потом, продолжая ворчать, она свернула на Четвертую улицу. Я пошел за ней, надеясь найти в ее магазине необходимые модди.

Когда я вошел, Лайла уже сидела за кассой, мурлыкая под нос и разбирая накладные. Увидев меня, она улыбнулась.

— Марид, с печалью в голосе произнесла она, — знаешь ли ты, как утомительно быть женой сельского врача?

— Если честно, нет. — По всей вероятности, она включила другой модди, как только вернулась к себе, и сейчас вела себя так, словно никогда и не видела Леди с Ягненком.

— Знаешь, — продолжала она с хитрой улыбкой, — если бы ты представлял себе все это, то не стал бы винить меня в том, что я захотела завести любовника.

— Мадам Бовари?

Она подмигнула. Зрелище было довольно неприятное.

Я начал рыться в пыльных коробках, сам еще не представляя, что мне нужно.

— Лайла, — крикнул я через плечо, — ты не знаешь, что означают буквы «А.Л.М.»?

— L'Association des Larves Moboules? — Что означало Ассоциация сумасшедших личинок.

— Кто они? — спросил я.

— Сам знаешь. Такие, как Фуад.

— Никогда не слышал об этой ассоциации.

— Я сама только что ее придумала, cheri.

— Ах вот как…

Я вытащил упаковку модификаторов, привлекших мое внимание. Это была антология литературных героев, преимущественно европейско-американских защитников слабых, хотя среди них находились и поэт, бывший император в древнем Китае, полубог племени банту и скандинавский шутник. Единственным знакомым мне именем был Майк Хаммер. Кроме того, у меня оставался модди Ниро Вулфа, хотя Арчи Гудвин из этого комплекта трагически погиб под каблуком Саида Халф-Хаджа.

Решив приобрести антологию, которая даст мне широкий спектр навыков и личностных особенностей, я отнес модди Лайде.

— Сегодня я беру только эту, — предупредил я.

— У меня есть еще…

— Заверни, Лайла.

С обиженным видом она взяла протянутый десятикиамовый банкнот. Я призадумался, какой бы модди мне выбрать для визита к Веселому Че.

У меня еще оставался Королевский, этот чертов модди, подаренный мне Саидом. В конце концов я решил, что возьму его, а новый оставлю про запас.

— Вот сдача, Марид.

Я взял сверток, а сдачу оставил старухе:

— Купи себе что-нибудь, Лайла. Она снова улыбнулась:

— Знаешь, сегодня вечером Леон устроит мне романтический сюрприз.

— Конечно. — И я вышел с несколько жутковатым чувством — оно всегда и надолго оставалось у меня от встречи с Лайлой.

Едва успев шагнуть на улицу, я услышал выстрелы. Осколок штукатурки больно царапнул под самым глазом. Я бросился в дверной проем игорного дома, соседнего с магазином Лайлы. Снова загремели выстрелы, и совсем рядом я увидел клубы кирпичной пыли. Что было сил я вжался в дверь. Еще два выстрела. Кто-то стрелял в меня восемь раз из длинноствольного, судя по точности попаданий, пистолета.

Никто не прибежал на эти звуки. Никому даже в голову не пришло посмотреть, что со мной, не требуется ли медицинская помощь. Я подождал, раздумывая, когда можно будет снова высунуться наружу. Может быть, Яварски спрятался на той стороне улицы с новой обоймой в пистолете 45-го калибра? Или это было только предостережение? Ведь если он хотел убить меня, он бы мог сделать это без особого труда: я был как на ладони.

Мне надоело прятаться, и через несколько минут я покинул свое убежище. Должен признаться, у меня зудело между лопатками, когда я заворачивал за угол. Видимо, Яварски послал мне вызов. Но я и не думал уклоняться, просто хотелось явиться перед врагом во всеоружии.

Правда, перед тем, как посвятить все свое внимание американцу, предстояло завершить еще одно дело. Я подошел к своему автомобилю и бросил новые модди под заднее сиденье, где лежал мой дипломат, а затем неторопливо повел машину к Курану по улицам Размийи. Прибыв на место, я припарковал машину в переулке и вынул из дипломата модди Сайда. Повертев его в руках, включил, добавив дэдди, блокирующее усталость и боль. После этого я вошел в тускло освещенный бар Курана.

— Мсье Одран! — воскликнул экспатриант, шагнув мне навстречу с распростертыми объятиями. — Ваши друзья сказали, что вы к нам едете. Рад снова видеть вас!

— Я тоже! — сказал я, увидев за столиком в глубине бара Халф-Хаджа, Махмуда и Жака.

Куран шел за мной, говоря вполголоса:

— Не правда ли, какой ужас — вся эта история с офицером Шакнахаем?

Я повернулся к нему:

— Вот именно, Куран. Ужас.

— Искренне сожалею. — Он опустил голову, подтверждая

правдивость своих чувств.

— Водку-джимлет, пожалуйста, — попросил я. Это вынудило его удалиться.

Я приволок стул и подсел к компании. Взглянув на них, я не произнес ни слова. Последнее время я не пользовался в этой компании популярностью, но и не вызывал откровенной неприязни. Интересно, изменилось ли их отношение ко мне?

Жак был из христиан, питающих симпатии к тем, в чьих жилах европейской крови меньше, чем у них самих. Сейчас он, подмигнув, одобряюще кивнул мне:

— Я слышал, ты вынес Папочку из горящего дома.

Подошел Куран с моим бокалом! Вместо ответа я сделал глоток.

— Однажды я присутствовал на пожаре, — заговорил Халф-Хадж. — Вернее, был в доме, который сгорел через час после моего ухода. Я мог погибнуть.

Транссексуал Махмуд фыркнул.

— Марид, — произнес он с кокетливым удивлением, — я поражен.

— Да… — ответил я. — Как раз этого мне и хотелось больше всего — поразить вас, ублюдков. —

Я выдавил в свой бокал ломтик лимона. — Витамин С, сами понимаете…

— Да нет же, правда, — продолжал Махмуд. — Все только и говорят об этом. Ты был на высоте.

Жак пожал плечами:

— Особенно если ты думал о том, что мог бы легко покончить с Фридлендер Беем. Стоило только дать старикану как следует поджариться.

— А ты думал об этом? — спросил Махмуд, — В тот момент?

Наступил подходящий момент для глотка водки, — я был уже достаточно взбешен. Поставив стакан, я оглядел их всех по очереди.

— Вы знаете Индихар, верно? Так вот, с тех пор как погиб Иржи, у нее финансовые затруднения. Она не хочет брать в долг у меня или Чири и не может взвалить на себя еще больше работы в клубе.

Брови Махмуда поползли вверх.

— Может, она хочет поработать на меня? У девочки красивая задница — я бы платил ей хорошие деньги.

Я помотал головой.

— Ей этого не надо, — отрезал я. — Она просит меня найти новых родителей для одного из своих малышей. У нее два мальчика и девочка. Она согласна отдать одного мальчика.

Это заставило их прикусить языки.

— Может быть, — наконец произнес Жак, — я что-нибудь придумаю.

— Будь так любезен, — охотно откликнулся я. — Индихар сказала, что могла бы расстаться и с девочкой, если их возьмут вместе и цена будет сходной.

— Как скоро все это тебе нужно? — спросил Махмуд.

— Чем скорее, тем лучше. А сейчас я ухожу. Саид, ты не выйдешь со мной?

Халф-Хадж посмотрел сначала на Махмуда, затем на Жака, но никто из них так и не произнес ни слова.

— Пожалуй, нет, — ответил он.

Я вынул из кармана двадцать киамов и положил на стол:

— Угощаю.

Махмуд внимательно посмотрел на меня.

— Последнее время мы были не совсем справедливы к тебе, — сказал он.

— Я не заметил.

— Знаешь, я рад, что мы снова друзья. Нет причин ссориться.

— Конечно, — ответил я. — Я тоже рад.

Я хлопнул Саида по плечу, и мы вышли на залитую солнцем улицу. Я остановил его, когда он уже собирался влезть в машину.

— Послушай, ты не знаешь, где находится заведение Веселого Че? — спросил я.

Внезапно он побледнел.

— Какого черта тебе туда понадобилось?

— Просто я слышал о нем, вот и все.

— Я бы не советовал. Не хочется даже говорить об этом месте.

— Захочешь, парень, — угрожающе произнес я. — Ведь тебе прекрасно известно все.

Саид не любил и не умел подчиняться. Он приосанился, стараясь казаться выше.

— Думаешь, что заставишь меня пойти вместе с тобой?

Я смерил его взглядом, стараясь казаться решительным и бесстрастным. Затем медленно приблизил правую ладонь ко рту и, выгрыз небольшой кусочек мяса, после чего выплюнул его в лицо Халф-Хаджу. Из уголков рта у меня текла кровь.

— Смотри, сволочь, — хрипло прорычал я, что я могу сделать с собой. А сейчас ты увидишь, что я сделаю с тобой!

Саид вздрогнул и попятился.

— Ты рехнулся, Марид, — сказал он. — У тебя крыша поехала.

— В машину! Он помедлил.

— Ты включил Королевский модди? Мой тебе совет: избавься от него как можно скорее. Мне не нравится, как он на тебя действует.

Смеясь, я запрокинул лицо к небу. Я вел себя точно так же, Как он сам, когда подключал этот модди. А он частенько носил его. Я понимал Сайда: мне самому начал нравиться Королевский.

Подождав, пока он усядется на заднем сиденье, я обошел машину и занял место водителя.

— Куда? — спросил я.

— Южное направление. — В его голосе слышались усталость и отчаяние.

Некоторое время я вел машину молча, не говоря ни слова о том, что мне известно.

— Ну и что это за место? — наконец спросил я.

— Ничего особенного. — Халф-Хадж был мрачен. — Там веселится эта банда молодчиков в сапогах, Джейни.

— Да? — Судя по названию, клиентура у Веселого Че была вроде того парня в пластиковых штанах с рукой, прикованной за спину, — тип, которого я встречал несколько недель назад у Чири.

— Гражданская Армия. Они носят серую униформу, маршируют на парадах и разбрасывают листовки. Кажется, они хотят выгнать из города всех иностранцев. Сам знаешь их лозунги: «Долой язычников!»

— Знаю. Иль-Манхус сказал мне, что ты тоже участвовал в их движении.

Саиду это не понравилось.

— Послушай, Марид… — начал он, но осекся. — Ты что, веришь всему, что тебе говорит Фуад?

Я рассмеялся:

— Как ты думаешь, что он мне рассказал?

— Не знаю. — Он отодвинулся от меня подальше к дверце.

Временами мне даже было жаль его. Больше мы не разговаривали, Саид только показывал дорогу.

Наконец мы туда приехали; я пошарил под сиденьем оружие. Вскоре я выбрал небольшой револьвер, когда-то принадлежавший лейтенанту Оккиигу, и статический пистолет, подаренный мне Шакнахаем. Я задумчиво посмотрел на оружие.

— Это ловушка, Саид? Ты должен был привезти меня сюда, к головорезам Абу Адиля?

Халф-Хадж вздрогнул:

— О чем ты, Марид?

— Объясни, зачем ты велел Фуаду показать мне обойму сорок пятого калибра?

Он так и осел, виновато понурясь, на сиденье. — Я пошел к шейху Реда, потому что другого пути у меня не было. Вот и все, Марид. Наверно, сейчас уже поздно, но знай: я очень сожалею о том, что случилось. Мне не хотелось оставаться в стороне, когда ты стал героем и любимчиком Фридлендер Бея. Ведь про меня все забыли.

Я усмехнулся:

— И ты из зависти решил убрать меня?

— Я ничего не устраивал.

Достав пустую обойму, я сунул ему в лицо.

— Час назад среди бела дня на Четвертой улице Яварски разрядил в меня другую такую же.

Саид потер глаза и едва слышно пробормотал:

— Я не думал, что все так случится.

— А чего же ты ожидал?

— Я думал, что Абу Адиль поступит со мной так же, как с тобой — Папочка.

Я изумленно посмотрел на него:

— Ты что — в самом деле продался Абу Адилю? Я думал, ты только рассказал ему о матери. Так, значит, теперь ты служишь ему?

— Да, и скорбь моя не знает границ, — произнес он сдавленным голосом. — Я искуплю свою вину перед тобой.

— Что ж, попробуй. — Я протянул ему револьвер. — Возьми вот это. Мы войдем и поищем там Яварски.

Халф-Хадж нерешительно взял оружие.

— Если бы у меня был Королевский… — грустно произнес он.

— Нет, с этим модди я тебе не доверяю. Он останется у меня. — Я выбрался из машины и подождал Саида.

— Убери револьвер и не вытаскивай, пока не понадобится. Там есть пароль или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Только не забывай, что там не любят иностранцев.

— Хорошо. А теперь — пошли. — И я первым шагнул и помещение. Внутри было шумно и многолюдно. В основном посетителями были мужчины в серой униформе Гражданской Армии, примыкавшие к правым. Все было залито ярким светом; музыка не звучала. Бар Веселого Че не был ординарным баром. Здесь встречались те, кто любил одежду бравых солдат и бодрые марши по улицам, когда на них не стреляли. Подобные шутники напоминали мне гитлеровских эсэсовцев, отличавшихся извращенной и бессмысленной жестокостью.

Мы с Саидом протолкались сквозь толпу к стойке.

— Что будете пить? — спросил угрюмый бармен.

— Два пива! — заорал я, чтобы он расслышал. Здесь было

неуместно заказывать что-нибудь необычное.

— Ладно.

— Мы ищем одного парня. Бармен оторвал взгляд от крана.

— Но его здесь не видно.

— Да? — Он поставил перед нами по кружке пива. Я заплатил.

Он американец, и сейчас, наверное, выздоравливает от…

Бармен схватил банкнот в десять киамов, который я положил на стойку. Сдачи он не предложил.

— Послушай, парень, я не справочное бюро, я всего лишь торгую пивом. А если сюда зайдет какой-нибудь американец, эти молодцы разорвут его на части.

Я отхлебнул холодного пива и оглядел помещение. Может быть, Яварски и не приходил сюда. Может, он прятался на чердаке или в соседнем здании.

— Ладно, — сказал я бармену. — Здесь Яварски не было. А ты не видел американцев где-нибудь поблизости?

— Ты что, плохо слышишь? Я не даю интервью. Пришло время действовать более решительно.

Я извлек из кармана сотенный банкнот и помахал им перед носом бармена. Это был красноречивый жест.

Он так и вцепился в него взором. Бармена явно раздирали противоречия. Наконец он выдавил:

— Дай-ка сюда эту бумажку… Я изобразил улыбку:

— Посмотри на нее еще немного. Может, она освежит твою память.

— Перестань размахивать деньгами, парень, не то нам обоим не поздоровится!

Я положил банкнот на стойку и прикрыл его ладонью. Я ждал. Бармен вышел, но тут же вернулся. Он незаметно бросил на стойку передо мной обрывок картона.

Я осмотрел его: на клочке картона был написан адрес. Я показал его Саиду.

— Где это?

— В двух кварталах от поместья Абу Адиля, — невеселым голосом отвечал он.

— Похоже на правду. — Я вручил бармену сотню киамов, которая немедленно исчезла. Затем вынул статический пистолет и показал ему. — Если ты надул меня — вернусь, и тогда тебе несдобровать. Понял?

— Он там, — сказал бармен. — Только убирайтесь отсюда и больше не возвращайтесь.

Я спрятал оружие и протолкался к дверям. Когда мы снова оказались на улице, я взглянул на Халф-Хаджа.

— Ну, как? — спросил я. — Неплохо? Он обреченно посмотрел на меня:

— Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой? Я пожал плечами.

— Нет, — сказал я. — Я уже заплатил кое-кому за эту работу. Моя бы воля, я бы и близко не подошел к Яварски.

Саид пришел в ярость:

— Ты хочешь сказать, что угрожал мне, а потом потащил с собой в этот бар — просто так?

Я открыл дверцу машины.

— Нет, не просто так, — улыбаясь, сказал я. — Клянусь Аллахом, я делал это для спасения твоей души.

Глава 15

Из Хамидийи мой вестфальский седан устремился к северу. Включив англоязычный дэдди, я говорил с Морганом по телефону.

— Я нашел его.

— Ну ты даешь, парень, — разочарованно протянул американец. — Значит, я не получу оставшиеся денежки?

— Давай сделаем так: получаешь оставшиеся пять сотен, если несколько часов попасешь Яварски. Оружие у тебя есть?

— Да. Оно мне понадобится? Искушение было велико.

— Нет. Только присмотри, чтобы он не сбежал. — Я зачитал ему адрес, написанный на обрывке картона. — Задержи его до моего приезда.

— Будет сделано, парень, — сказал Морган. — Только двигай поскорее. Мне не улыбается провести весь день с молодцом, пристрелившим двадцать с лишком человек.

— Я верю в тебя. Позвоню еще раз — попозже. — И отключил телефон.

— Что ты задумал? — спросил Саид.

Не хотелось ему ничего рассказывать: несмотря на искреннее раскаяние вероломного друга, я все-таки не доверял ему.

— Я отвезу тебя обратно к Курану. Или, если хочешь, высажу где-нибудь в Будайене.

— А нельзя мне поехать с тобой? Я презрительно усмехнулся:

— Мне предстоит нанести визит твоему благодетелю, Абу Адилю. Ты все еще в хороших отношениях с ним?

— Не знаю, — нервно отвечал Халф-Хадж. — Наверно, я поеду к Курану. Надо поговорить с Жаком и Махмудом.

— Это уж точно.

— К тому же я больше не хочу встречаться с этим ублюдком Химаром. — Саид произнес это имя с придыханием, поменяв гласную. Арабский каламбур: Химар по-арабски «осел», а осла арабы считают самым грязным животным. Подобным каламбуром Халф-Хадж мог смертельно оскорбить Умара, а с Королевским модди он бы высказал это Абдул-Кави в лицо. Наверно, злой язык Саида стал причиной его непопулярности в Хамидийе.

Он помолчал.

— Марид, — сказал наконец он. — Я сказал тебе чистую правду. Я сделал большую ошибку. Но я не совершал никаких сделок с Фридлендер Беем или с кем-то ему подобным. Я не думал, что из-за меня кто-нибудь пострадает.

— Я дважды чуть не погиб, дружище. Сначала пожар, потом

этот Яварски.

Я остановил машину рядом с баром Курана. Саид сидел со страдальческим видом.

— Ну, что еще ты хочешь услышать от меня? — взмолился он.

— Тебе нечего больше сказать. Увидимся позже. Он кивнул и вылез из машины. Я посмотрел ему вслед, включил модди Крутого Парня и повел машину на северо-запад, к Папочке. Перед встречей с Абу Адилем мне нужно было уладить еще кое-что.

Кмузу я обнаружил в нашей временной квартире за экраном чиндварского компьютера. Услышав мои шаги, он обернулся ко мне.

— Яа Сиди! — воскликнул он с чрезвычайно довольным видом. — У меня хорошие новости. На организацию благотворительной кухни потребуется гораздо меньше средств, чем я предполагал. Простите меня за самовольную оценку ваших финансовых возможностей, но я узнал, что у вас вдвое больше, чем нам может понадобиться.

— Это намек, Кмузу? Я хочу открыть всего лишь кухню для бедных, — одну, а не две. Ты уже прикинул наши расходы?

— Кухня может работать целую неделю на деньги, которые вы получаете от клуба Чириги за один вечер.

— Чудесно. Да, Кмузу, я вот думаю, отчего это тебя так воодушевляет? Этот проект много значит для тебя?

Кмузу снова потупился и с деланым равнодушием отвечал:

— Просто я чувствую ответственность за ваши христианские добродетели.

— Но я не хочу покупать их. Он отвел глаза.

— Кроме того, это долгая история, яа Сиди, — сказал он. — Мне не хотелось бы рассказывать ее сейчас.

— Хорошо, Кмузу. В другой раз. Он снова посмотрел на меня:

— Я собрал кое-какую информацию о пожаре. У меня есть доказательства поджога. Той ночью в коридоре, соединяющем вашу квартиру и квартиру хозяина дома, я нашел тряпки, пропитанные горючей жидкостью. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда обгоревшие лохмотья. Ткань сгорела не полностью. Можно было различить декоративный рисунок из розовых и коричневых восьмиконечных звезд. Кмузу вытащил другой кусок материи. — Сегодня я обнаружил это. По всей вероятности, отсюда были оторваны обгоревшие куски.

— Где ты нашел ее? — спросил я. Кмузу убрал ветошь в ящик стола.

— В комнате юного Саада бен Салаха, — ответил он.

— А как случилось, что ты там оказался? — полюбопытствовал я.

Кмузу пожал плечами:

— Я искал доказательства, яа Сиди. И, по-моему, нашел достаточно, чтобы уличить поджигателя.

— Это мальчик? Не сама Умм Саад?

— Наверняка она велела своему сыну поджечь дом.

— Она вполне способна на это, но пожар не входил в ее планы. Да и зачем ей поджигать дом? Ведь она хотела, чтобы Фридлендер Бей признал Саада своим внуком, чтобы тот стал наследником Папочкиного имения. В случае смерти старика весь ее план рухнул бы.

— Разве поймешь, о чем она думала, яа Сиди? Может, она отказалась от своего плана и решила отомстить.

— В таком случае кто знает, что еще она может выкинуть? Ты уже следишь за ней, Кмузу? — спросил я.

— Да, яа Сиди.

— Будь предельно осторожен. — Я уже собрался уходить, но в дверях обернулся. — Кмузу, для тебя что-нибудь значат буквы «А.Л.М.»?

Он подумал.

— Только Африканское либеральное движение приходит на память, — Честно признался Кмузу.

— Может быть, — с сомнением отвечал я. — А что ты знаешь о «Деле Феникса»?

— Знаю такое, яа Сиди, я слышал о нем, когда работал в доме шейха Реда.

Я столько раз испытывал неудачу в разгадке этих наименований, что уже отчаялся и начал думать, что «Дело Феникса» — плод фантазии Иржи Шакнахая и что отгадка умерла вместе с ним.

— А почему Абу Адиль обсуждал с тобой это дело? — спросил я.

Кмузу отрицательно покачал головой:

— Абу Адиль никогда ничего не обсуждал со мной, яа Сиди. Я был всего лишь телохранителем. Но о нас, телохранителях, часто забывают: мы становимся в комнате предметом обстановки. Несколько раз я слышал разговор шейха Реда и Умара о тех, кого они хотели добавить к списку в «Деле Феникса».

— Ну и что же это за дело, будь оно неладно?

— Список людей, — сказал Кмузу, — которые так или иначе работают на шейха Реда и Фридлендер Бея, и всех тех, кто чем-то очень обязан им двоим.

— Похоже на реестр, — озадачился я. — Но почему этот список так важен? Ведь полицейские могут составить точно такой же список в любой момент, когда им понадобится. Зачем же Иржи

Шакнахай лез на рожон, расследуя это дело?

— Рядом с каждой фамилией в списке проставлено закодированное описание состояния его здоровья, совместимости тканей и органов, годных для трансплантации и других целей.

— Таким образом Абу Адиль и Папочка заботятся о здоровье своих подчиненных? Замечательно. Вот уж не думал, что они будут вникать в такие детали.

Кмузу нахмурился:

— Вы не поняли меня, яа Сиди. Это список возможных доноров, а не тех, кому может понадобиться трансплантация.

— Возможных доноров? Но эти люди живы, они еще не… — Я ошарашенно уставился на Кмузу.

По выражению его лица я понял, что моя ужасная догадка подтверждается.

— Все в списке идут по рангам, — сказал он, — от самого низшего подчиненного до самого Умара. Если человеку из этого списка вследствие увечья или болезни понадобится трансплантация органа, Абу Адиль или Фридлендер Бей могут пожертвовать человеком, имеющим низший ранг. Правда, так поступают не всегда, но чем выше ранг человека, тем больше вероятность того, что для него будет найден подходящий донор.

— Да разрушатся их дома! Сыновья мошенников! — прошептал я.

Теперь я понял, что означали записи в тетради Шакнахая: слева — люди, которых убили, чтобы сделать их донорами для людей в правой части списка. Бланка имела слишком низкий ранг, потому и пошла на запчасти.

Я почувствовал, как ярость вскипает во мне.

— Где он хранится, Кмузу? Я затолкаю его Абу Адилю в глотку.

Кмузу поднял руку.

— Вы должны помнить, яа Сиди, что шейх Реда — не единственный вдохновитель этих замыслов. Он только сотрудничает с нашим хозяином. Они обмениваются друг с другом информацией и совместно распоряжаются жизнью своих подчиненных. Сердце фаворита шейха Реда может попасть в грудную клетку одного из лейтенантов Фридлендер Бея. Оба шейха ведут отчаянную борьбу конкурентов, но в «Деле Феникса» они сотрудничают очень тесно.

— И как давно продолжается такое сотрудничество? — поинтересовался я.

— Много лет. Они начали его, чтобы никогда не умереть из-за отсутствия подходящих органов.

Я стукнул кулаком по столу.

— Так вот каким образом они дожили до старческого маразма! Трясущиеся старые развалины!

— Они действительно выжили из ума, яа Сиди, — сказал Кмузу.

— Ты не сказал мне, где найти «Дело Феникса». Где его хранят?

Кмузу опустил голову.

— Не знаю. Его прячет шейх Реда.

Ладно, решил я. Все равно завтра днем поеду в те края.

— Спасибо, Кмузу. Ты здорово помог мне.

— Яа Сиди, не собираетесь ли вы поехать к шейху Реда за этим? — обеспокоено спросил Кмузу.

— Нет, конечно, — ответил я. У меня есть вариант получше, я не стану бросать вызов сразу двум старикам. А ты продолжай работать над проектом кухни для бедняков. Думаю, пора Фридлендер Бею возвращать долги бедным.

— Хорошо.

Я оставил Кмузу за работой у компьютера и направился к своему автомобилю, попутно вспоминая дела, намеченные на сегодняшний день, с поправками на то, о чем только что узнал. Я приехал в Будайен, припарковал машину и пошел по Улице к клубу Чири.

Мой телефон зазвонил.

— Марзаб, — сказал я в трубку.

— Это я, Морган. — К счастью, англоязычный дэдди был еще со мной. — Яварски по-прежнему еще здесь. Все в порядке. Он устроил себе нору в аварийном доме среди настоящих трущоб. Я здесь, на лестнице, веду наблюдение за дверью. Может, взять его тепленьким?

— Нет, — сказал я. — Только смотри, чтобы он не сбежал. Он должен быть в квартире, когда я приеду. Если он захочет выйти, тебе придется задержать его. Пусти в ход оружие и загони его обратно. Делай все, что считаешь нужным, только не выпускай его оттуда.

— Будет сделано, парень! Не задерживайся! Это не так просто, как я думал.

Я повесил телефон на пояс и вошел в клуб Чири, где было довольно многолюдно для конца дня. На сцене я приметил новую чернокожую девушку по имени Муна. Внезапно я вспомнил, что в длинной истории, рассказанной Фуадом, любимого цыпленка его мамочки звали Муной. Вероятно, он был влюблен в эту девушку, а она не отвечала ему взаимностью. Мне надо было смотреть в оба.

Другие девочки обхаживали клиентов, что создавало

атмосферу чувственности. Я бы сказал, чертовски задушевную атмосферу.

Я сел на свое обычное место и подождал, пока подойдет Индихар.

— «Белую смерть»? — спросила она.

— Попозже. Ты не обдумала мое предложение?

— О том, чтобы переехать к Фридлендер Бею? Если бы не дети, я отказалась бы сразу. Я не хочу быть у него в долгу, быть одной из Папочкиных наложниц.

Не так давно я сам испытывал подобные чувства, а сейчас, узнав правду о «Деле Феникса», понял, что у нее тоже есть причины не доверять Папочке.

— Ты права, не доверяя Папочке, — сказал я. — Но я обещаю тебе, что с тобой ничего плохого не случится. Все это делаю для тебя я, и только я.

— Разве есть разница?

— Да, и очень большая. Что же ты решила? Она вздохнула:

— Я согласна, Марид, но я не собираюсь становиться и твоей любовницей. Ты понял, о чем я?

— Конечно, ты не собираешься трахаться со мной. Ты дала мне это понять достаточно ясно.

Индихар кивнула:

— Ты правильно понял. Я ношу траур по мужу, и, может быть, буду носить его вечно.

— Сколько угодно, детка. У тебя впереди долгая жизнь, — сказал я. — В один прекрасный день найдешь себе другого избранника.

— Не хочу об этом даже думать. Пора было переменить тему.

— Ты можешь переехать в любое время, только закончи эту смену. Мне еще предстоит подыскать другую буфетчицу на дневное время.

Индихар оглянулась, а затем подвинулась ко мне поближе.

— Если бы я была на твоем месте, — тихо сказала она, — то поискала бы кого-нибудь на стороне. Я не доверяю ни одной из наших девушек. Такие, только зазевайся, обчистят, особенно Брэнди. А Пуалани не может даже салфетку положить на стол, прежде чем ставить бокал.

— И что же ты мне посоветуешь? Она на минуту задумалась.

— Я бы наняла Дэлию, которая сейчас у Френчи Бенуа. Или увела бы Хейди из «Серебряной пальмы».

— Попробую, — сказал я. — Позвони мне, если что понадобится.

Сейчас же все мои мысли были сосредоточены на этой проклятой местности в западной части города. Я вышел на улицу,

залитую жарким предвечерним солнцем. Тут же закапал дождь и от влажного асфальта повеяло приятной свежестью.

Через несколько минут я уже был в магазине модификаторов на Четвертой улице. Двух свиданий с Лайлой иному хватило бы на год.

Я услышал ее разговор с клиентом. Ему понадобился модификатор, позволяющий заниматься армадонтией — наукой о превращении человеческих зубов в самое современное оружие. Лайла все еще была в образе Эммы: мадам Бовари, дантист завтрашнего дня.

Когда клиент ушел, Лайла нашла то, что он искал. Я попробовал выпросить нужный мне модди, не затевая с ней долгих разговоров.

— У тебя есть модди Прокси Хелл?

Она уже было собиралась поприветствовать меня очередной затасканной сентенцией из Флобера, как я шокировал ее своим вопросом.

— Тебе это не нужно, Марид, — с каким-то подвыванием произнесла она.

— Это не для меня. Для друга.

— Твоим друзьям это тоже не нужно.

Я с трудом удержался от искушения вцепиться ей в горло.

— Тогда это не для друга, а для моего злейшего врага

Лайла улыбнулась:

— В таком случае тебе нужно что-нибудь очень плохое, верно?

— Самое ужасное! — выпалил я.

Она выпорхнула из-за прилавка и направилась к запертой двери в глубине магазина.

— Такой товар у меня не выставлен для всех, — объяснила она, пытаясь выудить из кармана ключи, которые висели у нее на шее — на длинном пластиковом шнурке. — Я не продаю модди Прокси Хелл детям.

— Ключи у тебя на шее.

— Спасибо, милый. — Она открыла дверь и обернулась ко мне. — Минуточку. — Отсутствовала она недолго и вскоре вышла с небольшой коричневой коробочкой.

В коробочке находились три модди из серого пластика, без ярлыков изготовителя. Это были самопальные модди, чрезвычайно опасные для потребителя. Промышленные модди тщательно запрограммировались и записывались, все посторонние сигналы отфильтровывались. Использование же подпольных модди напоминало лотерею. Иногда они были сделаны настолько грубо, что даже после отключения оставляли

тяжелые психические расстройства.

Лайла приклеила написанные от руки ярлычки на модди в коробке.

— Как насчет инфекционной гранулёмы? — спросила она.

Поразмыслив, я решил, что это будет слишком, — вроде того модди, который был у Абу Адиля в нашу первую встречу с ним.

— Нет, не стоит.

— О'кей, — сказала Лайла, вороша модди длинным кривым указательным пальцем. — Холецистит?

— А это что?

— Понятия не имею.

— А третий?

Лайла вытащила его и прочла на ярлыке:

— «Синдром Д».

У меня по спине побежали мурашки. Я слыхал об этом заболевании. Медленное разрушение нервной системы, вызванное какими-то жуткими вирусами. Сначала у пациента возникают провалы в долговременной и краткосрочной памяти. Потом, когда вирусы съедают нервную систему, пациент умирает в полном маразме и в ужасной агонии, прикованный к постели. На последних стадиях болезни организм человека просто забывает, как надо дышать и поддерживать сердечный ритм.

— Сколько он стоит? — спросил я.

— Шестьдесят киамов, — осклабилась она. Во рту вместо зубов у нее чернело несколько гнилых обломков, и улыбка производила на покупателя потрясающий эффект. — Наценка за редкий товар.

— Ладно, — сказал я и, заплатив ей требуемую сумму, засунул «Синдром Д» в карман, после чего направился к выходу.

— Знаешь, — сказала она, положив мне на плечо свою когтистую лапку, — мой возлюбленный сегодня вечером поведет меня в оперу. Весь Руан увидит нас вместе.

Я собрался с силами и рванулся к дверям, бормоча:

— Во имя Аллаха, милостивого и справедливого.

По дороге в поместье Абу Адиля я размышлял о недавних событиях. Если Кмузу прав, виновником пожара был сын Умм Саад. Я и не предполагал, что юный Саад действовал по собственной инициативе. Тем не менее Умар уверял меня, что ни он, ни Абу Адиль больше не давали Умм Саад никаких указаний. Но если Умм Саад не получала директив от Абу Адиля, почему она вдруг решила проявить инициативу?

А Яварски? Он стрелял в меня потому, что ему не понравился мой вид, или потому, что Хайяр доложил Абу Адилю, что я сую нос в «Дело Феникса»? Или же был более серьезный повод, о

котором я еще не подозревал? В этом деле я не доверял ни Саиду, ни Кмузу. Я полагался только на Моргана, хотя, надо признать, у меня не было веских причин доверять и ему. Просто он напоминал мне мое прошлое — каким оно было, пока я не уничтожил его Собственными руками.

Я постоянно придумывал себе оправдания, почему я веду столь легкомысленный образ жизни.

Горькая правда состояла в том, что у меня не хватало духу противостоять разгневанному Фридлендер Бею и отказаться от его денег. Я утешал себя тем, что использую свое унизительное положение, помогая обездоленным. Но и эта мысль не заглушала угрызений совести.

По мере того как я приближался к дому Абу Адиля, чувство вины и одиночества перерастало в самое настоящее отчаяние, которое, возможно, и явилось причиной неверного шага. Наверное, мне надо было больше доверять Сайду или Кмузу. На худой конец, я мог взять с собой одного из Говорящих Камней. Однако в конфликте с Абу Адилем я полагался только на свою находчивость. У меня было два плана действий. Первый заключался в том, чтобы подкупить Абу Адиля модификатором «Синдрома Д», а второй — если он будет неподкупен, — поставить его перед фактом, что мне все известно. Тогда эти планы казались мне верхом совершенства.

Охранник у ворот узнал и пропустил меня, дворецкий Камаль потребовал назвать цель визита.

— Я принес подарок для шейха Реда, — сказал я. — И еще мне надо срочно поговорить с ним.

Он не пустил меня дальше прихожей.

— Подождите здесь, — сказал он, криво ухмыляясь. — Я спрошу, можно ли вам пройти.

— Не думаю, чтобы хозяин дома стал возражать, — сказал я, но дворецкий не понял намека.

Он проследовал по коридору в кабинет Абу Адиля и обратно с неизменно презрительным выражением на лице.

— Я провожу вас к моему хозяину, — объявил он с такими интонациями, словно сожалел об этом.

Он провел меня в один из кабинетов Абу Адиля — совсем не в тот, куда мы в первый раз приходили с Шакнахаем. В воздухе пахло чем-то сладким, похожим на ладан. По стенам были развешаны репродукции картин европейских мастеров, где-то тихо играла музыка и слышалось пение Умм Халтум.

Сам великий человек сидел в уютном кресле. Его ноги были укутаны искусно вышитым покрывалом. Он откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза, а его дрожащие руки лежали на

коленях.

Тут же находился и Умар Абдул-Кави. Он явно не был рад моему визиту. Он кивнул мне и незаметно приложил палец к губам. Я понял: это знак не упоминать о том, что говорилось между нами в Последний раз. Но я пришел сюда вовсе не за этим. Меня волновали вещи более важные, чем борьба Умара за власть.

— Я прошу позволения пожелать шейху Реда доброго здоровья, — сказал я.

— Пусть Аллах дарует тебе благополучие, — ответил Умар.

Сейчас посмотрим, удастся ли мне выполнить план номер один.

— Разрешите вручить благородному шейху этот небольшой подарок?

Умар царственным жестом разрешил мне приблизиться. Мне захотелось затолкать модди в его жирную глотку.

— Что это? — спросил он.

Я молча протянул ему модди. Умар повертел его в руке, затем взглянул мне в глаза.

— Ты умнее, чем я думал, — сказал он. — Мой хозяин будет очень доволен.

— Думаю, такого у него еще нет.

— Нет, такого — нет… — Он положил его на колени Абу Адиля, но старик даже не взглянул на него. Умар задумчиво наблюдал за мной. — Я хотел бы предложить тебе кое-что взамен, но уверен, что ты из вежливости станешь отказываться.

— Почему же, — ответил я. — Хорошо бы узнать, что это такое.

Умар нахмурился:

— Твои манеры…

— Мои манеры оставляют желать лучшего? Но что я могу поделать? Я всего лишь невежественный провинциал из Магриба. Кажется, я набрел на интересную информацию, касающуюся тебя и шейха Реда, и, если быть честным до конца, Фридлендер Бея тоже. Я говорю об этом проклятом «Деле Феникса». — Я не спускал глаз с Умара, ожидая, как он отреагирует на мое заявление. Он не заставил меня долго ждать.

— Боюсь, мсье Одран, что я не понял, о чем вы говорите. Видимо, ваш хозяин вовлечен в преступную деятельность и хочет свалить вину…

— Замолчите.

Умар и я оглянулись и уставились на Реда Абу Адиля, отключившего модди Прокси Хелл. Он весь трясся. Впервые Абу Адиль изъявил желание участвовать в разговоре. Судя по всему, он не был дряхлым и беспомощным «свадебным генералом». Без

ракового модди его лицо стало волевым, а глаза проницательно заблестели.

Абу Адиль отбросил покрывало и встал со стула.

— Разве Фридлендер Бей не рассказывал вам о «Деле Феникса»? — спросил он:

— Нет, о шейх, — ответил я. — Я узнал об этом деле только сегодня. Он скрывал его от меня.

— Но вы вмешиваетесь в дела, которые вас не касаются.

Я был напуган страстной тирадой Абу Адиля. Умар никогда не выказывал такой силы характера. У меня создалось впечатление, что я вижу *бараку* шейха Реда, магию его личности, несколько иного рода, чем у Папочки. Модди Абу Адиля, которым пользовался Умар, не предполагал такой глубины характера. Вероятно, никакое электронное устройство не в состоянии уловить природу бараки. Претензии Умара на равенство с Абу Адилем при помощи модди были самообманом.

— Думаю, эти дела имеют ко мне прямое отношение, — сказал я. — Разве моего имени нет в списке?

— Думаю, что есть, — сказал Абу Адиль. — Но ты стоишь в начале списка, тебе бояться нечего.

— Я помню о своих друзьях, которым не так повезло, как мне.

Умар невесело засмеялся:

— Ты опять проявляешь слабость и плачешь о грязи под своими ногами.

— У солнца есть восход, но есть и закат, — напомнил я ему. — В один прекрасный день ты тоже попадешь в конец списка. Тогда ты пожалеешь о том, что не уничтожил его раньше.

— О хозяин! — рассерженно встрепенулся Умар. Довольно терпеть вам речи этого безумца.

Абу Адиль устало махнул рукой:

— Ты прав, Умар. Я не испытываю большой любви к Фридлендер Бею, так же как и к его слугам. Отведи его в студию.

Умар подошел ко мне с иглометом в руках. Я попятился, не зная, что он замышляет. Наверняка что-то недоброе.

— Пошли, — сказал он.

Я подчинился — у меня не было выбора. Мы вышли из кабинета, прошли по коридору и поднялись по лестнице на второй этаж. В этом

доме всегда витал дух спокойствия и безмятежности. Свет проникал сквозь деревянные решетки из высоких окон, пушистые ковры заглушали шаги. Но я знал, что все это обманчиво, что сейчас я увижу истинную сущность Абу Адиля.

— Сюда, — приказал он, открывая толстую железную дверь. На лице его застыло странное выражение, и оно мне совсем не

нравилось.

Я последовал за ним в большую звуконепроницаемую камеру. Там стояли кровать, стул и столик на колесиках с каким-то электронным оборудованием. Я понял, что это за камера. У Абу Адиля была своя домашняя студия записи модификаторов. Предел мечтаний приверженцев модди.

— Дай мне ружье, — сказал Абу Адиль.

Умар передал игломет хозяину и вышел из комнаты. Дальняя стена комнаты была прозрачной, за ней находилась небольшая контрольная будка со щитом, на котором размещались различные выключатели, счетчики и шкалы.

— Я вижу, ты хочешь включить меня в свою коллекцию, — сказал я. — Не вижу причин. Ожоги второй степени — не самое приятное развлечение. — Абу Адиль молча смотрел на меня с такой окоченелой улыбкой, что у меня по спине побежали мурашки.

Немного погодя вернулся Умар. Он принес тон-кий металлический прут, пару наручников и веревку с крючком на конце.

— Господи, — вырвалось у меня. Меня затошнило при одной мысли о том, что они хотят записать нечто большее, чем страдания от ожогов.

— Выпрямись, — сказал Умар, обойдя вокруг меня. Он протянул руку и отключил мой модди и несколько дэдди. — И держи голову прямо, для твоей же пользы.

— Спасибо за участие, — ответил я. — Я очень ценю…

Не успел я договорить, как Умар поднял металлический прут и резко опустил его на мою правую ключицу. Я вскрикнул от острой боли, пронзившей тело. Затем он ударил меня по левой ключице. Я почувствовал, как хрустнула кость, и упал на колени.

— Будет немного больно, — сказал Абу Адиль участливым тоном пожилого и опытного доктора.

Умар принялся колотить меня прутом по спине, — раз, другой, третий… Я закричал — но это не остановило его. Он ударил еще несколько раз.

— Теперь попытайся встать, — сказал он.

— Псих ненормальный, — выдохнул я.

— Если ты не встанешь, я примусь за твою физиономию.

Шатаясь, я с трудом поднялся; Моя левая рука безжизненно повисла, спина, по-видимому, представляла собой кровавое месиво. Я всхлипывал.

Умар снова обошел вокруг меня, очевидно, оценивая мое состояние.

— Теперь ноги, — сказал Абу Адиль.

— Слушаюсь, о шейх. — Сукин сын стал хлестать меня по ногам, и я снова упал. — Встать! — прокричал Умар. — Встать!

Он продолжал бить, пока мои ноги не покрылись сплошными рубцами.

— Я отплачу тебе! — прохрипел я. — Клянусь Пророком, я тебя из-под земли достану.

Истязание продолжалось до тех пор, пока на мне не осталось живого места. Умар пощадил только голову, так как Абу Адиль не хотел испортить качество записи. Когда старик решил, что с меня довольно, он велел Умару остановиться.

— Привяжи его, — велел Абу Адиль.

Я смотрел, приподняв голову. Казалось, что это не я, а кто-то совсем посторонний издалека наблюдает за происходящим в комнате. Мои мускулы подергивались болезненными судорогами, многочисленные раны посылали в мозг сигналы боли. Боль создала преграду между моим сознанием и бренной оболочкой. Мой разум осознавал невыносимое страдание, достаточное для наступления шока. Я осыпал своих мучителей мольбами и проклятиями, умоляя вернуть мне дэдди, блокирующие боль.

Умар только посмеивался. Он подошел к столику на колесиках и стал возиться с оборудованием. Затем приблизился ко мне с большим блестящим модди, вроде того, что я использовал, играя в

Транспекс. Умар опустился на колени рядом со мной и показал его мне.

— А теперь я подключу его к тебе, — сказал он. — И запишу твои ощущения.

Я еле дышал.

— Сволочи, — задыхаясь, прошептал я.

Умар включил хромированный модди в одно гнездо.

— Это совсем не больно, — сказал он.

— Я убью тебя, — пробормотал я. — Ты умрешь, как собака.

Абу Адиль все еще не выпускал игломет из рук, но сейчас я не был способен на героические действия. Умар наклонился и, заломив мне руки за спину, защелкнул на моих запястьях наручники. Я чувствовал, что теряю сознание, и мотал головой из стороны в сторону, чтобы этого не случилось. Я не хотел отключаться, чтобы не оказаться полностью в их власти, хотя, кажется, они и так могли сделать со мной все, что угодно.

После этого Умар прицепил наручники к крючку и потянул за веревку. Шатаясь, я поднялся на ноги. Он перебросил веревку через железный брус, торчащий из стены высоко над моей головой. Кажется, я понял, что он замышляет.

— Аллах! — закричал я.

Умар потянул за веревку, и я встал на цыпочки, с руками, поднятыми за спиной. Он потянул еще, и я повис в воздухе. От тяжести тела мои суставы затрещали.

Боль была такой невыносимой, что я боялся дышать полной грудью. Я попытался отключиться, потом запросил пощады и, наконец, смерти.

— Включай модди, — произнес Абу Адиль. Его голос, казалось, доносился издалека, словно с вершины горы или из глубины океана.

— Я нашел спасение у Повелителя Закатов, — бормотал я, повторяя эту фразу как заклинание.

Умар забрался на стул, держа в руке серый модди с «Синдромом Д», который я принес в подарок, и включил его во второе гнездо.

Он свисал с потолка, но не знал почему. Его мучения были ужасны.

— Во имя Аллаха, помогите! — закричал он, но понял, что от этого боль усиливается. Как он попал сюда? Он не помнил. Кто его мучители?

Время шло, и казалось, он потерял сознание. Ощущение было такое, словно он проснулся от яркого сновидения, и тут, искажая друг друга, внезапно совместились реальность и вымысел, требовалось усилие, чтобы отделить одно от другого во временной последовательности.

Почему он оказался один и в такой ситуации? Он боялся страданий, но еще больше страшился того, что ничего не помнит. Над его головой раздавалось негромкое гудение вентилятора. В воздухе стоял пряный запах. Его тело слегка дернулось, и он ощутил новый прилив боли. Но больше всего его путало то, что он не понимал значения страшной драмы, в которую оказался вовлечен.

— Хвала Аллаху, Повелителю Мира, — шептал он, — милостивому и справедливому, Судии Судного Дня. Тебя мы славим, у Тебя ищем защиты.

Время шло. Боль усиливалась. В итоге он даже забыл, как вздрагивают и корчатся от боли. Образы и звуки проходили мимо его онемевших чувств и спящего разума. Он потерял способность их различать и реагировать на них. Но он еще не умер. Кто-то позвал его, но он не ответил.

— Как ты?

Надо признаться, чувствовал я себя прескверно. Мое сознание внезапно прояснилось. Боль, оставившая меня, вернулась с новой

силой. Видимо, я застонал, потому что он успокоил меня:

— Все хорошо, все в порядке.

Я поглядел на него. Это был Саид. Я не знал, можно ли доверять ему. Вид у него был встревоженный.

Я лежал в каком-то переулке с пустыми полуразрушенными домами. Я не помнил, как попал сюда, да и, правду сказать, мне было наплевать на это.

— Твое? — спросил он, протягивая мне на ладони три модди и несколько дэдди.

Один из модификаторов был Королевский, другой — «Синдром Д», а когда я разглядел дэдди, блокирующий боль, то чуть не зарыдал от радости.

— Дай сюда! — воскликнул я, Схватил его дрожащими руками и включил. Почти сразу мое самочувствие улучшилось, хотя я знал, что я весь в страшных рубцах и по меньшей мере одна ключица у меня сломана. Дэдди подействовал быстрее, чем тонна соннеина.

— Рассказывай, что ты тут делаешь, — сказал я, садясь на корточки. У меня была полная иллюзия здоровья и прекрасного самочувствия.

— Я шел за тобой. Хотел подстраховать тебя на всякий случай. Охранник у ворот знает меня. И Камаль тоже. Я вошел в дом и увидел, что они с тобой делают. Я решил подождать, пока они тебя не отпустят. Наверно, они подумали, что ты умер, или им было все равно. Я взял эти штуки и последовал за ними. Они бросили тебя в этом грязном переулке, а я прятался за углом, пока они не ушли.

Я обнял его за плечи:

— Спасибо тебе, Саид.

— Не стоит благодарности, — широко улыбаясь, ответил Халф-Хадж. — Мы ведь братья по вере, правда?

Я не стал с ним спорить, взял третий модди из тех, которые мне дал Халф-Хадж.

— Что это? — спросил я.

— Разве ты не знаешь? Это не твой?

Я помотал головой. Саид взял у меня модди и включил. Через минуту его лицо изменилось. На нем появилось выражение страха и благоговения.

— Пусть мой папаша изжарится в аду, если это не Абу Адиль, — сказал он.

Глава 16

Халф-Хадж настоял на том, что отправится, со мной в логово Пола Яварски.

— Ты же едва держишься на ногах, — уговаривал он меня. — Отключи этот дэдди, и ты поймешь, в каком ты состоянии. Тебе надо в больницу.

— Я только что оттуда, — сказал я.

— Не получилось, друг. Придется вернуться.

— Я согласен, но только когда улажу это дело с Яварски. Я не отключу свой дэдди, пока не поймаю его. И еще мне, наверное, понадобится Королевский модди.

Саид покосился на меня:

— Тебе нужно что-то еще, кроме Королевского. Например, десяток твоих коллег-полицейских.

Я невесело рассмеялся:

— Не думаю, что они подоспеют. Хайяр не станет торопиться.

Мы медленно шли по главной улице, пересекающей Хамидийю с севера на юг.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Саид. — Что Хайяр хочет приберечь Яварски для себя? Чтобы заслужить награду и благодарность?

Мы свернули в узкий и необычайно грязный переулок и вышли к заднему фасаду нужного нам дома.

— Шакнахай сказал мне, что его подставили, — ответил я. — Он предполагал, что Яварски работает на Хайяра.

— А я думал, Яварски работает на шейха Реда. Я пожал плечами, без блокирующего боль дэдди это было бы не особенно приятно.

— Все, кого мы знаем, двурушники. Почему Яварски должен быть другим?

— Да, ты прав, — сказал Халф-Хадж. — Хочешь, я и к дверям пойду с тобой?

— Спасибо, Сади. Не надо. Останься здесь и посторожи черный ход. Я поднимусь наверх с Морганом. Мне надо поговорить с Яварски наедине. Я пошлю Моргана к парадному входу.

Саид заволновался:

— Не лучшее решение, Марид. Яварски слишком умен, и на его счету много трупов. А ты не в состоянии с ним драться.

— А я и не собираюсь. — Я включил Королевский и достал из кармана статический пистолет.

— Что ты намерен делать? Если Хайяр отпустил Яварски на

свободу…

— Я действую независимо от Хайяра, — заявил я. Я твердо решил, что Яварски не уйдет от возмездия. — Я доложу высшему начальству и в полицейскую инспекцию. Не всех же их купили.

— Ты думаешь? — скептически хмыкнул Халф-Хадж. — И все-таки ты выбрал правильный путь. Если тебе понадобится помощь, мы тут. На этот раз Яварски не уйти.

Я усмехнулся:

— Держу пари на что угодно — он не уйдёт.

И я вошел в дом. Я оказался в темном прохладном коридоре, ведущем к лестнице. Пахло плесенью, как всегда в заброшенных домах. На третьем этаже у меня под ногами захрустела щебенка.

— Морган! — позвал я. У него было оружие, и я боялся, что как бы он от неожиданности не выстрелил.

— Это ты, парень? Долго же ты добирался! Наконец я поднялся на площадку, где он сидел.

— Извини, — сказал я. — Я попал в небольшую переделку.

Когда Морган увидел меня, глаза его полезли на лоб.

— Похоже, сегодня с тебя хватит переделок, парень.

— Я в полном порядке, Морган. — Вытащив из кармана джинсов остальные пятьсот киамов, я отдал их ему. — Наблюдай за главным входом. В случае чего позову тебя.

Блондин побежал вниз.

— Тебе нужна помощь, — с сомнением обернулся он. — Потом может быть поздно.

Дэдди помогал мне забыть о боли, а Королевский модди вселял уверенность, что я легко справлюсь и с Яварски. Я проверил пистолет и постучал в дверь.

— Яварски! — закричал я. — Это Марид Одран. Иржи Шакнахай был моим другом. Я пришел отомстить за него.

Мне не пришлось долго ждать. Со смехом Яварски открыл дверь. В руке у него был автоматический пистолет сорок пятого калибра.

— У тебя с головой все в порядке? — спросил он и посторонился, пропуская меня в квартиру.

Проходя мимо него, я не прятал оружия, но, видимо, ему было наплевать.

Я сел на драную кушетку напротив двери. Яварски облюбовал кресло с обивкой в цветочек и в пятнах крови. Я поразился тому, что он так молод: по крайней мере лет на пять моложе меня.

— Слыхал, что по закону ислама делают с убийцами? — спросил я.

Мы держали оружие нацеленным друг на друга, но Яварски, казалось, это ничуть не волновало.

— Нет. И что с того? — сказал он. — Я не боюсь смерти. — У Яварски была странная манера кривить губы во время разговора: может, он считал, что это придает его лицу мужественное выражение? Вероятно, у него были серьезные проблемы с психикой, но вряд ли он сможет когда-нибудь разрешить их. — Кто сказал тебе, что я здесь? Я всегда убираю стукачей. Кто он? Я замочу суку!

— Не выйдет, приятель. Ты не купишь весь город.

— Короче, дружище, — сказал он, стараясь взять инициативу в свои руки. — Сегодня вечером я забираю свои денежки и смываюсь. — Он говорил так, словно мой статический пистолет не был серьезным препятствием для этого.

Он покосился на что-то справа *от* меня. Я метнул взгляд туда же, на покрытый газетой небольшой деревянный столик рядом с кушеткой. На газете лежали три обоймы.

— Тебе Хайяр приказал убрать Шакнахая, — спросил я, — или это дерьмо Абу Адиля — Умар?

— Я не стукач, — процедил Яварски, криво усмехаясь.

— А те — Бланка Матаро и другие… Ты стрелял не из сорок пятого калибра. Почему?

Яварски пожал плечами:

— Так было заказано. Видимо, боялись, что тело окажется испорчено. Они называли человека, и я делал свою работу. А потом сам вызывал полицию, чтобы труп скорей увозили. Видно, они боялись, что мясо протухнет. — Он довольно захохотал, отчего у меня руки зачесались пристрелить его.

Я бросил взгляд на столик, подумав, что Яварски, наверно, не потрудился вставить обойму в свой пистолет перед тем, как пустить меня в комнату. Казалось, он любил блефовать.

— Сколько человек ты убил? — спросил я.

— Всего? — Яварски посмотрел в потолок. — По моим подсчетам, где-то двадцать шесть. По крайней мере тех, кого я помню. По одному в год. Скоро у меня день рождения. Хочешь стать номером двадцать семь?

Я ощутил приступ ярости.

— Ты дождешься, Яварски, — сквозь зубы сказал я.

— Давай попробуй! Достань меня из своего дамского пистолетика, если не трусишь. — Ему нравилось поддразнивать меня. — Смотри, что написано, — кивнул он на газету. — «Злодей Яварски, легендарная личность». Ну как?

— А ты когда-нибудь думал о тех, кого застрелил? — спросил я.

— Я помню этого полицейского, твоего дружка. Я ранил его в грудь. Он даже не пошатнулся и сделал ответный выстрел. Но он

промахнулся, и я смылсяза угол дома. Когда я выглянул из-за утла, то увидел, что этот парень догоняет меня. Я перебежал к другому дому, но он не отставал. У него вся грудь была в крови. Вот это настоящий мужчина!

— А ты не подумал о его семье? Ведь у него осталась жена и трое детей.

Яварски посмотрел на меня, и лицо его исказилось усмешкой безумия:

— Провались они все…

Я шагнул к нему. Яварски только приподнял брови, словно приглашая меня подойти поближе. Я бросил ему статический пистолет. Он поймал его, прижав к груди левой рукой. В это время я ударил его в угол рта и изо всей силы вывернул ему правую руку. Охнув, он выронил пистолет.

— Я не Хайяр, — прорычал я, — и не этот идиот Катавина. Ты не купишь меня, и плевал я на твои гражданские права. Понял? — Я нагнулся, чтобы поднять его оружие, и правильно сделал. Оно было заряжено.

Яварски потрогал разбитые губы.

— Ты насмотрелся дурацких фильмов, дружище, — сказал он, усмехаясь, словно ничего не произошло. — Ты не лучше Хайяра и, если по правде, не лучше меня. Ты бы давно прикончил меня, будь ты уверен, что это дело сойдет тебе с рук.

— Насчет этого не беспокойся, — многообещающе произнес я.

— Таких, как Хайяр, становится все больше. И он не из худших, просто он как все и делает то, что от него ждут. Я предупреждаю тебя заранее. Ты кончишь как Шакнахай. До самой пенсии ты будешь переводить через дорогу старушек, а потом какой-нибудь сукин сын вроде меня поможет тебе отправиться на тот свет. — Он поковырял пальцем в ухе. — А после этого, — задумчиво произнес он, — какой-нибудь сукин сын трахнет твою жену.

Мое лицо словно окаменело. Я тихо поднял ствол пистолета и нацелил его Яварски прямо в лоб.

— Осторожно, — усмехаясь, прохрипел он, — это не игрушка.

Я сунул свой пистолет в карман, жестом указал Яварски сесть и вернулся на кушетку. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Я тяжело дышал, а у Яварски был вид человека, страшно довольного собой.

— Спорю, ты сейчас — первый утешитель вдовы Шакнахая, — сказал он. — Ты ее еще не трахнул?

Я снова пришел в отчаянную ярость. Я с трудом выносил его циничные выпады, его гнусные откровения. Самым худшим из

услышанного было то, что Шакнахай умер глупо и бесцельно.

— Заткнись, — срывая голос, прохрипел я, наставив на него ствол пистолета.

— Ну и что? Ты все равно не сможешь выстрелить. А надо было бы. Иначе я смоюсь — меня не удержишь под замком. Я исчезну. Шейх Реда об этом позаботится. Я никогда не предстану перед судом в этом городе.

— Не предстанешь. — Я знал, что это правда. Я выстрелил. Звук получился очень громким, он несколько раз отозвался эхом от стен, словно раскат грома. Яварски медленно упал на спину, пол-лица у него снесло напрочь. Все вокруг было забрызгано кровью. Я уронил пистолет на пол. Никогда прежде мне не приходилось пользоваться огнестрельным оружием. Я попятился и упал на кушетку, не в силах перевести дыхание.

Когда я входил сюда, я и не думал убивать этого человека. Сознательно приняв решение, я взял на себя ответственность за убийство во имя правосудия. Я знал, что в любом другом случае справедливость не восторжествует. Я взглянул на свои руки: они были в крови.

Вдруг грохнула дверь, и вбежал Морган. За ним по пятам следовал Саид. Они немо застыли на пороге, глядя на Яварски.

— Все правильно, — тихо сказал Халф-Хадж: — Одно дело сделано.

— Послушай, парень, — сказал Морган, — я пошел. Ведь больше я тебе не нужен?

Я молча смотрел на них, не понимая, почему они так спокойны.

— Пошли, парень, — сказал Морган. — Кто-нибудь мог услышать выстрел.

— Кто-нибудь, конечно, услышал, — сказал Саид, — но в этом квартале никому не придет в голову позвонить в полицию.

Я протянул руку и отключил модди Крутого Парня. Теперь мне долго еще не понадобится Королевский. Мы вышли из квартиры и спустились по лестнице. На улице Морган повернул в одну сторону, а мы в другую.

— Куда теперь? — спросил Саид.

— Нам нужно вернуть автомобиль, — сказал я. Эта идея вовсе не улыбалась мне. Седан все еще был у Абу Адиля. Мне совсем не хотелось возвращаться туда, где гнусный ублюдок насиловал мой разум. Я сведу с ним счеты, но не сейчас. Время еще не пришло.

Саид словно угадал мои мысли. — Знаешь что, — сказал он, — я пойду за машиной, а ты подождешь здесь. Я быстро.

— Хорошо, — согласился я, отдавая ему ключи. Я был

чрезвычайно признателен ему, что он был со мной и я мог рассчитывать на его помощь. Теперь у меня не оставалось сомнений в искренности Саида. Его присутствие было необходимо: несмотря на то что боли я не чувствовал, мое тело было на пределе. Надо было скорее добираться до врача.

Я не стал опускаться на ступеньки, потому что не был уверен, что смогу потом встать. Вместо этого я прислонился к белому оштукатуренному фасаду небольшого ветхого домика.

Сверху, над крышей дома, пронзительно кричали стрижи, охотясь за насекомыми. Я смотрел на дом на противоположной стороне улицы, поросший папоротником и травой, буйно разросшимися на всех горизонтальных его поверхностях и в самых неподходящих местах. Из открытых окон плыли запахи съестного: вареной капусты, жареного мяса и свежевыпеченного хлеба. Я был окружен кипением жизни, но никак не мог забыть о том, что пролил кровь убийцы. В руке моей все еще был зажат автоматический пистолет. Я не знал, как от него избавиться. Мой разум был словно в тумане.

Через некоторое время у обочины рядом со мной остановился кремовый седан. Из него вышел Саид и помог мне забраться на сиденье. Он закрыл дверцу машины и спросил:

— Куда?

— В больницу.

— Хорошая идея.

Я закрыл глаза, ощущая покачивание автомобиля, и вскоре задремал. Когда мы прибыли на место, Саид разбудил меня. Я запихнул статический пистолет и оружие Яварски под сиденье, после чего мы выбрались из машины.

— Послушай, — сказал я, — сейчас меня заштопают в приемном отделении, а потом я съезжу навестить кое-кого. Ты свободен.

Халф-Хадж нахмурился:

— Ты все еще не доверяешь мне? Я отмахнулся:

— Да нет, не в этом дело, Саид. Просто некоторые вещи удаются мне лучше без свидетелей.

— Ладно. Сломанной ключицы тебе недостаточно. Ты успокоишься только тогда, когда тебя похоронят в пяти разных контейнерах.

— Саид!

Он поднял обе руки, как бы сдаваясь.

— Ладно, ладно. Если ты хочешь отомстить шейху Реда и Химару, это твое личное дело.

— Я не хочу их видеть, — сказал я. — Пока что.

— Когда захочешь, дай мне знать.

— Еще бы, — сказал я, вручая ему двадцать киамов. — Ты можешь найти здесь такси?

— Угу. Позвони мне. — И он отдал мне ключи от машины.

Я кивнул и направился по асфальтированной дорожке к зданию. В этой больнице я побывал уже дважды и чувствовал себя здесь как дома.

Я заполнил их дурацкие бланки и полчаса ждал прихода врача. Он всадил мне в плечо инъекцию какого-то лекарства и занялся сломанной ключицей.

— Может быть больно, — предупредил он.

Он не знал о моем дэдди-глушителе. Я был, вероятно, единственным человеком в мире с таким широким программным обеспечением, но при этом не был мировой знаменитостью. В нужные моменты я добросовестно изображал соответствующие стоны и гримасы, но в целом держался мужественно. Врач зафиксировал мою левую руку необычно жестким эластичным бинтом.

— Вы смелый человек, — сказал он.

— Я занимался эзотерическим учением, — сказал я. — Контролировать боль можно с помощью разума. — Это в какой-то мере соответствовало истине: в мой мозг был вживлен кончик длинной серебряной нити, изолированной пластиком.

— Возможно, возможно, — бубнил врач. Закончив возиться с ключицей, он занялся моими ранами. После этого нацарапал рецепт. — Все же я выпишу вам анальгетик, он может понадобиться. Если нет, прекрасно. — Он оторвал листочек и дал его мне.

Я взглянул на рецепт. Он выписал мне двадцать таблеток нофека, анальгетика настолько слабого, что в Будайене за десяток таких таблеток не дали бы и одной соннеинки.

— Спасибо, — тупо пробормотал я.

— Не надо геройствовать там, где может помочь медицина. — Врач рассеянно поглядел перед собой, решив, что прием окончен. — Вы поправитесь через шесть недель, мистер Одран. Советую вам через несколько дней обратиться к вашему хирургу.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил я.

Он вручил мне какие-то бумаги. Я подошел с ними к окошечку и заплатил. Потом я пошел к главному входу и поднялся в лифте на двадцатый этаж. Там дежурила новая сестра, но охранник Заин узнал меня. Я прошел по коридору к первой палате.

У Папочкиной кровати стояли врач с медсестрой. Когда я вошел, они обернулись ко мне с озабоченными лицами.

— Что-нибудь случилось? — заволновался я. Врач погладил

свою седую бородку.

— Дело очень серьезное, — сказал он.

— Что, черт возьми, случилось? — потребовал я. — Он жалуется на слабость, головную боль и боли в животе. Мы долго ничего не находили.

— Да, — сказал я, — он заболел еще перед тем, как случился пожар. Он даже не мог самостоятельно выйти из дома.

— Мы провели новые, более сложные и комплексные исследования и выявили, что в организм пациента на протяжении длительного времени попадал один малоизвестный нейротоксин. Возможно, в течение нескольких недель.

Я похолодел. Фридлендер Бея пытались отравить! Вероятно, это был кто-то из домашних. У него наверняка есть враги. Мой недавний опыт с Халф-Хаджем показал, что я никого не могу оставлять вне подозрения. Потом мой взгляд нечаянно упал на Папочкин столик: на нем стояла жестянка с откинутой крышкой, в жестянке лежали финики в сахаре, фаршированные мускатными орехами.

— Умм Саад… — прошептал я. Она угощала его этими финиками с самого начала своего пребывания в доме. Я подошел к столику. — Возьмите их на анализ, — обратился я к врачу, — и вы обнаружите источник отравления.

— Но кто…

— На этот счет не беспокойтесь, — сказал я. — Займитесь пока его лечением.

Целиком поглощенный своей вендеттой, я совсем упустил из виду Умм Саад. Направляясь к двери, я вспомнил, что именно так отравила Августа Цезаря его жена — инжиром из его собственного сада, добиваясь того, чтобы ее сын стал наследником. Немудрено, что я запамятовал этот случай. Опыт истории в данной области чрезвычайно обширен.

Я спустился по лестнице и вывел автомобиль со стоянки, собираясь заехать ненадолго в полицейский участок.

Пока лифт поднимался на третий этаж, я обрел душевное равновесие и сразу направился в кабинет Хайяра. Сержант Катавина попытался остановить меня, но я оттолкнул его и прошел мимо. Распахнув дверь кабинета, я воскликнул:

— Хайяр! — В эти два слога я вложил весь свой гнев и презрение.

Он оторвал взгляд от бумаг и, увидев мое лицо, испугался.

— Одран, — произнес он, — в чем дело?

Я бросил на стол Хайяра пистолет сорок пятого калибра.

— Помнишь американца, которого мы искали? Убийцу Иржи? Его нашли мертвым на полу какой-то крысиной каморки. Кто-то

застрелил его из его же оружия.

Хайяр посмотрел на пистолет без особой радости.

— Кто-то застрелил, говоришь? Не знаешь, кто бы это мог быть?

— К сожалению, нет, — ухмыльнулся я. — Я не взял с собой ни микроскопа, ничего… Но, по-моему, кто бы он ни был, он стер свои отпечатки. Мы никогда не раскроем этого убийства. Хайяр откинулся на спинку стула.

— Вероятно. Ну что же, по крайней мере, жители нашего города с радостью воспримут это известие. Хвалю, Одран!

— Спасибо, — ответил я, направляясь к двери. У дверей я обернулся: — С номером первым покончено. На очереди номер второй.

— Кого ты имеешь в виду, черт возьми?

— На очереди Умм Саад. Кстати, о тебе мне тоже известно многое. Чем ты занимаешься, например. Держи ушки на макушке. Парень, успокоивший Яварски, может добраться и до тебя. — Я с удовольствием наблюдал, как с лица Хайяра сползала самодовольная усмешка. Выходя из кабинета, я слышал, как он что-то бормочет себе под нос и хватается за телефонную трубку. Катавина стоял в коридоре возле лифта.

— Что ты сказал ему? — озабоченно поинтересовался он.

— Не волнуйся, друг, — ответил я. — Твой дневной сон вне подозрений. По крайней мере, пока. Но я не удивлюсь, если в скором времени полицейский участок расформируют. Для разнообразия ты бы мог и поработать, чтобы немного похудеть. — Я нажал кнопку лифта.

На первом этаже настроение мое улучшилось. На улице, залитой последними лучами солнца, я почувствовал себя почти нормально.

Почти. Я до сих пор оставался пленником своей вины. Я хотел поехать домой и выяснить еще кое-какие подробности отношений Кмузу с Абу Адилем, но неожиданно для себя выбрал иной маршрут. Когда прозвучал вечерний призыв к молитве, я оставил машину на улице Сук-эль-Хемис, где находилась небольшая мечеть. Впервые за многие годы я молился со всей искренностью.

Чувство общности с теми, кто пришел вместе со мной в этот храм, не избавило меня от сомнений и угрызений совести. Я и не думал, что они исчезнут здесь. Тем не менее, как в детстве, я ощущал тепло причастности к тайне. Первый раз за все время своего пребывания в городе я приблизился к Аллаху в смирении, и мои молитвы, полные искреннего раскаяния, могли достигнуть Его слуха.

После службы я подошел к имаму. Мы разговорились, и он сказал, что я хорошо сделал, что пришел сюда помолиться. Я был благодарен ему, он не отчитал меня, а позволил чувствовать себя здесь как дома.

— Я хотел спросить еще об одной вещи, о уважаемый.

— Слушаю.

— Сегодня я убил человека.

Он не выказал особого удивления. Несколько секунд он поглаживал свою длинную бороду.

— Расскажи мне, почему ты это сделал, — наконец произнес он.

Я рассказал ему о Яварски, о том, скольких он застрелил до приезда в город, об убийстве Шакнахая.

— Он был подлецом, — сказал я наконец, — но теперь я все равно чувствую себя преступником.

Имам положил руку на мое плечо.

— В суре о корове, — заговорил он, — говорится о возмездии за убийство. То, что ты сделал, в глазах Аллаха не преступление, а похвальное деяние.

Я поглядел старику в глаза. Он не просто старался меня успокоить и освободить от угрызений совести. Он цитировал священную Книгу в том виде, как она была явлена Пророку. Я знал упомянутую имамом суру Корана, но мне нужно было услышать это из уст уважаемого человека. Тут я почувствовал, что прощен, и едва не заплакал от благодарности.

Я вышел из мечети в противоречивом настроении: во мне все еще бушевала жажда мести Абу Адилю и Умм Саад, но в то же время я ощущал неописуемую радость и умиротворение. Перед тем как отправиться домой, я решил сделать еще одно дело.

Когда я вошел в клуб, Чири работала в вечернюю смену. Я сел на свое обычное место за стойкой.

— «Белую смерть»? — спросила она.

— Нет, — сказал я. — Я ненадолго, Чири. У тебя найдется соннеин?

Она удивленно поглядела на меня:

— Кажется, нет. Что это с твоей рукой?

— А паксиум есть? Или «красотки»? Она подперла подбородок ладонью.

— Дорогуша, а я думала, ты завязал с таблетками.

— Что за черт, Чири! — сказал я. — Не томи меня.

Она пошарила под прилавком и вытащила свою маленькую черную коробочку.

— Возьми, сколько нужно, Марид, — сказала она. — Наверное, ты знаешь, что делаешь.

— Конечно, — ответил я и взял полдюжины капсул й таблеток. Налив стакан воды, я проглотил все, даже не обратив внимания на их название.

Глава 17

Почти неделю я не занимался ничем серьезным, но мой ум опережал события, мчась, точно борзая на охоте. Я рисовал себе сотни способов отмщения Абу Адилю и Умару: я варил их в чане с едкой щелочью, я насылал на них чуму, по сравнению с которой их модди показались бы легким насморком; я нанимал отряды воинов ниндзя, которые, прокравшись бы в дом, медленно резали их на кусочки. Тем временем мое тело приобретало прежнюю силу, хотя никакие электронные ухищрения в мире не заставили бы сломанные кости срастаться быстрее.

Вынужденное безделье было бы мучительным, если бы не чудесная сиделка. Ясмин сжалилась надо мной. На совести Саида был рассказ о моих геройских приключениях. Теперь все в Будайене знали, как я в одиночку пошел арестовывать Яварски. Кроме этого им стало известно, что убийца был. настолько поражен моим моральным примером, что сразу принял ислам, и, пока мы вместе молились, Абу Адиль и Умар прокрались в дом и хотели убить меня, но Яварски заслонил меня собой и умер, спасая жизнь брата по вере.

У этой истории было продолжение, в котором Умару и Абу Адилю удалось взять меня в плен и отвезти в свой дворец, где они пытали меня, сделав запись модди без моего согласия, и заставляли подписывать пустые чеки и ложные контракты, пока Саид Халф-Хадж не ворвался и не освободил меня.

В любом случае, Ясмин была такой нежной и заботливой. Кажется, Кмузу ревновал меня к ней. Я не мог этого понять, ведь многие знаки внимания, оказываемые мне Ясмин, не входили в компетенцию Кмузу. Однажды утром я проснулся и увидел, что она сидит на мне верхом, поглаживая мне грудь. На ней абсолютно ничего не было, даже трусиков.

— Эй, — сонным голосом произнес я, — там, в больнице, медсестры никогда не раздевались.

— Просто у них больше опыта, — сказала Ясмин. — А я новичок в этом деле. Я до сих пор не уверена, правильно ли все делаю.

— Правильно, правильно, — ободрил я ее, и рука Ясмин переместилась ниже. Я уже почти проснулся.

— Поскольку тебе нельзя напрягаться, за тебя это буду делать я.

— Чудесно, — ответил я. Поглядел на нее и вспомнил, как я любил ее и какой замечательной была она в постели. Но перед тем как отдаться чувственным утехам, я предусмотрительно

поинтересовался: — А что, если войдет Кмузу?

— Он отправился в церковь. Кроме того, — озорно сказала Ясмин, — даже христианин должен рано или поздно узнать о сексе. Иначе откуда же возьмутся новые христиане?

— Видимо, миссионеры обратят в христианство язычников, — предположил я.

Но Ясмин не желала вести религиозную дискуссию. Она приподнялась и оседлала меня.

— Как давно мы не занимались с тобой любовью… — счастливо вздохнула моя подруга.

— Да… — ответил я и замолчал, мое внимание уже сосредоточилось на другом.

— Когда мои волосы отрастут, я снова смогу щекотать тебя ими, как тогда.

— Знаешь, — сказал я, тяжело дыша, — мне всегда хотелось попробовать…

Глаза Ясмин расширились.

— Только не мои волосы! — закричала она. Что ж, у каждого из нас свои предрассудки. Я просто не предполагал, что смогу изобрести нечто такое заковыристое, что шокировало бы Ясмин.

Не осмелюсь утверждать, что мы трахались все утро до тех пор, пока не пришел Кмузу. Надо сказать, что я довольно долгое время вообще ни с кем этим не занимался, и мы с Ясмин набросились друг на другу с новым пылом. Наши ощущения были недолгими, но очень интенсивными. После этого Мы молча лежали в объятиях друг друга. Я чуть было не заснул, но спохватился, вспомнив, что Ясмин не любит, когда я засыпаю рядом с ней.

— Ты бы хотел, чтобы я была высокой стройной блондинкой? — спросила она.

— У меня никогда не складывались отношения с настоящими женщинами.

— Тебе нравится Индихар, я знаю. Я видела, как ты на нее смотрел.

— Ты чокнутая. Она ничем не лучше других. Ясмин пожала плечами:

— Но ты же хотел, чтобы я была высокой блондинкой?

— Ты могла бы стать ею. Еще в бытность мальчиком ты могла бы попросить хирургов… Она зарылась лицом в мое плечо.

— Они сказали, что у меня не те данные, — тихо ответила Ясмин.

— Ты нравишься мне такой, какая ты сейчас, — ласково прошептал я. И добавил: — Даже с такими большими ступнями, каких я не видал ни у одной женщины.

Ясмин быстро вскочила. Ее не позабавила моя шутка:

— Ты хочешь, чтобы я сломала тебе вторую ключицу, бахим?

Понадобилось полчаса совместного пребывания под теплым душем, чтобы успокоить Ясмин. Я оделся и смотрел, как одевается и красится Ясмин. Сегодня она не опаздывала. На работу ей надо было не раньше восьми вечера.

— Потом зайдешь в клуб? — спросила она, поглядывая на мое отражение в зеркале над туалетным столиком.

— Конечно, — ответил я. — Нужно показаться там, чтобы мои служащие не чувствовали себя как на курорте.

Ясмин усмехнулась:

— У тебя нет служащих, дорогуша. Это у Чири есть. И всегда были.

— Знаю. — Мне уже хотелось быть хозяином. Вначале я стремился как можно скорее вернуть клуб Чири, но потом решил оставить на время все как есть, — мне нравилось, что передо мной заискивают Брэнди, Кэнди, Пуалани и другие девочки. С ними я чувствовал себя боссом.

Ясмин ушла, и я сел к столу. Мою старую квартиру отремонтировали и покрасили, и я опять жил в западном крыле на втором этаже. Жить несколько дней по соседству с матерью было довольно неприятно, даже после нашего неожиданного примирения. Я ощущал себя достаточно бодрым, чтобы снова заняться незавершенным делом Умм Саад и Абу Адиля.

Когда больше не оставалось причин откладывать дело в долгий ящик, я взял золотистый модди с записью Абу Адиля.

— Бисмиллах, — прошептал я и нерешительно включил его.

Можно поклясться жизнью Пророка, это было сумасшествие! У Одрана было чувство, словно он смотрит на мир из узкого туннеля ожесточенным и эгоистичным взглядом Абу Адиля. Абу Адиль сам решал, что хорошо, а что плохо. Остального для него просто не существовало.

Еще Одран почувствовал себя в состоянии сексуального возбуждения. Еще бы! Абу Адиль получал сек-

суальное удовлетворение мазохистским способом и от тиражирования собственной личности. Для этого существовал Умар, слишком глупый, чтобы понимать, что происходит. Когда Абу Адиль рассердится на визиря или он ему наскучит, Умара заменят другим, как это происходило много раз.

Но где же «Дело Феникса»? Что значат буквы «А.Л.М.»?

Электронная память услужливо подсказала: «Алиф», «Лам», «Мим».

Это не были начальные буквы каких-то слов. Это не был акроним. Они были взяты из корана. Многие суры Корана

начинаются буквами алфавита. Никто не знает их значения. Может быть, они служат указателями каких-то мистических фраз? Пли же они — инициалы переписчика? Теперь никто ничего не скажет.

Буквами «Алиф», «Лам, «Мим» начинались несколько сур. Одран сразу догадался, какая из них имеется в виду. Это была Тридцатая сура, называемая Римской, смысл которой заключался в следующем: «Аллах — это тот, кто создал и взрастил тебя, кто затем дарует тебе смерть и новую жизнь». Мне стало ясно, что, как и Фридлендер Бей, шейх Реда представлял себя на месте Господа Бога.

Кроме того, Одрану стало известно, что «Дело Феникса» с его списком ничего не подозревающих о своей возможной участи, записано на кобальтовой дискете, спрятанной в спальне Абу Адиля.

Одрану открылось еще многое. Когда он вспомнил про Умм Саад, память Абу Адиля подсказала ему, что она — не родственница Фридлендер Бея, а шпионка, согласившаяся следить за ним. В награду за это ей было обещано, что ее имя и имя ее сына будут вычеркнуты из списка в «Деле Феникса», у нее и ее сына больше не останется причин волноваться, что кому-то могут понадобиться их почки или легкие.

Еще Одран узнал, что Яварски наняла Умм Саад, а Абу Адиль принял американского киллера под свою защиту, Умм Саад привезла Яварски в город и передала ему приказ шейха Реда убить несколько человек из списка в «Деле Феникса». Таким образом, Умм Саад была отчасти виновна в смерти этих людей, а также в поджоге и в попытке отравления Фридлендер Бея.

Одрана затошнило, жуткое ощущение надвигавшегося безумия переполнило его. Он поднял руку и выдернул модди.

Я впервые попробовал модди, записанный с живого человека. Это было отвратительно, словно я прикоснулся к чему-то личному и грязному, только с той разницей, что с тела грязь можно смыть, сознание же — материя более уязвимая. И я поклялся, что с сегодняшнего дня буду пользоваться только литературными и вымышленными характерами.

Абу Адиль оказался более ненормальным, чем я предполагал. Кроме того, я кое-что выяснил, и мои подозрения подтвердились. К своему удивлению, я обнаружил, что мотивы Умм Саад мне вполне понятны. Будь я в этом списке, я бы пошел на все, лишь бы меня оттуда вычеркнули.

Хотелось предварительно поговорить с Кмузу, но он еще не вернулся из церкви. Тогда я решил навестить мать. Может, она расскажет мне еще что-нибудь напоследок.

Я пересек двор и вошел в левое крыло. Постучав в дверь, услышал:

— Иду! — Звякнул стакан, выдвинулся и вновь задвинулся ящик стола. — Иду!

Она открыла дверь, и сразу повеяло запахом Ирландского виски. В доме Папочки она была чрезвычайно осмотрительна, однако наверняка пила и принимала наркотики в тех же количествах, что и раньше. Просто она очень следила за собой и не появлялась в нетрезвом виде. — Мир тебе, о мать моя, — сказал я.

— И тебе того же, — ответила она, покачиваясь и прислоняясь к дверному косяку. — Решил навестить меня, о шейх?

— Да, мне надо поговорить с тобой. — Я подождал, пока она открыла дверь пошире, чтобы впустить меня. Войдя, я сел на кушетку, она разместилась напротив в уютном кресле.

— Извини, — сказала Эйнджел Монро, — мне нечем тебя угостить.

— Ничего страшного.

Выглядела она неплохо. Отказавшись от экзотических одеяний и диковинного макияжа, она сейчас больше походила на ту мать, чей образ я хранил в памяти. Волосы ее были гладко причесаны, одежда — в строгом стиле. Она скромно сидела в кресле, сложив руки на коленях. Я вспомнил слова Кмузу о том, что свою мать я судил строже, чем себя, но я простил ей все. Ведь она не причинила никому зла.

— Мама, — сказал я, — ты говорила, что, вернувшись в город, сделала ошибку, вновь поверив Абу Адилю. Я знаю — тебя сюда привез мой друг Саид.

— Тебе известно об этом? — забеспокоилась она.

— Я знаю и о «Деле Феникса». Почему ты согласилась шпионить за Фридлендер Беем?

Выражение ее лица удивило меня.

— А если бы тебе за это предложили вычеркнуть твою фамилию из этого проклятого списка, ты бы не шпионил? Кроме того, я не рассказала Абу Адилю ничего такого, что он мог бы использовать против Папочки. Я никому не причиняла вреда.

Именно это я и надеялся услышать. Абу Адиль использовал Умм Саад в тех же целях, что и мою мать. Только Умм Саад пыталась убить всех в доме, а моя мать стала искать у Фридлендер Бея защиты.

Я сделал вид, что не придаю ее признанию особого значения.

— Еще ты говорила, что хотела бы заниматься чем-нибудь полезным. Ты по-прежнему этого хочешь?

— Разумеется! — ответила она, недоверчиво глядя на меня, словно я уготовил ей ужасную участь замаливания грехов.

— Мне удалось накопить некоторую сумму, начал я, — и я решил поручить Кмузу разработать проект благотворительной кухни в Будайене. Я подумал, не захочешь ли ты помочь нам…

— Конечно же. — Она нахмурилась. С тем же энтузиазмом она отреагировала бы на предложение отрезать себе язык.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил я.

И тут был поражен, увидев на ее глазах слезы.

— Знаешь, я не думала, что опущусь до такого. Я ведь еще достаточно привлекательна как женщина, как ты считаешь? Твой отец находил меня красивой, он все время твердил мне об этом. Я считаю, что, если бы у меня было что надеть — не это тряпье, которое я привезла из Алжира, — я могла бы еще кому-нибудь вскружить голову. Я же не должна оставаться до конца жизни одинокой, правда?

Мне не хотелось обсуждать с ней вопросы ее личной жизни.

— Ты еще вполне привлекательная женщина, мама.

— Вот возьму, — снова улыбнулась она, — и куплю себе мини-юбку и сапоги. Не смотри на меня так, я имею в виду очень изящную мини-юбку. Пятьдесят семь лет для нынешних времен не так уж много. Посмотри на Папочку.

Да уж, подумал я. Папочка сейчас лежал пластом на больничной койке, не в состоянии натянуть на себя одеяло.

— Сказать, чего я хочу еще? — мечтательно спросила она.

Я боялся и спрашивать.

— Да, а что?

— На рынке я видела портрет Умм Халтум, выполненный из сотен шляпок от гвоздей. Художник вбил их в большую доску и окрасил шляпки в разные цвета. Если подойти близко, ничего не разберешь, но отойдешь подальше и увидишь грандиозный портрет этой леди.

— Да, верно… — Я только что видел его на стене над изысканной и дорогой мебелью Фридлендер Бея.

— У меня тоже есть кое-какие денежки, — с таинственным видом произнесла она. Видимо, заметив мой удивленный взгляд, она добавила: — У меня есть свои секреты. Я много пожила, много повидала в жизни. Обзавелась и друзьями, и собственными капиталами. И не думай, что ты можешь распоряжаться моей жизнью только потому, что приютил меня. Захочу — и в любой момент соберусь и уеду.

— Мама, — заговорил я, — я вовсе не собираюсь помыкать тобою. Я просто подумал, что, может, ты не прочь заняться благотворительностью в Будайене. Вспомни, какими нищими

были мы в прежние времена.

Она почти не слушала меня.

— Мы были бедными, Марид, — продолжала она, предаваясь весьма приукрашенным воспоминаниям о тех далеких временах, — но это были счастливые времена. — Она снова взглянула на меня, ее лицо стало грустным. — А теперь посмотри, какой я стала.

— Ну, мне пора, — сказал я, поднимаясь и направляясь к дверям. — Пусть тебе всегда сопутствует бодрость духа, мама.

— Ступай с миром, — напутствовала она, провожая меня до дверей. — И помни о том, что я сказала тебе.

Я не совсем понял, что она имела в виду. Даже в наши лучшие времена разговоры с матерью мало что мне давали. Они напоминали продвижение изощренным способом: шаг вперед и два назад. Но, по крайней мере, я был рад, что она отказалась от мысли вернуться в Алжир и заняться своей прежней работой. Видимо, я правильно ее понял. Насчет же ее желания вскружить кому-нибудь голову, я решил, что это скорее относится к сердечному влечению, а не к коммерческим планам. Обо всем этом я размышлял по дороге в свои апартаменты в левом крыле.

Кмузу уже вернулся и собирал грязное белье в стирку.

— Вам звонили, яа Сиди, — известил он меня.

— Сюда? — Меня удивило, почему не позвонили по моему личному номеру, ведь телефон я всегда носил на поясе.

— Да. Сообщения не оставили, но просили позвонить Махмуду. Номер телефона на вашем столе.

Возможно, меня ждали утешительные новости. Вначале я собирался заняться вторым из трех неотложных дел — Умм Саад, но решил, что она подождет. Я подошел к столу и назвал номер Махмуда. Он тут же ответил.

— Привет, Махмуд. Это я, Марид.

— Привет, у меня к тебе дело.

— Подожди, я сяду. — Придвинув стул, я уселся у телефона. На моем лице появилась злорадная усмешка, но с этим я ничего не мог поделать. — Итак, что у тебя?

После непродолжительной паузы Махмуд сказал:

— Насколько тебе известно, я был очень опечален смертью Иржи Шакнахая, да будет с ним благословение Аллаха.

В чем лично я сильно сомневался. Если даже я не предполагал, что Индихар замужем, то сомневаюсь, что об этом было известно Жаку, Махмуду и остальным. Кроме Чириги. Чири всегда была в курсе подобных дел.

— Это была трагедия всего города, — уклончиво сказал я.

— Это трагедия и для Индихар. Представляю себе ее горе. А

бедность только усугубила ее положение. Я искренне сожалею, что предложил ей работать у себя. С моей стороны это было бессердечным поступком.

— Индихар — истинная мусульманка, — ответил я ледяным тоном. — И потому вовсе не расположена развлекать тебя или кого-либо другого.

— Я знаю, Марид. Не надо так горячо за нее вступаться. Главное — она поняла, что всех своих детей прокормить не сможет. Ты упоминал о том, что Индихар хочет отдать одного ребенка приемным родителям.

Я ненавидел себя за это.

— Видимо, ты не знаешь, что в свое время моя мать была вынуждена продать моего младшего брата.

— Брось, Магреби! — сказал Махмуд. — Это не купля-продажа. Ведь торговля детьми запрещена. Мы не можем продолжать разговор в таком духе.

— Ладно. Назови это как хочешь. Ты нашел людей, готовых усыновить ребенка?

Махмуд помедлил с ответом.

— Не совсем, — выдавил он наконец. — Но я нашел посредника. Я знаю его давно и ручаюсь за его честность и молчание. Ведь такие дела требуют любви к людям и большого такта.

— Разумеется, — откликнулся я. — Все это чрезвычайно важно. Не стоит лишний раз тревожить сердце вдовы.

— Так вот, именно поэтому я его и рекомендую. Он немедленно подыщет ребенку любящих родителей, а вдове вручит солидную сумму, причем таким образом, что на них не падет и тени подозрения. Вот так он работает. Думаю, мистер Он — идеальное решение проблемы Индихар.

— Мистер Он?

— Его имя Он Чонг. Он китайский бизнесмен из Кансу. Когда-то я работал его агентом.

— Понятно. — Кровь ударила мне в виски, и я закрыл глаза. — Теперь о деньгах. Сколько платит мистер Он и получаешь ли ты проценты от сделки?

— За старшего он заплатит пятьсот киамов, за младшего триста. За девочку двести пятьдесят. За двух сразу он выплатит надбавку в двести киамов, а за трех — пятьсот. Мне положены десять процентов от сделки. Если ты договоришься с ней об оплате твоих услуг, бери процент от оставшейся суммы.

— Что ж, все справедливо. Большего Индихар и не ожидает.

— Я же говорил, что мистер Он — щедрый человек.

— В таком случае — что дальше? Встретимся где-нибудь или

как?

Похоже, Махмуд, клюнул на удочку.

— Сначала мы должны осмотреть детей, чтобы убедиться в их пригодности для передачи приемным родителям. Ты не мог бы завести их через полчаса на Рафи-Бен-Гарсиа, семь?

— Хорошо Махмуд. До встречи. Передай Он Чонгу, чтобы захватил деньги, — Я отключил телефон. — Кмузу, — окликнул я раба, — закругляйся с бельем. Мы едем.

— Слушаюсь, яа Сиди. Подогнать машину?

— Да.

Поверх джинсов я накинул галлебейю, а в карман засунул статический пистолет. Я не доверял ни Махмуду, ни торговцу детьми.

Улица находилась в еврейском квартале, и дом сильно напоминал тот, который мы обследовали вместе с Шакнахаем. Стеклянная витрина была залеплена газетами.

— Подожди здесь, — бросил я Кмузу, вылез из машины и пошел к дому. Я постучал по стеклу; и через некоторое время из щели приоткрытой двери сверкнули глаза Махмуда.

— Это ты, Марид? — раздался его хриплый голос. — А где Индихар с детьми?

— Они в машине. Сначала мне надо поговорить.

— Входи. — Махмуд открыл дверь пошире, и я протиснулся мимо него. — Марид, познакомься: мистер Он.

Торговец детьми оказался низкорослым человечком со смугло-коричневой кожей и зубами такого же цвета. Он сидел на складном металлическом стуле за карточным столиком. На столике перед ним находился железный ящичек. Он взглянул на меня сквозь стекла очков в железной оправе. И этот тип не может позволить себе глаза фирмы «Никон»!

Я шагнул ему навстречу и протянул руку. Он Чонг, прищурясь, посмотрел на меня, но руки не подал. Через пару секунд я почувствовал себя идиотом и опустил руку.

— Ну как, — спросил Махмуд, — все в порядке?

Скажи ему, чтобы он открыл ящик.

— Я ничего не могу сказать мистеру Ону, — ответил Махмуд. — Он очень…

— Ничего, — сказал Он Чонг. — Взгляните. — И откинул металлическую крышку. В ящичке была такая увесистая пачка стокиамовых купюр, что на эти деньги, верно, можно было купить всех ребятишек в Будайене.

— Отлично, — сказал я, вынимая из кармана пистолет. — Руки за голову.

— Сволочь! — заорал Махмуд. — Это ограбление? Ты так

просто не отделаешься. Мистер Он достанет тебя. Деньги не принесут тебе счастья: ты станешь трупом, не успев потратить ни одного киама.

— Я полицейский, Махмуд, — с грустью произнес я. Закрыв ящичек, я передал его Махмуду. Я не мог одновременно нести деньги и держать пистолет. — Хайяр уже давно ищет Он Чонга. Даже продажный полицейский должен время от времени ловить парочку-другую настоящих преступников. Теперь его очередь.

Я повел их к машине. Пока Кмузу вел автомобиль, я держал этих мерзавцев на мушке. Вчетвером мы поднялись на третий этаж. Хайяр даже подскочил, увидев нашу компанию на пороге своего стеклянного кабинета.

— Лейтенант, — заявил я, — это Он Чонг, торговец детьми. Махмуд, поставь ящик с деньгами. Это вещественное доказательство, хотя не думаю, что оно доживет до завтрашнего дня.

— Ты не перестаешь удивлять меня, — сказал Хайяр. Он нажал кнопку на своем столе, вызывая дежурных.

— Эти двое — нечто вроде премии, — заметил я. Хайяр удивился донельзя. — Я же говорил, что у меня несколько дел. Остаются еще два: Умм Саад и Абу Адиль. А это — подарочек.

— Благодарю. Махмуд, ты свободен. — Лейтенант еще раз смерил меня взглядом, неодобрительно пожав плечами. — Думаешь, Папочка разрешит мне задержать его?

На сей раз Хайяр проявлял недюжинную следовательскую смекалку.

Махмуд испустил вздох облегчения.

— Я тебе это припомню, Магреби, — процедил он, проходя мимо. Его угрозы меня мало волновали.

— Между прочим, — сказал я Хайяру, — я ухожу из полиции. Если тебе нужен человек для регистрации дорожных происшествий, можешь поискать другого. И для раскрытия «зависших» дел тоже. Пусть другие копаются в вашей грязи, покрывая чужую халатность. Я здесь больше не работаю.

Хайяр ответил циничной усмешкой:

— Да, многие новички так реагируют на настоящую работу. Я думал, ты протянешь дольше, Одран.

Я отвесил ему звонкую пощечину. И еще одну — для равновесия. Хайяр изумленно уставился на меня, потирая пылающие щеки. Я повернулся и вышел из кабинета, Кмузу последовал за мной. Вокруг стояли копы, они все видели. И все они ухмылялись. Я тоже.

Глава 18

Кмузу, сказал я по дороге домой, — не пригласишь ли ты Умм Саад с нами пообедать?

Он покосился на меня. Вероятно, Кмузу решил, что я окончательно спятил, но предусмотрительно держал свое мнение при себе.

— Конечно, яа Сиди, — ответил он. — Накрыть в маленькой столовой?

— Ага. — Я смотрел, как за окном машины проплывают улицы христианского квартала, еще не зная в точности плана дальнейших действий.

— Надеюсь, вы правильно оцениваете силы этой женщины, — сказал Кмузу.

— Наверное. Она способна на многое. Однако, как мне кажется, психических отклонений у нее нет. Если я расскажу ей, что мне известно о «Деле Феникса» и о причинах ее появления в нашем доме, она поймет, что игра проиграна.

Кмузу постучал указательным пальцем по рулю.

— Если вам понадобится помощь, яа Сиди, я буду рядом. Вам нельзя действовать в одиночку, как тогда у шейха Реда.

Я улыбнулся:

— Спасибо, Кмузу, но не думаю, что Умм Саад настолько безумна, как выживший из ума Абу Адиль. И к тому же у нее нет такой власти, как у него. Мы просто пообедаем вдвоем. За себя я ручаюсь, иншаллах.

Кмузу еще раз задумчиво взглянул на меня, продолжая сосредоточенно вести автомобиль.

Мы подъехали к дому Фридлендер Бея, я поднялся наверх и переоделся. Надев белое длинное одеяние и белый кафтан, в карман которого переложил статический пистолет, я отключил дэдди, блокирующий боль. Особой надобности в нем уже не было, кроме того, на всякий случай у меня оставалась куча соннеинок. После отключения блокиратора, я немедленно ощутил пульсирующую боль во всем теле, особенно неприятно дергало плечевые суставы. Решив, что геройство в данном случае неуместно, я вытащил коробочку с таблетками.

Ожидая ответа Умм Саад на приглашение к обеду, я услышал призыв Папочкиного муэдзина к молитве. Со времени своего разговора в мечети на улице Сук-эль-Хемис я молился более или менее регулярно. Может, на принятые пять раз в день меня и не хватало, но зато я делал это более осмысленно, чем прежде. Я спустился в Папочкин кабинет. Там у него были коврик для

молитвы и вырубленный в стене михраб. Михраб — это полукруглое углубление в стене, обращенное в сторону Мекки; оно есть в каждой мечети. После омовения я развернул коврик, отстранил разум от суетных мыслей и обратился к Аллаху.

Когда я закончил молитву; вернулся Кмузу.

— Умм Саад ожидает в маленькой столовой.

— Спасибо.

Я скатал и убрал Папочкин коврик. Я был бодр и исполнен решимости. Прежде я считал, что подобные ощущения — временная иллюзия, вызываемая молитвенным состоянием. Но сейчас я был уверен, что моя прошлая теория ошибочна. Состояние было реальным.

— Благо, что вы вновь обрели веру, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Когда-нибудь, если захотите, я расскажу вам о чуде Иисуса Христа.

— Мусульмане знают об Иисусе, — ответил я, — и чудеса, сотворенные им, для них не секрет.

Мы вошли в столовую, и я увидел Умм Саад и ее сына за столом на своих местах. Мальчика я не приглашал, но его присутствие не остановило бы меня от того, что я намеревался сделать.

— Приветствую вас, — объявил я, — и пусть Аллах сделает эти яства полезными для вашего здоровья.

— Спасибо, о шейх, — ответила Умм Саад. А как ваше здоровье?

— Слава Аллаху, превосходно.

Я сел, а Кмузу встал за спинкой моего стула. Я заметил, что в комнату вошел Хабиб (а может, это был Лабиб), в общем, один из Камней, свободный от дежурства в больнице. Мы с Умм Саад продолжили обмен любезностями, и вскоре служанка внесла поднос с тахини и соленой рыбой.

— У вас замечательный повар, — одобрила Умм Саад. — Я наслаждаюсь здешней пищей.

— Я рад, — сдержанно откликнулся я.

Появились новые блюда: холодный фаршированный виноград, тушеные артишоки, баклажаны, фаршированные сыром. Жестом я пригласил гостей угощаться.

Умм Саад навалила своему сыну с каждого блюда полную тарелку, а затем обратилась ко мне:

— Могу я поднести вам кофе, о шейх?

— Минутку, — ответил я. — Мне не хотелось бы, чтобы юный Саад бен Салах услышал то, что я собираюсь вам сказать, но, к сожалению, время для этого наступило. Я знаю о ваших делах с шейхом Реда и о том, что вы пытались убить Фридлендер Бея.

Знаю также, что вы приказали вашему сыну поджечь дом. Знаю об отравленных финиках.

Лицо Умм Саад побелело от ужаса. Только что положив в рот фаршированную виноградину, она выплюнула ее на тарелку.

— И что же вы сделали? — хрипло спросила она.

Я тоже взял виноградину и сунул ее в рот. Проглотив, я обронил:

— Вовсе не то, что вы подумали.

Саад бен Салах встал и двинулся ко мне. Его юное лицо было искажено ненавистью.

— Клянусь бородой Пророка! — закричал он. — Я не позволю вам в таком тоне говорить с моей матерью!

— Все что я сказал — правда. Разве не там, Умм Саад?

Глаза мальчика сверкнули гневом.

— Моя мать не имеет никакого отношения к пожару. Это была моя идея. Я ненавижу вас и Фридлендер Бея. Он мой дед и отрицает это. Он обрекает свою дочь страдать в нищете. Он заслуживает смерти.

Спокойно отхлебнув кофе, я отвечал:

— Не верю. Похвально с вашей стороны, Саад, взять вину на себя, но виновата здесь ваша мать, а не вы.

— Лжец! — завопила женщина.

Мальчик набросился на меня, но Кмузу встал на его пути. А сложением он был намного крепче Саада.

Я снова повернулся к Умм Саад:

— Чего я никак не могу понять, так это зачем вам понадобилось убивать Папочку. Вам-то какая выгода?

— Значит, вы не знаете всего, — вздохнула она с облегчением. Взгляд Умм Саад переметнулся с меня на Кмузу, который мертвой хваткой вцепился в ее чадо. — Шейх Реда обещал мне, что если я разузнаю планы Фридлендер Бея или устраню его единственного соперника, то он сделает меня законной наследницей шейха. Я стану хозяйкой поместья Фридлендер Бея и его капиталов, а политические дела предоставлю вести шейху Реда.

— Да уж, — сказал я. — И всего-то для этого надо: полностью положиться на Абу Адиля. А как долго вы намереваетесь прожить после того, как устраните Папочку? Ведь Абу Адиль хочет объединить под своим влиянием два самых могущественных дома в этом городе.

— Вы лжете! — Она встала и обернулась к Кмузу: — Отпусти моего сына!

Кмузу посмотрел на меня. Я отрицательно покачал головой.

Умм Саад вынула из сумки небольшой ручной игломет.

— Я сказала — отпусти моего сына!

— Леди, — вмешался я, поднимая обе руки и показывая, что оружия у меня нет, — вы проиграли. Уберите ствол. Если вы будете продолжать в том же духе, то никакой шейх Реда не спасет вас от мести Фридлендер Бея. Абу Адиль потерял всякий интерес к вам. Ваше положение безнадежно.

Она выстрелила несколько раз в потолок, чтобы доказать серьезность своих намерений.

— Освободите мальчика, — хрипло сказала она, — и дайте нам уйти.

— Не могу вам этого позволить, — отрезал я, — думаю, что Фридлендер Бей захочет…

Услышав близкое шипение, я понял, что на этот раз Умм Саад выстрелила в меня. Я глубоко вздохнул, ожидая почувствовать боль, которая укажет место ранения, но ничего не последовало. Умм Саад была настолько взволнована, что промахнулась даже на столь близком расстоянии.

Затем она вскинула было ствол на Кмузу, который не двигался с места, защищенный телом юного Саада, — и вновь повернулась ко мне. Но тут подоспел Говорящий Камень и резко ударил ее по запястью. Игломет выпал из руки Умм Саад. Говорящий Камень занес над ней тяжелый кулак.

— Нет! — закричал я, но было слишком поздно. Мощным ударом он сбил ее с ног. Умм Саад лежала на спине, шея ее была неестественно вывернута набок. Из уголка рта вытекла струйка крови. Я понял, что Камень убил ее одним ударом.

— Вот и номер второй, — прошептал я. Теперь я мог полностью переключиться на Абу Адиля и Умара, эту наивную игрушку в руках старика.

— Сын шакала! — вскричал мальчик. Он стал вырываться, и Кмузу выпустил его. Он наклонился над матерью и обнял ее. — Мама, мама… — безутешно рыдая, повторял он.

Мы с Кмузу подождали некоторое время. Наконец я вмешался:

— Саад, вставай.

Он поглядел на меня. В жизни в глазах человека я не видел столько злобы.

— Я убью тебя, — прошипел он. — Обещаю тебе. И всем вам.

— Вставай, Саад, — повторил я, — Жаль, что все так случилось, но сделанного уже не поправишь.

Кмузу положил руку ему на плечо, но мальчик стряхнул ее.

— Слушай, что тебе говорит мой хозяин, — посоветовал Кмузу.

— Нет, — ответил Саад, и его рука молниеносно метнулась к

игломету. Камень наступил ему на руку. Саад скорчился рядом с матерью, со стоном схватившись за запястье.

Кмузу наклонился и поднял оружие. Выпрямившись, он передал его мне.

— Что делать дальше, яа Сиди? — спросил он.

— С мальчиком? — Я задумчиво посмотрел на Саада. Я знал, что от него нельзя ждать ничего хорошего, но жалел его. Он был лишь заложником в сделке его матери с Абу Адилем, доверчивым простаком в его честолюбивых замыслах. Вряд ли сам Саад понимал это. Для него мать навсегда останется мученицей и жертвой несправедливости.

— Что с ним сделать? — спросил Кмузу, вторгаясь в мои мысли.

— Отпустите его. Он и так достаточно натерпелся.

Кмузу отступил, и Саад поднялся на ноги, прижимая к груди почерневшую руку.

— Я позабочусь обо всем необходимом для погребального обряда, — пообещал я.

Еще. раз его лицо исказила ненависть.

— Не трогайте ее! — закричал он. — Я похороню ее сам. — Спотыкаясь, он пятился к двери.

У самого выхода он обернулся. — Если проклятия сбываются, — срывающимся голосом проговорил он, — призываю их на вас и весь ваш дом. Я отплачу вам стократ за то, что вы сделали. Я клянусь троекратно жизнью Пророка Мухаммеда! — И он выбежал из столовой.

— Вы приобрели заклятого врага, яа Сиди! — заметил Кмузу.

— Знаю, — сказал я, покачав головой. — Но что я могу поделать?

На столике зазвонил телефон, и Камень взял трубку.

— Да? — сказал он. Послушав немного, он передал ее мне.

Я взял трубку.

Это был второй из Камней.

— Приезжайте, — лаконично сказал он. Я похолодел.

— Мы едем в больницу, — объявил я. Поглядев на тело Умм Саад, я заколебался.

Кмузу верно истолковал мое замешательство.

— Если вы считаете нужным, яа Сиди, Юсеф займется необходимыми приготовлениями.

— Да, конечно, — сказал я. — А вас обоих я беру с собой.

Кмузу кивнул, и мы вышли из столовой в сопровождении Лабиба — или Хабиба. Кмузу подогнал седан к крыльцу. Я забрался на заднее сиденье, предоставив Камню втискиваться на место рядом с водителем.

Кмузу мчался по улицам с такой же быстротой, как в свое время мой знакомый таксист Билл. Мы были у дверей палаты номер один как раз в тот момент, когда оттуда выходила медсестра.

— Ках состояние Фридлендер Бея? — спросил я, ожидая самого худшего.

— Он еще жив, — отвечала она. — Он в сознании, но не задерживайтесь у него долго. Его готовят к операции. В палате доктор.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Подождите меня здесь, — обернулся я к своим попутчикам.

— Хорошо, яа Сиди, — отозвался Кмузу. Камень не издал ни звука, бросив враждебный взгляд на раба.

Я вошел в палату. Там санитар брил Папочке голову, готовя его к операции. Рядом, волнуясь, стоял Тарик, Папочкин камердинер. Доктор Йеникнани и еще один врач сидели за столиком, что-то обсуждая вполголоса.

— Хвала Аллаху, вы пришли, — сказал камердинер. — Хозяин спрашивал вас.

— Что случилось, Тарик? — спросил я. Он хмурился, с трудом сдерживая слезы.

— Не знаю. Врачи, наверно, скажут. Идите поскорее к хозяину, пусть он видит, что вы здесь.

Я подошел к Папочке и посмотрел на него. Казалось, он дремлет. Лицо его стало неестественно серым; веки и губы почернели. Дыхание еле слышалось. Медбрат закончил бритье, и голый череп Папочки еще больше усилил его сходство с покойником.

Он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Мы скучали по тебе, мой племянник, — сказал он. Его голос звучал еле слышно, как будто из-за спины.

— Пусть Аллах никогда не покинет тебя, о шейх, — сказал я, наклоняясь, чтобы поцеловать его в щеку.

— Ты должен сказать мне, — начал он, но задохнулся, не в силах закончить фразу.

— Слава Аллаху, все благополучно, — сказал я. — Умм Саад устранена. Мне осталось только поговорить с Абу Адилем по поводу заговора против тебя.

Его рот искривился:

— Ты будешь вознагражден за это. Как тебе удалось избавиться от женщины?

Хорошо бы он перестал, наконец, делить людей на должников и вознаграждаемых, подумал я.

— Я достал модификатор личности шейха Реда, — сказал

я. — Из него я почерпнул много полезных сведений.

Папочка перевел дыхание и с грустью проговорил:

— Значит, ты уже знаешь…

— О «Деле Феникса»? Конечно, о шейх. Мне известно, что ты творишь это недоброе дело вместе с Абу Адилем.

— Да. И теперь тебе известно, что я дед твоей матери. Что ты мой внук. Но знаешь ли ты, почему мы держали это в тайне?

Нет! До сего момента я не знал об этом, хотя и пользовался модди Абу Адиля. Меня давно уже перестал интересовать вопрос об отце и о нашем с Папочкой возможном родстве.

Значит, когда я спрашивал об этом мать, она вела себя дальновидно и осмотрительно. Конечно, она знала правду. Вот почему Папочка был так расстроен, когда я в тот раз выставил ее из дома! Вот почему его так раздражало присутствие Умм Саад: все, кроме меня, понимали, что с помощью Абу Адиля она пытается устранить законных наследников. Вдобавок Умм Саад использовала «Дело Феникса», шантажируя им Папочку. Сейчас я понимал, почему он так долго терпел ее в своем доме и поручил мне избавиться от нее.

С тех пор как указующий перст Фридлендер Бея избрал меня для своих целей, у меня появилось высокое предназначение. Был ли я избран для того, чтобы стать подневольным помощником и правой рукой Папочки? Или же для того, чтобы унаследовать богатство и власть, неотделимые от принимаемых им ежедневно страшных решений о чужой жизни и смерти?

Каким же я был идиотом, когда думал, что смогу так просто сбежать! Я стал не просто правой рукой Фридлендер Бея — я полностью принадлежал ему, его клеймо было намертво впечатано в мой генетический код. Я сник, осознав свою вечную зависимость от шейха, навсегда потеряв надежду на освобождение.

— Почему вы с матерью не сказали мне всей правды? — спросил я.

— Потому что ты у меня не один, сынок. В юности я успел стать отцом многих детей. Когда умер мой старший сын, ему было куда больше лет, чем тебе сейчас, а умер он в прошлом веке. У меня много внуков, и твоя мать — лишь из многих. А в твоем поколении потомков и вовсе невозможно сосчитать. Я не хотел, чтобы ты чувствовал себя единственным избранником и использовал родство со мной в личных целях. Я хотел убедиться, что ты достоин стать моим наследником.

Я воспринял его слова без должного энтузиазма. Мне он казался сумасшедшим, возомнившим себя Божеством. Он дарил мне свое благословение, словно подарок на именины. Папочка не

хотел, чтобы я использовал родство с ним «в личных целях»! Бог мой, что за ирония!

— Да, о шейх, — отозвался я наконец. Мне ничего не стойло казаться послушным. Ведь через несколько минут он будет лежать на операционном столе со вскрытым черепом. Тем не менее я не давал ему никаких обещаний.

— Ты должен помнить, — еле слышно прошептал он, — что у тебя много соперников — двоюродных братьев, которые могут навредить тебе.

Великолепно. Хоть какая-то перспектива:

— Значит, компьютерные записи, которые я искал…

— Часто менялись в течение многих лет. — Он слабо улыбнулся. — Не стоит доверять одной электронике. В конце концов, не наше дело доводить истину до народов мира. Разве ты не знаешь, сколь многолика бывает истина?

Чем дальше, тем больше вопросов у меня возникало.

— Значит, моим отцом был действительно Бернар Одран?

— Да. Матрос из Прованса. Хорошо, хоть это я знал наверняка.

— Прости меня, дорогой мой, — пробормотал Папочка. — Я не хотел открывать тебе правду о «Деле Феникса», и тебе нелегко пришлось с Умм Саад и Абу Адилем.

Я взял его за руку, она дрожала. — Не волнуйся, о шейх. Почти все неприятности позади.

— Мистер Одран… Я почувствовал на своем плече жесткую ладонь доктора Йеникнани. — Мы должны везти вашего патрона в операционную.

— Что с ним? Что вы собираетесь делать? Однако я понимал, что сейчас не время для дискуссий.

— Ваше предложение насчет отравленных фиников подтвердилось. В течение некоторого времени кто-то постоянно давал ему яд, основательно повредивший часть мозга, которая отвечает за дыхание, сердечный ритм и бодрствование. Если не принять срочных мер, вашего патрона ожидает необратимое коматозное состояние.

Во рту у меня пересохло, сердце бешено колотилось.

— Что вы намерены предпринять? — произнес я, задыхаясь.

Доктор Йеникнани посмотрел на свои руки.

— Доктор Лизан верит в возможность частичной трансплантации продолговатого мозга. Дело лишь за здоровой тканью от подходящего донора.

— И вы нашли такого донора? — Интересно» кого на этот раз выбрали из проклятого списка?

— Я не могу заранее обещать успешный исход, мистер Одран.

До нас эту операцию производили всего три или четыре раза, и то не в нашей части света. Но доктор Лизан верит в успех. Я ему буду ассистировать. На стороне вашего патрона — все наше профессиональное умение и молитвы преданных друзей.

Я молча кивнул, глядя, как два санитара перекладывают Фридлендер Бея с больничной постели на каталку.

— Еще кое-что… — послышался его хриплый шепот. — Ты дал приют в нашем доме вдове полицейского. Когда истекут четыре месяца траура, ты должен жениться на ней.

— Жениться на ней? — Я был так удивлен, что забыл о приличиях.

— А когда я поправлюсь, — он зевнул, с трудом удерживаясь от дремоты, вызванной воздействием лекарств, — как только я встану на ноги, мы отправимся в Мекку.

Этого я также не ожидал. Кажется, я даже застонал.

— В Мекку…

— Паломничество. — Папочка открыл глаза, словно что-то его встревожило — не предстоящая операция, нет! но невыполненные обязательства перед Аллахом. — Давно пора, — сказал шейх, и его увезли в операционную.

Глава 19

Я решил, что до встречи с Абу Адилем будет весьма предусмотрительно подождать, пока с моей руки снимут гипс. Ведь даже великий Салах Ад-Дин не смог отвоевать Иерусалим и изгнать франкских завоевателей с половиной своего войска. Я вовсе не хотел вступать в рукопашный бой с шейхом Реда и Умаром, но мне уже порядком досталось, чтобы впредь вести себя поосторожнее.

Постепенно все утряслось. Сначала были волнения из-за здоровья Фридлендер Бея, мы все за него молились. Он выжил. По словам доктора Лизана, операция прошла успешно, но Папочка все время спал, несколько суток подряд. Время от времени он просыпался и разговаривал с нами, хотя не совсем ясно представляя себе, кто мы и какой сейчас век.

Без Умм Саад и ее сына атмосфера в доме стала более жизнерадостной. Я занимался делами Папочки, улаживал городские споры. Махмуду я дал понять, что буду суров, но справедлив, и, кажется, он признал это. По крайней мере, не протестовал. Правда, его смирение могло быть показным — Махмуда трудно понять.

Пришлось мне заниматься и крупным международным скандалом. Новый диктатор Эритреи прибыл к нам с вопросом: что происходит в его собственной стране? Я занялся этим делом, и весьма успешно, благодаря Папочкиной электронной картотеке и знаниям Тарика и Юсефа о местонахождении архивных записей.

Поведение моей матери было то ли чрезмерно сдержанным, то ли откровенно глупым. Во время наших бесед мы искренне сожалели о том, что наши отношения столь неудачно сложились в прошлом, ведь мы чуть не перерезали друг другу глотки. Кмузу объяснил мне, что у детей нередко складываются такие взаимоотношения с родителями, особенно в некоторые возрастные периоды. Я принял его слова к сведению и больше по этому поводу не переживал.

Чирига получала неплохую прибыль, и мы оба остались довольны. Думаю, она радовалась бы еще больше, если бы я передал ей обратно клуб, но мне слишком понравилась роль босса. Я решил, что побуду в этой роли еще немного, — точно так же мне захотелось в прошлый раз побыть хозяином Кмузу.

Когда муэдзин призывал всех к молитве, я основательно молился, а по пятницам посещал мечеть. Репутация щедрого человека укрепилась за мной не только в Будайене, но и во всем городе. Где бы я ни появлялся, люди называли меня Марид Аль-

Амином. Я еще не совсем отвык от наркотиков: самочувствие мое еще не пришло в норму, и поэтому я не видел причины для лишних страданий.

Целый месяц после моего прощания с полицейским участком мне удалось наслаждаться тишиной и покоем. Но однажды утром, во вторник, как раз перед ленчем, раздался телефонный звонок.

— Мархаба, — ответил я.

— Да будет славен Аллах вовеки. Это Умар Абдул-Кави.

Несколько секунд я не мог произнести ни слова, борясь с приступом ярости.

— Какого черта тебе надо? — выдавил я наконец.

— Мой хозяин справляется о здоровье Фридлендер Бея. Я звоню, чтобы узнать, каково его состояние…

Я вскипел и даже не сразу сообразил, что ответить.

— Он себя чувствует прекрасно. Он отдыхает.

— А когда он вновь приступит к своим обязанностям? — Как же я ненавидел этот самодовольный голос!

— Я сказал, что он здоров. Ясно? А сейчас мне некогда, меня ждут дела.

— Минуточку, мистер Одран. — Его голос стал ханжески-льстивым. — Нам стало известно, что у вас находится нечто, принадлежащее шейху Реда…

Зная, о чем он ведет речь, я улыбнулся. Мне нравилось быть хозяином положения.

— Не знаю, о чем ты, Химар. — Что заставило меня оскорбить его? Вероятно, для него это слово прозвучало как пощечина.

— Модди, — ответил он. — Тот модди, будь он неладен.

Я помедлил, чтобы насладиться его унижением.

— Что за черт, — произнес я с притворным удивлением. — Ты все перепутал. Насколько я помню, тот модди у вас. Вспоминаешь, Химар? Ты надел на меня наручники и зверски избил, а после этого подключил ко мне модди и сделал запись. Она все еще нужна вам?

На другом конце провода повисло молчание. Верно, Умар не ожидал, что я заговорю про тот модди. Он не хотел о нем вспоминать. Однако на его чувства мне было наплевать. Я был на коне.

— Ну и как ты его использовал, ублюдок? — поинтересовался я. — Включаешь, когда твой полоумный старикашка ласкает тебя? Или как-ни-

будь иначе? Ну и как я, Химар? Не сравнить с Хани Пилар?

Я понял, что Он пытается совладать с собой.

— Может, мы сможем договориться об обмене? — наконец

спросил он. — Шейх Реда искренне желает уладить это дело. Он хочет вернуть свой модификатор личности. Я уверен, он отдаст вам вашу запись с солидным денежным вознаграждением в придачу.

— Деньги? — снова удивился я. — И сколько же?

— Не могу сказать точно, но думаю, что шейх Реда будет очень щедр. Он понимает, что причинил вам большие неприятности.

— Да, ты прав. Но сделка есть сделка. Сколько?

— Десять тысяч киамов, — сказал Умар.

Я знал, что, если не соглашусь, он. назовет более крупную сумму, но меня интересовали не деньги.

— Десять тысяч? — переспросил я таким тоном, словно цифра поразила меня.

— Да, — в голосе Умара вновь зазвучали самодовольные нотки. Он был готов заплатить за все. — Можем ли мы встретиться через час на нашей территории? Шейх Реда поручил передать вам, что в вашу честь устроен обед. Мы надеемся, что вы забудете прежние разногласия, шейх Марид. Шейх Реда и Фридлендер Бей должны наконец объединиться. А мы с вами станем друзьями. Вы согласны со мной?

— Нет Бога кроме Аллаха, — торжественно провозгласил я.

— Именем господина Каабы, — поклялся Умар. — Этот день станет памятным в нашей истории.

Я отключил телефон.

— Теперь все прояснилось, — пробормотал я, откидываясь на спинку стула. Трудно было предполагать, кто возьмет верх к концу этого дня, но, по крайней мере, обманчивое затишье миновало. Я еще не совсем спятил и поэтому захватил с собой во дворец Абу Адиля одного из Говорящих Камней, а также Кмузу и Саида. Что касается двух последних, то оба они в свое время служили у шейха Реда, и у них были с ним старые счеты. Мое приглашение разделить компанию они приняли весьма охотно.

— Я хочу загладить свою вину перед тобой, — добавил при этом Халф-Хадж.

Я оторвался от оружия, которым был занят в данный момент.

— Но ты уже сделал это.

— Нет, — сказал он. — Нет, я все еще чувствую себя твоим должником.

— У арабов есть пословица, — задумчиво произнес Кмузу. — Когда обещаешь — выполняй обещание, когда угрожаешь — не выполняй угрозы, но прощай. То же самое, что у христиан подставить другую щеку.

— Это верно, — отозвался я, — но люди, строящие свою

жизнь по пословицам, теряют массу времени на всякую ерунду.

— Расквитаться — вот лучшее завершение дела, — вот мой лозунг.

— Я не советовал вам отступать, яа Сиди. Я просто высказал чисто филологическое наблюдение.

Саид раздраженно взглянул на Кмузу.

— Ты еще должен отплатить Абу Адилю за того большого лысого парня, — напомнил он.

Дорога во дворец Абу Адиля в Хамидийе оказалась неожиданно приятной. Мы болтали и смеялись, будто на пикнике. Я не чувствовал страха, несмотря на то, что у меня не было ни модификатора, ни дэдди. Саид говорил без умолку, в обычной легкомысленной манере, за которую и получил свое прозвище.

Кмузу вел машину, но время от времени тоже вставлял словечко-другое в общий разговор. Хабиб (или Лабиб, не знаю) сидел рядом с Саидом на заднем сиденье и, как всегда, молчал.

Охрана немедленно пропустила нас, и мы поехали по незабываемому ландшафту поместья Абу Адиля.

— Один момент, — сказал я, пока привратник Камаль отпирал тяжелую резную дверь. Я еще раз проверил, заряжен ли мой статический пистолет, и заодно передал небольшой револьвер Халф-Хаджу. У Кмузу была винтовка-игломет, некогда принадлежавшая Умм Саад. Камень же не нуждался ни в каком оружии, кроме собственных рук. Я в нетерпении прищелкнул языком.

— В чем дело, яа Сиди? — спросил Кмузу.

— Решаю, что бы такой мне включить сегодня… — Я покопался в коробочке с модди и дэдди и решил, наконец, остановиться на Королевском, а модди Абу Адиля захватить с собой. Еще я включил добавочные дэдди, блокирующие боль и страх.

— Когда все это закончится, — задумчиво произнес Саид, — ты вернешь мне Королевский? Мне его очень не хватает.

— Конечно, — согласился я, хотя сам получал ни с чем не сравнимое удовольствие от этого модификатора. Без него Саид не походил на самого себя. На этот раз я дал ему антологию. Интересно было посмотреть, как Майк Хаммер врежет Абу Адилю.

— Мы должны быть настороже, — предупредил Кмузу, — и не дать им усыпить нашу бдительность. Предательство в традициях шейха Реда.

— Спасибо, — сказал я. — Твоего предостережения не забуду по гроб жизни.

Мы вчетвером выбрались из машины и направились по

выложенной плиткой дорожке к дому. Был теплый денек, и солнце ласково согревало мое лицо. Я был одет в белую галлебейю, а голову мне обтягивала вязаная алжирская шапочка. Это была весьма скромная одежда.

Мы проследовали за Камнем в зал на втором этаже. Когда мы проходили студию записи Абу Адиля, меня передернуло. Чтобы снять напряжение, я несколько раз глубоко вдохнул. Когда дворецкий впустил нас к хозяину дома, я уже обрел прежнюю уверенность в себе.

Абу Адиль и Умар сидели на больших подушках, расположенных полукрутом в центре комнаты. В середине на возвышении уже стояли несколько больших чаш с едой, кофейники и чайники.

Хозяева встали поприветствовать нас. Я сразу же заметил, что ни у одного из них не было встроенной электроники. Ко мне с широкой улыбкой подошел Абу Адиль. Он обнял меня и радостно сказал:

— Ахлан ва сахлан! — Что значило: «Приветствую тебя, угощайся!»

— Рад снова видеть тебя, о шейх. Пусть Аллах укажет тебе истинный путь.

Абу Адиль был доволен уже тем, что в поведении моем не было открытого вызова. Однако его встревожило то обстоятельство, что я взял с собой Кмузу, Сайда и Камня.

— Прошу тебя омыть пыль и грязь с твоих рук, — сказал он. — Разреши предложить тебе воды. И твоим рабам, разумеется.

— Осторожнее, дружище, — прорычал Саид под воздействием модди Майка Хаммера. — Я не раб.

— Конечно, конечно, — проговорил Абу Адиль, не теряя своей расположенности.

Мы устроились на подушках и обменялись еще несколькими традиционными комплиментами. Умар налил мне чашку кофе, и, принимая ее, я пожелал:

— Пусть стол твой всегда будет полон яств.

— Да продлит Аллах твою жизнь, — ответил Умар. Он не был в столь же радушном настроении, как и его босс.

Мы отведали ото всех блюд понемногу и мирно побеседовали. Единственным диссонансом прозвучало замечание Халф-Хаджа, выплюнувшего косточку оливки со словами:

— И это все, что у вас припасено?

Лицо шейха Реда вытянулось. Я с трудом удержался от смеха.

— Итак, — через некоторое время произнес Абу Адиль, — если не возражаете, перейдем к делу.

— Разумеется, о шейх, — охотно откликнулся я. — Горю

желанием завершить нашу сделку.

— В таком случае верни модификатор личности, который ты унес из этого дома. — Умар передал ему небольшую виниловую сумочку, Абу Адиль открыл ее. Там лежали толстые пачки десятикиамовых банкнотов.

— Я хочу попросить еще кое-что, — сказал я.

Лицо Умара помрачнело.

— Ты идиот, если думаешь, что сейчас можешь расторгнуть сделку. Мы уговорились на десяти тысячах киамов.

Я проигнорировал это невежливое замечание и повернулся к Абу Адилю:

— Я хочу, чтобы ты уничтожил «Дело Феникса». Абу Адиль довольно захохотал:

— Ты удивительной человек. Я это знал заранее, потому что никогда не расставался с этим. — И он показал мне модди, записанный в тот злосчастный день. — «Дело Феникса» — мое спасение. Только благодаря ему я дожил до столь преклонного возраста. Вне всякого сомнения, оно мне снова понадобится. С ним я могу прожить еще сотню лет.

— Мне очень жаль, шейх Реда, — сказал я, доставая статический пистолет, — но я настроен решительно. — Я взглянул на своих друзей. В их руках тоже было оружие.

— Хватит глупостей, — переполошился Умар. — Вы пришли сюда, чтобы обменяться модификаторами. Давайте покончим с этим, а все остальное — в руках Аллаха.

Я целился в Абу Адиля, не забывая при этом пить кофе из чашечки.

— У тебя превосходная еда, о шейх, — сказал я, отставив чашку. — Я хочу, чтобы ты уничтожил «Дело Феникса». Я включал твой модди и знаю,

где оно находится. Кмузу и Саид присмотрят за тобой, а я тем временем пойду и достану его. Абу Адиль и глазом не моргнул.

— Ты блефуешь, — уверенно сказал он, разводя руки в стороны. — Если ты включал мой модди, то должен знать, что существуют копии. Модди может подсказать, где находится одна или две копии, но только Умар знает об остальных. Тебе не найти их.

— Черт, — воскликнул Халф-Хадж, — спорю, что смогу заставить его заговорить!

— Не стоит, Саид, — сказал я, понимая, что Абу Адиль прав.

Мы зашли в тупик. Уничтожить копию здесь, распечатку там ни к чему не приведет. Нам не уничтожить саму идею «Деда Феникса», ведь Абу Адиль никогда не согласится от нее отказаться.

Кмузу наклонился ко мне:

— Вы должны убедить его отказаться от этой идеи, яа Сиди.

— А как?

— Не знаю.

У меня оставался последний козырь. Не хотелось, правда, его использовать. Если он не поможет, Абу Адиль выиграет, и я никогда не смогу защитить свои интересы и интересы Фридлендер Бея. Но делать было нечего.

— Шейх Реда! — медленно и отчетливо проговорил я. — В твоем модди было много всякого.

Я узнал потрясающие вещи о твоих делах и о том, что ты замышляешь.

Абу Адиль впервые за все время выказал беспокойство.

— О чем ты говоришь? — неуверенно спросил он.

— Тебе, конечно, известно, что ортодоксальные религиозные лидеры не одобряют внутричерепные имплантаты. Я не знаю ни одного имама, который подвергся бы подобной операции. Поэтому ни один из них не сможет включить твой модди и узнать все непосредственно. Но я разговаривал с шейхом Аль Хаем Мухаммадом ибн Абдурахманом, из мечети Шималь.

Абу Адиль уставился на меня широко раскрытыми глазами. Мечеть Шималь была одной из самых больших в городе. Суждения, высказанные ее авторитетами, часто обретали силу закона.

Конечно, я блефовал. Я даже не переступал порога мечети Шималь. Имя имама, разумеется, я только что придумал.

— Что же ты рассказал ему? — Голос шейха Реда дрогнул.

Я усмехнулся:

— Подррбно описал все твои старые грехи и преступления, которые ты собираешься совершить. В этом деле есть одна тонкость. Трудно сказать, сможет ли модификатор реально существующей личности служить доказательством в суде Шариата. Мы-то знаем, что может. Ведь он надежнее любого детектора лжи. Однако имамы, да благословит Аллах их праведные души, до сих пор ведут дебаты. Может пройти еще немало времени, прежде чем они примут закон. Но тогда уже может быть поздно, и ты окажешься в большой беде.

Я подождал, пока до него дойдет смысл сказанного. Всю эту вполне правдоподобную историю я придумал только что. Ведь ислам вполне мог растеряться перед подобным вопросом, как и перед любым другим, имеющим отношение к какому-нибудь техническому новшеству. К примеру, как соотносится наука о дополнительных возможностях человеческого мозга с учением Пророка Мухаммеда, да будет с ним мир и благословение Аллаха.

Абу Адиль беспокойно заерзал на своей подушке. Вероятно, он выбирал из двух зол меньшее: уничтожить ли «Дело Феникса» или предстать перед суровыми представителями Посланника Бога. Наконец он облегченно вздохнул.

— Вот мое решение, — сказал он. — Предлагаю вместо себя Умара Абдул-Кави.

Я засмеялся. Умар издал отчаянный вопль.

— Он-то нам на что сдался? — недоуменно вопросил Халф-Хадж.

Ты, верно, уже знаешь, что Умар лично занимался многими неблаговидными делами, — продолжал Абу Адиль. — Его вина не меньше моей. Но у меня есть власть и влияние. Конечно, этого недостаточно, чтобы сдержать гнев исламской городской общины, но, может быть, достаточно, чтобы переключить этот гнев на кого-нибудь другого.

Я сделал вид, что обдумываю его предложение.

— Да, — задумчиво проговорил я. — Им было бы трудно осудить тебя.

— Но совсем не трудно осудить Умара. — Шейх Реда посмотрел на своего помощника. — Мне очень жаль, мой мальчик, но ты сам виноват. Мне все известно о твоих замыслах. Из модди шейха Марида я узнал о твоем разговоре с ним, в котором ты предложил ему избавиться от меня и Фридлендер Бея, и о том, как он отверг твое предложение.

Лицо Умара смертельно побледнело.

— Но я не собирался…

Абу Адиль не сердился; казалось, он был искренне опечален.

— Думаешь, ты первый попал в такую пеpeг делку? Где все твои предшественники, Умар? Где они, честолюбивые юноши, занимавшие твою должность на протяжении полутора веков? Почти все они что-нибудь замышляли против меня. Это случалось всегда: рано или поздно. А теперь их нет, и имена их позабыты. То же самое ждет и тебя. — Абу Адиль скорбно склонил голову.

— Видишь, Химар, — засмеялся Саид. — Не рой другому яму — сам в нее попадешь.

Абу Адиль, казалось, расстроился:

— Мне будет не хватать тебя, Умар. Я любил тебя, как сына.

Было жутко интересно наблюдать происходящее. Я радовался, что все получилось так, как я хотел. На ум пришла строчка из американского романа: «Если ты потерял сына — есть надежда, что у тебя будет другой сын, но мальтийский сокол бывает раз в жизни».

Умар думал иначе. Он подскочил к Абу Адилю и закричал:

— Прежде я убью тебя! Всех вас!

Саид выстрелил, прежде чем Умар успел схватиться за свое оружие. Умар свалился, содрогаясь в конвульсиях, с лицом, искаженным болью. Наконец он затих. Несколько часов он пролежит без сознания, а потом очнется, но еще долгое время самочувствие у него будет прескверное.

— Вот это да! — всплеснул руками Халф-Хадж. — Оказывается, с ним можно справиться.

Абу Адиль вздохнул:

— Не так я собирался провести сегодняшний день.

— В самом деле? — спросил я.

— Признаюсь, я недооценил тебя. Ты хочешь забрать его?

Я вовсе не хотел обременять себя Умаром, ведь на самом деле никакого разговора с имамом не было.

— Нет; — отказался я. — Оставь его себе.

— Ты можешь быть уверен, что правосудие свершится, — заверил меня шейх Реда. При этом он бросил на злоумышленника взгляд столь суровый, что я чуть было не пожалел Умара.

— Правосудие, — вспомнил я вторую арабскую пословицу, — это когда все возвращается на свое место. Я прошу отдать мне мой модди.

— Пожалуйста. — Он протянул мне модди, перегнувшись через безжизненное тело Умара Абдул-Кави. — И деньги.

— Денег не надо. Но я оставлю у себя твой модди, чтобы не сомневаться в твоей готовности сотрудничать со мной.

— Как знаешь, — грустно ответствовал он. — Но я не могу отказаться от «Дела Феникса».

И тут мне в голову пришла идея:

— Еще одна просьба, шейх.

— Да? — Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Я хочу, чтобы из списка были вычеркнуты имена моих друзей и родственников.

— Конечно, конечно… — Абу Адиль был явно обрадован тем, что моя просьба легко выполнима. — Я буду рад помочь. Пришли мне список этих людей.

Позже, по пути к машине, Кмузу и Саид поздравляли меня.

— Полная победа! — воскликнул Халф-Хадж.

— Нет, — ответил я. — Если бы! Это проклятое «Дело» все еще у Папочки и Абу Адиля, даже если из него уберут несколько имен. У меня такое чувство, словно я обменял жизни невинных людей на жизни своих знакомых. Будто бы я сказал Абу Адилю: «Не трогай моих людей, а на других мне наплевать».

— Вы достигли почти всего возможного, яа Сиди, — сказал Кмузу. — Вы должны благодарить Бога за то, что вам удалось.

— Вероятно, это так. — Я отключил Королевский и бросил

его Саиду. Ухмыльнувшись, он поймал модди на лету.

Мы ехали домой; Кмузу с Саидом, обсуждали подробности случившегося. Я молчал, погруженный в невеселые мысли. Сам не знаю почему, я чувствовал себя побежденным. Словно бы я совершил неблаговидную сделку и знал, что она станет не последней в моей жизни.

Ночью я проснулся от того, что кто-то открыл дверь моей спальни. Я поднял голову и увидел женщину. На ней была лишь короткая шелковая комбинация.

Она откинула одеяло и легла рядом со мной, погладила меня по щеке и поцеловала. Но что это был за поцелуй!

С меня сразу слетел весь сон.

— Я подкупила Кмузу, чтобы он впустил меня, — прошептала она. С удивлением я узнал Индихар.

— Да? И чем же ты его подкупила?

— Я сказала ему, что отвлеку тебя от мрачных мыслей.

— Ему известно, что для этого у меня есть таблетки и электроника. — Я повернулся на бок, чтобы видеть ее лицо. — Индихар, зачем ты пришла? Ведь ты сказала, что не собираешься спать со мною.

— Я изменила свое решение. — В голосе ее не было радости. — И вот я здесь. Я долго думала, правильно ли я себя вела после… после смерти Иржи.

— Да смилуется над ним Аллах, — пробормотал я, обняв Индихар. Хотя она пыталась казаться мужественной, вскоре я понял, что она плачет.

— Ты сделал так много, для меня и моих детей.

— Так ты поэтому пришла? Чтобы поблагодарить?

— Да, — ответила она. — Я твоя должница.

— Ты ведь не влюблена в меня, Индихар?

— Марид, — сказала она, — не обижайся на меня. Ты мне нравишься, но…

— Но на этом все кончается. Послушай, я не думаю, что оставаться здесь вдвоем — отличная идея. Ты еще раньше говорила, что не собираешься со мной спать, и я понял твои чувства.

— Папочка хочет, чтобы мы поженились. — В голосе ее чувствовалось раздражение.

— Он считает, что иначе нам не пристало находиться вдвоем в его доме. Даже если мы не спим друг с другом.

— Я не выйду за тебя, Марид, несмотря на то, что моим детям нужен отец и ты им нравишься. И пусть Папочка говорит что угодно.

Я всегда считал, что женитьба — это то, что может случиться

с другим, но не со мной — как, например, автокатастрофа. У меня были обязанности по отношению к вдове и детям Шакнахая, и если уж мне суждено было жениться, жены лучше Индихар мне не сыскать. Но все же…

— Думаю, Папочка позабудет об этом, как только выйдет из больницы.

— Ты так считаешь? — сказала Индихар, поцеловала меня еще раз, как сестра, в щеку, неслышно выбралась из моей постели и удалилась к себе.

Я чувствовал себя предателем. Даже успокоив ее, в глубине души я не был уверен, что Фридлендер Бей забудет о своем решении. Тут же возникла мысль о Ясмин: захочет ли она встречаться со мной после моей женитьбы на Индихар?

Заснуть я уже не мог, ворочаясь с боку на бок, сбивая простыни В итоге я выбрался из постели и отправился в кабинет. Сел в уютное кожаное кресло и взял Мудрого Советника. Несколько секунд я смотрел на него, размышляя, смогу ли понять смысл всего происходящего.

— Бисмиллах, — прошептал я и включил модди.

Одран очутился в покинутом городе. Он бродил по узким улочкам — усталый, умирающий от голода и жажды. Спустя некоторое время он свернул за угол и оказался на большой рыночной площади. Палатки торговцев были пусты, на них не лежали товары. Одран понял, где он. Он снова оказался в Алжире.

— Эй! — закричал он, но ответа не было. Он вспомнил старинное присловье: «Я пришел туда, где родился, и спросил: где же друзья моих юных лет? Где они? И эхо повторило: «Где они?»

Одран заплакал от невыносимой печали и одиночества. И тогда он услышал человеческий голос. Он обернулся и увидел Посланника Бога.

— Шейх Марид, — сказал Пророк, да будет с ним мир и благословение Аллаха, — разве я не друг твоей юности?

И тогда Одран улыбнулся: — Яа Хазрат, разве найдется в мире такой человек, который не искал бы твоей дружбы? Но мое сердце так переполнено любовью к Аллаху, что в нем нет места для любви и ненависти.

— Если это так, — ответствовал Пророк Мухаммед, — тогда я благословляю тебя. Вспомни, о чем говорит этот стих: «Ты никогда не достигнешь врат святости, если не откажешься от того, что любишь больше всего на свете». Что же ты любишь больше всего, о шейх?

Я пришел в себя, но на этот раз со мной не было Иржи

Шакнахая, чтобы растолковать мне увиденное. Я подумал: какой же ответ я дам на вопрос Пророка й что я в самом деле ценю больше всего: комфорт, развлечения, свободу? Я не смог бы отказаться ни от того, ни от другого, ни от третьего. Правда, моя жизнь у Фридлендер Бея и так исключала понятие свободы.

Но до утра я мог ни о чем не думать. Сейчас у меня была одна задача — как скоротать эту ночь. И я полез за своей коробочкой с таблетками.

notes

Примечания

1

Перевод Гермаца Плисецкого.